

ISSN 3033-8751 (Online)

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2026, том 9, № 3

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2026, volume 9, No. 3

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2026, том 9, № 3

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации: Эл № ФС77–911102, дата регистрации: 10.03.2026.

Форма распространения: электронное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Редакция: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3/45, каб. 245

Сайт: <https://kljournal.ru/>

Телефон: +7 (843) 206-52-36 (доб. 36-73)

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирьянов Альфат Массумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2026, volume 9, No. 3

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: El № FS77–911102, registration date: 10.03. 2026

The shape of the distribution: online (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Founder and publisher: Kazan (Volga region) federal university

Address: 18, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Editorial office: room 245, 3/45 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Website: <https://kljournal.ru/>

Phone: +7 (843) 206-52-36 (доб. 36-73)

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Researcher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatullina Fluza Gabdullinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakirzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Педагогика. Методология и технология профессионального образования	
Возняк И.В. Проблема развития языковой личности учителя-логопеда в системе непрерывного профессионального образования	320
Сигачев М.Ю., Сигачева Н.А., Баранова А.Р. Исследование мотивации использования искусственного интеллекта студентами вуза	328
• Филология. Литературы народов мира	
Исаева А.А., Муратова Я.Ю. Идеал семьи в лирическом цикле Ф. Мориака «Прощание с отрочеством»	339
• Языки народов зарубежных стран	
Кабанова И.Н., Кондырева Ю.В. Стратегия солидаризации как инструмент установления доверительных отношений в сплетне	350
Чэнь Ясин. Феномен аббревиации в китайском интернет-дискурсе	360
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	
Абрамов А.М. Гендерный аспект индивидуального митигативного профиля политика (на материале выступлений К. Харрис)	369
Kochkin A.A., Dyrygina N.Y. Subjetividad y lenguaje en la constitución del sujeto	375
Милостивая А.И., Зайцев А.А., Бабушкина Л.Е. Профессиональная межкультурная коммуникация элитарной языковой личности в аспекте дескрипции субъективно-модальной тональности (на материале автобиографического нарратива советского периода)	384
Нгуен Т.Ш., Бухаров В.М. Функционально-прагматические характеристики речевого акта благодарности во вьетнамском и русском языках	394
Хайруллина Р.Х. Философия возраста в культуре и языке (на материале русских, турецких и башкирских паремий)	408
Хисматуллина Л.Г., Гарифуллина Д.Б. Дискурс безопасности в рамках мюнхенской конференции: лингво-компаративный аспект	419
Шматько А.А. Элитарная языковая личность как транслятор лингвокреативного поэзиса	431
Щуринов Ю.С. Аргументативность как базовая категория полемического дискурса	442

CONTENT

- **Pedagogy. Methodology and technology of vocational education**

Voznyak I.V. The Problem of Developing the Linguistic Personality of Speech Therapists in the System of Continuous Professional Education 320

Sigachev M.Yu., Sigacheva N.A., Baranova A.R. The study of Motivation for the Use of Artificial Intelligence by University Students 328

- **Philology. Literature of the peoples of the world**

Isaeva A.A., Muratova Ia.Iu. The Ideal of the Family in F. Mauriac's Lyrical Cycle "Farewell to Adolescence" 339

- **Languages of peoples of foreign countries**

Kabanova I.N., Kondyreva Y.V. The Strategy of Solidarization as a Tool of Establishing Trusting Relationships in Gossip 350

Chen Yaxing. The Phenomenon of Abbreviation in Chinese Internet Discourse 360

- **Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics**

Abramov A.M. The gender aspect of an individual mitigative profile of a politician (based on the material of K. Harris' speeches) 369

Kochkin A.A., Dyrygina N.Y. Subjectivity and Language in the Constitution of the Subject 375

Milostivaya A.I., Zaitsev A.A., Babushkina L.E. Professional Intercultural Communication of an Elite Language Personality in the Aspect of Describing Subjective-Modal Tonality (Based on the Material of an Autobiographical Narrative of the Soviet period) 384

Nguyen T.S., Bukharov V.M. Functional-pragmatic Characteristics of the Speech Act of Gratitude in Vietnamese and Russian Languages 394

Khairullina R.Kh. The Philosophy of Age in Culture and Language (based on Materials from Russian, Turkish, and Bashkir Proverbs) 408

Khismatullina L.G., Garifullina D.B. Security Discourse within the Framework of the Munich Conference: Linguo-Comparative Aspect 419

Shmat'ko A.A. Elite Language Personality as Linguocreative Poiesis Translator 431

Shchurinov I.S. Argumentativeness as a Basic Category of Polemical Discourse 442

**ПЕДАГОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF
VOCATIONAL EDUCATION**

Научная статья
УДК 378

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.320-327>

**ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ-
ЛОГОПЕДА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

И.В. Возняк

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

voznyak@bsuedu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0198-3568>

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития языковой личности учителя-логопеда в системе непрерывного профессионального образования. Речевые, коммуникативные и субъектно-деятельностные качества языковой личности учителя-логопеда выступают основой формирования его профессиональной компетентности, что определяет актуальность исследования. Цель: обобщить теоретико-практические вопросы развития языковой личности учителя-логопеда в системе непрерывного профессионального образования. Задачи: провести анализ сущности и содержания концепта «языковая личность» в профессиональной деятельности; описать специфику профессионального общения и профессиональной речи учителей-логопедов; выявить сущностные характеристики языковой личности учителя-логопеда; определить педагогические и лингводидактические условия развития языковой личности учителя-логопеда в системе непрерывного профессионального образования. Результаты и выводы: феномен языковой личности обладает значительным развивающим ресурсом для разработки инновационных моделей языкового обучения с позиции овладения субъектом обучения языковыми средствами профессионального дискурса; языковая личность учителя-логопеда формируется в пространстве профессионально-педагогического дискурса, который имеет структурно-семантические особенности и отражается в фонетических, лексико-фразеологических и текстуально-грамматических признаках речи; формирование речевых, коммуникативных и субъектно-деятельностных качеств языковой личности учителя-логопеда возможно в условиях разработки и внедрения лингводидактической модели развития языковой личности учителя-логопеда, которая интегрирует технологии дефектологической и лингвистической подготовки учителя-логопеда в системе непрерывного профессионального образования.

Ключевые слова: языковая личность; учитель-логопед; логопедическая деятельность; непрерывное профессиональное образование; лингвистическая готовность; профессиональный логопедический дискурс

Для цитирования: Возняк И.В. Проблема развития языковой личности учителя-логопеда в системе непрерывного профессионального образования. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 320–327. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.320-327>

THE PROBLEM OF DEVELOPING THE LINGUISTIC PERSONALITY OF SPEECH THERAPISTS IN THE SYSTEM OF CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION

I. V. Voznyak

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

voznyak@bsuedu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0198-3568>

Abstract. The article is devoted to the problem of development of linguistic personality of a speech therapist in the system of continuous professional education. Speech, communicative and subject-activity qualities of the linguistic personality of a speech therapist serve as the basis for formation of his professional competence, which determines the relevance of the study. Objective: to generalize theoretical and practical issues of development of the linguistic personality of a speech therapist in the system of continuous professional education. Objectives: to analyze the essence and content of the concept "linguistic personality" in professional activity; to describe the specifics of professional communication and professional speech of speech therapists; to identify the essential characteristics of the linguistic personality of a speech therapist; to determine the pedagogical and linguodidactic conditions for development of the linguistic personality of a speech therapist in the system of continuous professional education. Results and conclusions: the phenomenon of linguistic personality has a significant development resource for the development of innovative models of language teaching from the position of mastering the linguistic means of professional discourse by the subject of learning; The linguistic identity of a speech therapist is formed within the framework of professional and pedagogical discourse, which has structural and semantic features and is reflected in the phonetic, lexical-phraseological, and textual-grammatical characteristics of speech. The development of the speech, communicative, and subject-activity qualities of the linguistic identity of a speech therapist is possible through the development and implementation of a linguodidactic model for the development of the linguistic identity of a speech therapist, which integrates the technologies of defectological and linguistic training of speech therapists within the system of continuous professional education.

Keywords: linguistic personality; speech therapist; speech therapy activities; continuous professional education; linguistic readiness; professional speech therapy discourse

For citation: Voznyak I.V. The Problem of Developing the Linguistic Personality of Speech Therapists in the System of Continuous Professional Education. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 320–327. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.320-327>

Введение. Проблема развития языковой личности учителя-логопеда решается на основе научного понимания специфики профессиональной деятельности, особенностей становления личности учителя-логопеда как субъекта профессиональной деятельности, а также анализа современных моделей профессионального обучения учителей-логопедов в системе непрерывного профессионального образования. Владение речью и нормами русского языка определяют не только успешную профессиональную коммуникацию, но и способности

учителя-логопеда к анализу речевого и языкового материала, к умению осуществлять профессиональную интерпретацию специфики речевых нарушений и лингвопатологических симптомов у детей с речевыми расстройствами [1;2].

В профессиональном стандарте педагога-дефектолога ведущим требованием выступает способность учителя-логопеда демонстрировать образцы русской речи и знания норм русского языка, что играет важную роль в работе с детьми с речевыми нарушениями. Вопросы формирования языковой личности учителей-логопедов изучаются в рамках проблемы формирования лингвистической готовности будущих специалистов в процессе профессиональной подготовки, в системе непрерывного профессионального образования [2;3].

Целью проведенного исследования является обобщение теоретико-практических вопросов развития языковой личности учителя-логопеда в системе непрерывного профессионального образования. В качестве методов исследования выступают теоретический анализ лингвистической, специальной и психолого-педагогической литературы по проблеме языковой личности в современном научном знании, по вопросам лингвистической подготовки учителей-логопедов в системе непрерывного профессионального образования в контексте их профессионально-личностного развития; анализ, сравнение и обобщение педагогического опыта по развитию языковой личности учителя-логопеда в процессе обучения и профессиональной деятельности.

Результаты. Проблема развития языковой личности учителя-логопеда в системе непрерывного профессионального образования требует раскрытия сущности и содержания концепта «языковая личность» в профессиональной деятельности. Обратимся к исследованиям Ю.Н. Караулова, который определяет языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [4, с. 157]. Автором представлена структурно-содержательная модель языковой личности, включающая вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный уровни, которые отражают речевое поведение и речевую деятель-

ность человека как носителя языка [4]. С этих позиций языковая личность выступает в качестве носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [5], которая обладает значительным речевоздействующим потенциалом [6].

Специфика профессионального общения и профессиональной речи учителей-логопедов определяется целями и содержанием профессиональной деятельности. В логопедии, как пишут В.М. Гребенникова, Е.А. Шумилова, «изучаются причины, механизмы, симптоматика, течение и структура нарушений речевой деятельности, разрабатываются системы коррекционных воздействий» [7, с. 9]. Языковые и социально-коммуникативные навыки детей с речевой патологией формируются в инклюзивной образовательной среде, в которой ключевую роль играют речь и речевое воздействие учителя-логопеда [8]. Речь специалиста в процессе логопедической работы с детьми с речевой патологией выступает как образец подражания правильной русской речи, а образовательное пространство является «средой, в которой формируются основные навыки последующего социального общения, ведь в центре современной системы образования и воспитания стоит воспитание языковой личности как субъекта национальной культуры» [9, с. 112]. Логопедическое воздействие в речевых высказываниях учителя-логопеда, обращенных к ребенку, характеризуется специальными лексическими и текстуально-грамматическими средствами языка, при которых язык используется для решения учебных задач [10].

Профессиональный дискурс учителя-логопеда, как отмечает Л.С. Бейлинсон, характеризуется трафаретностью, которая проявляется в высокой предсказуемости коммуникативных действий, в доминировании директивных речевых действий [10]. Профессиональный дискурс учителя-логопеда как разновидность педагогического дискурса выполняет эталонную функцию, демонстрирует продуктивные образцы дискурсивных практик и речевого поведения. Негативные аспекты профессионального педагогического дискурса проявляются в наличии речевых стереотипов, которые снижают ценностную наполненность педагогической коммуникации [9-11]. Профессиональный педагогический дискурс, со-

гласно В.И. Карасику, опосредован реализацией объясняющей, контролирующей, оценивающей и организующей стратегиями коммуникативного поведения [12], что определяет специфику формирования языковой личности учителя-логопеда.

Языковая личность учителя-логопеда, как уникальное явление, включает специфические профессионально обусловленные ценности, коммуникативные мотивы и потребности, речевую деятельность, когнитивные способности, которые формируют специфический профессиональный дискурс специалиста во взаимодействии как с ребенком с нарушенным речевым развитием, так и с другими участниками образовательного процесса [2;3]. Описанные характеристики профессионального общения необходимо учитывать при решении задач формирования языковой личности учителя-логопеда как субъекта логопедического воздействия.

Для повышения качества профессиональной подготовки учителя-логопеда в системе непрерывного профессионального образования необходимым является разработка лингводидактической и педагогической модели развития языковой личности учителя-логопеда. Содержание и методы обучения профессионально ориентированному речевому общению учителей-логопедов должны опираться на психолингвистические характеристики речевого процесса, на структурно-содержательные особенности языковой личности учителя-логопеда. Этому способствуют современные психолингвистические и лингвистические знания, внедрение методов анализа речевой деятельности, инновационных психолингвистических технологий, задействующих все уровни структурной организации языковой личности, что обеспечивает лингвистическую готовность учителя-логопеда к достижению высоких результатов логопедической работы с детьми, имеющими речевые нарушения. В образовательной программе профессиональной подготовки учителя-логопеда следует особое место отводить практико-ориентированным дисциплинам, таким, как «Психолингвистика», «Основы речевой культуры дефектолога» и др., направленных на формирование си-

стемных представлений о профессиональном языке и речи, о закономерностях развития языковой личности учителя-логопеда в процессе выполнения профессиональной деятельности [1;2].

Заключение. Анализ проблемы исследования позволил осветить ряд вопросов, актуальных для специального (дефектологического) образования. Языковая личность включает специфические профессионально обусловленные мотивационно-ценностные, деятельностные и речевые характеристики, которые формируют специфический профессиональный дискурс учителя-логопеда. Языковая личность учителя-логопеда является инструментом воздействия на нарушения речи у детей, развивается в типовых педагогических ситуациях, определяет способность специалиста к достижению высоких профессиональных результатов. Феномен языковой личности обладает значительным развивающим ресурсом в системе профессионального образования для разработки инновационных лингводидактических моделей языкового обучения. Формирование языковой личности учителя-логопеда в системе непрерывного профессионального образования требует разработки и внедрения лингводидактической модели, которая должна опираться на психолингвистические характеристики профессионального дискурса и речевого процесса, на структурно-содержательные особенности языковой личности учителя-логопеда.

Список литературы

1. Алмазова А.А. Тенденции развития лингвистической подготовки логопедов в процессе стандартизации высшего профессионального образования. *Наука и школа*. 2011.4:8-14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-lingvisticheskoy-podgotovki-logopedov-v-protseesse-standartizatsii-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya> [дата обращения: 18.12.2025].
2. Алмазова А.А. Формирование профессиональной языковой личности логопеда как актуальная проблема высшей школы. *Специальное образование*. 2014;1(33): 7-13. URL: <https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/51176/1/speo-2014-01-02.pdf?ysclid=mko6mfeztb327262305> [дата обращения: 20.12.2025].
3. Пецух О.П. Развитие языковой личности учителя-логопеда как условие оптимизации логопедического воздействия. *Сибирский педагогический журнал*. 2012;3: 274-278. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-yazykovoy-lichnosti-uchitelya-logopeda-kak-uslovie-optimizatsii-logopedicheskogo-vozdeystviya?ysclid=mko6xxyrn50331525> [дата обращения: 20.12.2025].
4. Манаенкова М.П. Речевая компетентность выпускника вуза - основа его успешной социализации. *Социально-экономические явления и процессы*. 2013;9 (55):156-158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-kompetentnost-vypusknika-vuza-osnova-ego-uspeshnoy-sotsializatsii?ysclid=mkof3kjg6596825425> [дата обращения: 18.12.2025].
5. Карасик В.И. Речевая коммуникация: дискурсивный аспект. *Грани познания*. 2013;1(21): 23-33. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1368528148.pdf> [дата обращения: 20.12.2025].

6. Янбердин А.Г., Фаткуллина Ф.Г. Речевоздействующий потенциал языковой личности в институциональном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(4):568-577. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.568-577>
7. Гребенникова В.М., Шумилова Е.А. Современные аспекты подготовки учителей-логопедов: анализ ситуации, практика и результаты. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021;1(13):9-14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-aspekty-podgotovki-uchiteley-logopedov-analiz-situatsii-praktika-i-rezultaty?ysclid=mko807wba0599553447> [дата обращения: 20.12.2025].
8. Сигал Н.Г., Кондратьева И.Г. Инклюзивная образовательная среда: социально-коммуникативные навыки у детей с особыми образовательными потребностями. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;4(3): 412-432. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnaya-obrazovatel'naya-sreda-sotsialno-kommunikativnye-navyki-u-detey-s-osobymi-obrazovatel'nymi-potrebnostyami?ysclid=mps5ww88de553436733> [дата обращения: 29.05.2026].
9. Казанцева Е.А., Фаткуллина Ф.Г., Валиахметова Э.К. Языковая личность современного российского педагога. *Вестник Уфимского государственного нефтяного технического университета*. 2022;1(39): 111-120. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-1-39-111-120>.
10. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения. *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2009;1(9):145-149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-diskurs-kak-predmet-lingvisticheskogo-izucheniya?ysclid=mkoh2qffgj42036182> [дата обращения 18.12.2025].
11. Петунина А.Р. Речевой портрет учителя в китайской лингвокультуре. *Казанский лингвистический журнал*. 2021;4(4):582–588. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.582-588>
12. Карасик В.И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса. *Вестник Московский городской педагогический университет*. 2023;2(50): 118-129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10>

References

1. Almazova, A.A. Tendencies of the development of linguistic training of speech therapists in the process of standardization of higher professional education. *Science and School*. 2011.4:8-14. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-lingvisticheskoy-podgotovki-logopedov-v-protssesse-standartizatsii-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya> [accessed 18.12.2025]. (In Russ.)
2. Almazova A.A. Formation of the professional linguistic personality of a speech therapist as a topical issue in higher education. *Special education*. 2014; 1(33): 7-13. (In Russ., abstract in Eng.) Available from: <https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/51176/1/speo-2014-01-02.pdf?ysclid=mko6mfeztb327262305> [accessed 20.12.2025]. (In Russ.)
3. Petsukh O.P. Development of the linguistic personality of a speech therapist as a condition for optimizing speech therapy impact. *Siberian Pedagogical Journal*. 2012; 3:274-278. (In Russ., abstract in Eng.) Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-yazykovoy-lichnosti-uchitelya-logopeda-kak-usloviye-optimizatsii-logopedicheskogo-vozdeystviya?ysclid=mko6xxyrn50331525> [accessed 20.12.2025]. (In Russ.)
4. Manayenkova M.P. The Speech Competence of a University Graduate as the Basis for His Successful Socialization. *Social and Economic Phenomena and Processes*. 2013;9(55):156-158. (In Russ., abstract in Eng.) Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-kompetentnost-vypusknika-vuza-osnova-ego-uspeshnoy-sotsializatsii?ysclid=mkofi3kjq6596825425> [accessed 18.12.2025]. (In Russ.)
5. Karasik V.I. Speech Communication: The Discursive Aspect. *Grani Poznaniya*. 2013;1(21): 23-33. (In Russ., abstract in Eng.) Available from: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1368528148.pdf> [accessed: 20.12.2025]. (In Russ.)
6. Yanberdin A.G., Fatkulina F.G. The Speech-Influencing Potential of a Linguistic Personality in Institutional Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4):568-577. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.568-577>. (In Russ.)
7. Grebennikova V.M., Shumilova E.A. Modern Aspects of Training Speech Therapists: Analysis of the Situation, Practice, and Results. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;1(13):9-14. (In Russ., abstract in Eng.) Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-aspekty-podgotovki-uchiteley-logopedov-analiz-situatsii-praktika-i-rezultaty?ysclid=mko807wba0599553447> [accessed 20.12.2025]. (In Russ.)
8. Sigal N.G., Kondratyeva I.G. Inclusive Educational Environment: Social and Communicative Skills in Children with Special Educational Needs. *Kazan Linguistic Journal*. 2020;4(3): 412-432. (In

Russ., abstract in Eng.) Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnaya-obrazovatel'naya-sreda-sotsialno-kommunikativnye-navyki-u-detey-s-osobymi-obrazovatel'nymi-potrebnostyami?ysclid=mps5ww88de553436733> [accessed 29.05.2026]. (In Russ.)

9. Kazantseva E.A., Fatkullina F.G., Valiakhmetova E.K. The Linguistic Personality of a Modern Russian Teacher. *Bulletin of the Ufa State Petroleum Technological University*. 2022;1(39):111-120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-1-39-111-120>. (In Russ.)

10. Beilinson L.S. Professional Discourse as a Subject of Linguistic Study. *Bulletin of the Volgograd State University*. 2009;1(9):145-149. (In Russ., abstract in Eng.) Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-diskurs-kak-predmet-lingvisticheskogo-izucheniya?ysclid=mkoh2qffgj42036182> [accessed 18.12.2025]. (In Russ.)

11. Petunina A.R. Speech Portrait of a Teacher in Chinese Linguistic Culture // *Kazan Linguistic Journal*. 2021;4(4):582–588. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.582-588> (In Russ.)

12. Karasik V.I. Linguocultural Characteristics of Pedagogical Discourse. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University*. 2023; 2(50): 118-129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10>. (In Russ.)

Автор публикации

Возняк Ирина Владимировна –
доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
Белгород, Россия
Email: voznyak@bsuedu.ru
<https://orcid.org/0009-0005-0198-3568>

Author of the publication

Voznyak Irina Vladimirovna –
Associate Professor
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia
Email: voznyak@bsuedu.ru
<https://orcid.org/0009-0005-0198-3568>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.03.2026
Одобрена после рецензирования: 25.06.2026
Принята к публикации: 26.07.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 10.03.2026
Approved after peer reviewing: 25.06.2026
Accepted for publication: 26.07.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ПЕДАГОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF
VOCATIONAL EDUCATION**

Научная статья
УДК 378.4

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.328-338>

**ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СТУДЕНТАМИ ВУЗА**

М.Ю. Сигачев¹, Н.А. Сигачева², А.Р. Баранова³

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия

²Казанский инновационный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

³Казанский инновационный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

¹sigachevmyu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7895-4398>

²nsigacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8746-6828>

³baranova.alfiyarafailovna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7187-861X>

Аннотация. Статья вносит вклад в рассмотрение роли и места искусственного интеллекта в учебной деятельности студентов вузов. В статье анализируется мотивация использования искусственного интеллекта студентами вуза. В процессе исследования использованы такие методы как: систематизирование и теоретический анализ педагогической литературы по проблеме исследования; интервью, модифицированная методика выявления мотивов использования ИИ в учебной деятельности. Авторы представляют обзор педагогической литературы в области использования ИИ в образовании. Теоретические положения исследования опираются на сравнительный анализ подходов к определению и роли ИИ в учебной деятельности, а также выявленных мотивов использования ИИ студентами и иллюстрируются педагогической практикой использования искусственного интеллекта в учебной деятельности студентов вуза. В статье приводится количественный анализ диагностики мотивационной направленности студентов на использование ИИ в учебной деятельности. Разработанные авторами интервью и модифицированная методика могут быть практически использованы в педагогических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы для расширения и углубления содержания различных курсов в вузе, в частности курса информационных технологий в образовании и др.

Ключевые слова: высшее образование; искусственный интеллект; мотивационная направленность; учебная деятельность

Для цитирования: Сигачев М.Ю., Сигачева Н.А., Баранова А.Р. Исследование мотивации использования искусственного интеллекта студентами вуза. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 328–338. (На англ.) <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.328-338>

Original article

Pedagogy studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.328-338>

THE STUDY OF MOTIVATION FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE BY UNIVERSITY STUDENTS

M.Yu. Sigachev¹, N.A. Sigacheva², A.R. Baranova³

¹*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

²*Kazan Innovative University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

³*Kazan Innovative University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

¹sigachevmyu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7895-4398>

²nsigacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8746-6828>

³baranova.alfiyarafailovna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7187-861X>

Abstract. The article contributes to the consideration of the role and place of artificial intelligence in the educational activities of university students. The article analyzes the motivation for using artificial intelligence by university students. The research methods used include systematization and theoretical analysis of pedagogical literature on the research topic, interview, modified method for identifying the motives for using AI in educational activities. The authors provide a review of the pedagogical literature on the use of AI in education. The theoretical provisions of the study are based on a comparative analysis of approaches to defining and role of AI in educational activities, as well as the identified motives for using AI by students, and are illustrated by pedagogical practice of using artificial intelligence in the educational activities of university students. The article provides a quantitative analysis of the diagnosis of students' motivational orientation towards the use of AI in educational activities. The questionnaire developed by the authors and the modified method can be practically used in pedagogical research. The results of the work can be used to expand and deepen the content of various courses at the university, in particular, the course on information technology in education, etc.

Keywords: higher education; artificial intelligence; motivation and educational activities

For citation: Sigachev M.Yu., Sigacheva N.A., Baranova A.R. The study of Motivation for the Use of Artificial Intelligence by University Students. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 328–338. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.328-338>

Introduction

The rapid advance of the era of artificial intelligence in the field of higher education has led to an increase in research interest in various aspects of the scientific problem. The government supports scientific research in the field of artificial intelligence (AI), including for the training of students [Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated 10.10.2019 (as amended on 15.02.2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation". National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030]. The state's strategic focus on the digital transformation of education and the use of artificial intelligence (AI) technologies in student learning has led to an increased demand for uni-

versity graduates with expertise in information technology. The need to educate students in a digital educational environment and develop AI technologies has set goals for the higher education system that must be based on a solid scientific foundation.

Scientists confirm that AI has a high potential in the learning process and is one of the ways to increase the efficiency of the educational process [1], [2]. F. Filgueiras [3], A. Ngyen [4], emphasize that AI has a bidirectional, revolutionary nature and is capable of transforming education by improving the teaching process and student learning activity. R. Lampou [5] believes that is important to note that AI has the potential to impact the level of teacher-student interaction positively. Moreover, according to C.Al. Rios-Campos [6], AI has the ability to motivate educators to use innovative technologies in teaching to ensure quality education.

The analysis of pedagogical literature has revealed a lack of scientific publications in the area of the motivational component of AI use by university students. Mentioned above has led to the identification of a research problem: what are the motivations for using AI by university students in humanities field? The purpose of this study is to identify, analyze, and compare the motivations for using AI in education by students in humanities fields.

The study and analysis of scientific pedagogical literature revealed that scientists I.A. Aleshkovsky [7], L.V. Konstantinova [8], P.M. Lukichev [9], L.B. Osipova [10], N.L. Shamne, M.V. Milovanova [11], L. Liyuan L., J.A. Obdalova [12], investigated the potential, prospects, specifics and risks of using AI in education, its theoretical foundations.

Currently, there are several established approaches to defining the concept of *artificial intelligence*. The authors note the specific features, functions, scientific value of the concept, its relationship with human activity imitation, as well as its complexity and technological nature. Below are some approaches to definition proposed by modern researchers.

According to I.A. Aleshkovsky [7], F. Filgueiras [3] *artificial intelligence* is a complex of technological developments that allows a system to imitate human cogni-

tive functions in order to achieve comparable or superior results of intellectual activity. Scientists I.B. Yeltunova [2] also notes that AI is associated with scientific fields that focus on solving problems related to the modeling of intellectual human activities, including self-learning and problem-solving without an existing algorithm.

Modern researchers analyze the advantages of using AI in education. So, I.A. Aleshkovsky [7] believes that AI optimizes the educational opportunities of higher education ensuring: personalized, adaptive learning; increasing the level of interaction between teachers and students; group study work; automation of the development and implementation of the fund of assessment tools; assessment of students' knowledge.

It is noted in the studies of T.A. Vidova [1] and P.M. Lukichev [9], that such elements of AI as virtual reality, chatbots, intelligent learning systems, and gamification are currently being used in education and contribute to improving the effectiveness of feedback, individualization, conducting virtual experiments, and enhancing the performance of consulting systems, as well as developing analytical work, increasing visibility, and evaluating results. The authors consider it important to use AI to improve the quality of forecasts and evaluate the results of educational activities.

Modern research has revealed that there are certain risks associated with the use of artificial intelligence in education. Scientists I.A. Aleshkovsky [7], T.A. Vidova [1], P.M. Lukichev [9] are concerned about the increase in the number of academic violations. A. Nguyen [4] points to plagiarism, ethical problems, violation of personal data security, lack of development of regulations, lack of competence of teachers and students. I.A. Aleshkovsky [7], A. Nguyen [4]. I.A. Aleshkovsky [7] analyze lack of equal access to artificial intelligence technologies.

The analysis of pedagogical literature in the field of research has led to the need to identify the motivational orientation of students in using AI in learning. The study involved 173 second-year students of Kazan (Volga Region) Federal University who study in the humanities at the Institute of Psychology and Education. The study was conducted in two stages. In the first stage, students participated in an interview

"How I See the Advantages and Disadvantages of Using AI in Educational Activities." The second stage focused on identifying the motivations behind the use of AI by university students.

In the interview with a teacher, the respondents noted the advantages of using AI in educational activities based on the above criteria. For example, the students gave an average score of 8 for *the scientific style of presentation*:

Sergey M. "The generated text uses a scientific style: logical construction, terminology, and a clear and precise structure of presentation."

The next criterion is *spelling correctness*, which the students rated at 9 points. Elvira A. "There are almost no spelling errors. The only issue is that the punctuation is sometimes incorrect, which reduces the overall impression of the text's neatness." Vladislav K. "The 9-point rating for the spelling correctness criterion was put because the artificial intelligence was able to write the essay correctly. There were no spelling errors, incorrect sentence structure, or punctuation mistakes."

Analyzing the criteria (10 points) of *compliance with the topic and its disclosure*, as well as *the logic of presenting the content*, the interview participants noted the following:

Kira F. "The AI has succinctly covered the proposed topic, taking into account the main requirements. The names of 20th- and 21st-century scientists are provided, as well as their contribution to the development and popularization of scientific theories."

Discussing the criterion of *AI applicability in the educational process* (7 points), the survey participants reported:

Danil U. "The material may be useful for university students, but it will require additional revision. Firstly, the names of real regulatory documents could be added. Secondly, the wording needs to be adapted for younger students to better understand the task."

When asked about the *availability of the AI platform* (friendly usage, saving time, simple and convenient registration, and payment), the respondents highlighted several aspects (8 points):

Stepan K. "The platform is easy to use, and the interface is intuitive even for beginners. The time required is minimal due to the system's fast response and the absence of complex registration procedures."

Sofia R. "The Alice AI platform is publicly available without registration and can be accessed through the Yandex Browser app."

When analyzing the *disadvantages of using AI in educational activities*, students noted the following:

- AI does not always fully and deeply cover the topic;
- the use of AI reduces their critical thinking;
- AI cannot replace individual analysis and personal understanding of the topic;
- a small amount of factual material is used;
- the presentation is closer to a journalistic style than an academic one;
- the text does not correspond to the scientific style as it contains epithets, metaphors;
- there is no critical reflection on the contribution of mentioned scientists;
- Alice AI works only for 5 attempts without being paid;
- works created using AI do not reflect personal thoughts and style.

The modified method "Study of the Motives for the Use of AI by Students in Educational Activities" was used at the last stage of the study in order to identify the dominant motives for using AI in educational activities. The students were provided with an instruction and a list of motives on a form, which they evaluated on a 10-point scale based on their significance to them, without skipping any of the motives. It was assumed that 1 point corresponded to the minimum significance of a motive, and 10 points corresponded to the maximum significance. The list included 20 motives (Table 1).

Table 1. Motives for using AI in educational activities

№	Name of the motive
1	I'd like to become a qualified and in-demand graduate.
2	I'd like to get a diploma.
3	I'd like to continue studies successfully.
4	I'd like to study successfully, pass exams with grades of "good" and "excellent".
5	I'd like to receive a scholarship.
6	I'd like to acquire deep and solid knowledge.

7	I'd like to apply the acquired theoretical knowledge in practice effectively.
8	I'd like to apply information and communication technologies in educational and professional activities successfully.
9	I'd like to be always ready for classes.
10	I'd like to study the subjects in the curriculum successfully.
11	I'd like to keep up with groupmates.
12	I'd like to ensure the success and high pay of my future professional activities.
13	I'd like to meet the requirements of my professors.
14	I'd like to improve myself.
15	I'd like to learn how to interact with colleagues in my professional activities and share positive experiences effectively.
16	I'd like to learn how to use information technology to interact with my teachers.
17	I'd like to be a model to my groupmates.
18	I'd like to gain the approval of my parents and others.
19	I'd like to avoid being criticized or punished for my poor academic performance.
20	I'd like to get intellectual satisfaction.

The results were processed and the dominant motives were qualitatively analyzed using an individual protocol for each student and for the group as a whole. Tables 2 below presents the results of the assessment of the motives for using AI in the educational activities of students in the humanities and natural sciences.

Table 2. Motives for using AI in the educational activities of students

Motives	Number of cases of motive choice	Number of points per motive	Motive rank (Which motive is chosen more often, which is chosen less often)
1	53	424	17
2	47	329	14
3	43	344	15
4	41	328	13
5	27	135	9
6	32	192	11
7	24	144	10
8	49	392	16
9	58	464	18
10	39	195	12
11	6	18	3
12	64	576	19
13	36	144	10
14	28	112	8
15	12	48	4
16	14	70	6
17	5	15	2
18	12	110	7

19	8	64	5
20	4	12	1
Number of students	173		

The higher the number of points, or the higher the rank, the more valuable the motive is. For students in the humanities, the most motivational value is: *the ability to ensure the success and high salary in future professional activity* (64 students – 576 points); *to be constantly ready for the next classes* (58 students – 464 points); *the opportunity to become a qualified and in-demand graduate* (53 students – 424 points); *to apply information and communication technologies in educational and professional activities successfully* (49 students – 393 points). The least number of points was noted by the participants for the motives: *to keep up with classmates* (6 students – 18 points), *to be the model for classmates* (5 students – 15 points), and *to get intellectual satisfaction* (4 students – 12 points).

The obtained results allowed us to draw the following conclusions:

1. The analysis of scientific pedagogical literature on the problem under study revealed the growing interest of the scientific pedagogical community in studying the problems of using artificial intelligence in educational activities of university students. Among the factors that attract students of the humanities to the use of AI in their educational activities, *the reduction of time required for independent work* was identified as the most significant one. The factor of *negative teachers' attitudes towards the use of AI in educational activities* was identified as the least significant factor.

2. Currently, there is no unified approach to defining the role and place of AI in the education of university students. Scientists agree that the use of AI in the learning process has undeniable prospects and requires scientific justification and practical testing. Studying scientific literature allows us to consider *artificial intelligence as the ability of a computer system to interpret input information correctly, process data, and apply the resulting knowledge to achieve the goal of modeling intelligent computer behavior and the ability to imitate or improve human behavior*.

3. The approbation of diagnostic tools for identifying the motivational orientation of university students towards the use of AI in educational activity demonstrated that they correspond to the objectives set in the study. The use of the interview and "Study of the Motives for the Use of AI by Students in Educational Activities" contributed to the objective data obtaining. This allowed us to conclude that the results of the students in the humanities were comparable. At this stage of the study, significant differences in the level of students' motivation to use AI in their educational activities were not revealed.

Список литературы

1. Видова Т.А. Возможности применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе. *Образовательные ресурсы и технологии*. 2023; 1(42): 27 – 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovatelnom-protssesse> (дата обращения: 29.11.2025).
2. Елтунова И. Б. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в образовании. *Современное педагогическое образование*. 2021; 11: 150 – 154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-algoritmov-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii> (дата обращения: 29.11.2025).
3. Filgueiras F. Artificial intelligence and education governance. *Education, Citizenship and Social Justice*. 2024;19 (3): 349 – 361. DOI: 10.1177/17461979231160674
4. Nguyen A., Ngo H.N., Hong Y., Dang B., Bich-Phuong, Nguyen T. Ethical principles for artificial intelligence in education. *Education and information technologies*. 2023; 28 (4): 4221–4241. <https://doi.org/10.1007/s10639-022-11316-w>
5. Lampou R. The integration of artificial intelligence in education: Opportunities and challenges. *Review of Artificial Intelligence in Education*. 2023; 4: 2–12. <https://doi.org/10.37497/rev.artif.intell.educ.v4i00.15>
6. Rios-Campos C., Cánova E.S.M., Zaquinaula I.R.A., Zaquinaula H.E.A. Artificial Intelligence and Education. *South Florida Journal of Development*. 2023; 4(2): 641–655. DOI:10.46932/sfjdv4n2-001
7. Алешковский И.А. Гаспаришвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О. В., Савина Н.Е. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024; 2:335–353. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-335-353
8. Константинова Л. В., Ворожихин В.В., Петров А.М., Титова Е.С., Штыхно Д.А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы. *Открытое образование*. 2023; 27 (2): 36 – 48. <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2023-2-36-48>
9. Лукичев П. М., Чекмарев О.П. Риски применения искусственного интеллекта в системе высшего образования. *Вопросы инновационной экономики*. 2024; 14 (2): 463 – 482. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya/viewer> (дата обращения: 29.11.2025).
10. Осипова Л. Б. Искусственный интеллект в образовании: реальные возможности и перспективы. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2024;1:60–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-realnye-vozmozhnosti-i-perspektivy> (дата обращения: 29.11.2025).

11. Шамне Н.Л., Милованова М.В. Использование цифровых технологий в рамках коммуникативного аспектного обучения неродному языку. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2):153-165. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.153-165>

12. Люань Л., Обдалова О.А. Инновационная модель обучения иностранным языкам в цифровой среде. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3):309-319. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.309-319>

References

1. Vidova T.A. Possibilities of Applying Artificial Intelligence Technologies in the Educational Process. *Obrazovatel'ny'e resursy i texnologii = Educational Resources and Technologies*. 2023; 1(42): 27–35. (In Russ.) Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovatelnom-protsesse>

2. Yeltunova I. B. The use of artificial intelligence algorithms in education. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2021; 11: 150–154. (In Russ.) Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-algoritmov-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii> (accessed: 25.11.2025.)

3. Filgueiras F. Artificial intelligence and education governance. *Education, Citizenship and Social Justice*. 2024;19 (3): 349–361. DOI: 10.1177/17461979231160674

4. Nguyen A., Ngo H.N., Hong Y., Dang B., Bich-Phuong, Nguyen T. Ethical principles for artificial intelligence in education. *Education and information technologies*. 2023; 28 (4): 4221–4241. <https://doi.org/10.1007/s10639-022-11316-w>

5. Lampou R. The integration of artificial intelligence in education: Opportunities and challenges. *Review of Artificial Intelligence in Education*. 2023; 4: 2 –12. <https://doi.org/10.37497/rev.artif.intell.educ.v4i00.15>

6. Rios-Campos C., Cánova E.S.M., Zaquinaula I.R.A., Zaquinaula H.E.A. Artificial Intelligence and Education. *South Florida Journal of Development*. 2023; 4(2): 641–655. DOI:10.46932/sfjdv4n2-001

9. Aleshkovsky I.A. Gasparyashvili A.T., Narbut N.P., Krukhmaleva O.V., Savina N.E. Russian Students on the Possibilities and Limitations of Using Artificial Intelligence in Education. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya = Bulletin of RUDN University. Series: Sociology*. 2024; 2: 335–353. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-335-353

8. Konstantinova L. V., Vorozhikhin V.V., Petrov A.M., Titova E.S., Shtykhno D.A. Generative Artificial Intelligence in Education: Discussions and Forecasts. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2023; 27 (2): 36–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2023-2-36-48>

9. Lukichev P. M., Chekmarev O.P. Risks of Applying Artificial Intelligence in the Higher Education System. *Voprosy innovacionnoy ekonomiki = Issues of Innovative Economy*. 2024; 14 (2): 463 – 482. (In Russ.) Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya/viewer> (accessed: 25.11.2025.)

10. Osipova L. B. Artificial Intelligence in Education: Real Opportunities and Prospects. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politexnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences*. 2024;1: 60 – 73. (In Russ.) Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-realnye-vozmozhnosti-i-perspektivy> (accessed: 29.11.2025.)

11. Shamne N.L., Milovanova M.V. Using Digital Technologies in the Framework of Communicative Aspect Teaching a Foreign Language. *Kazan linguistic journal*. 2025;8(2):153-165. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.153-165>

12. Liyuan L., Obdalova O.A. The Innovative Pathways of Foreign Language Teaching Model in the Digital Environment. *Kazan linguistic journal*. 2025;8(3):309-319. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.309-319>

Авторы публикации

Сигачев Михаил Юрьевич –
ассистент кафедры
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: sigasigachev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7895-4398>

Сигачева Наталья Альбертовна –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени
В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: nsigacheva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8746-6828>

Баранова Альфия Рафаиловна –
заведующий кафедрой, кандидат
педагогических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени
В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: baranova.alfiyarafailovna@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7187-861X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22.08.2026
Одобрена после рецензирования: 15.09.2026
Принята к публикации: 20.09.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный ва-
риант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Mikhail Yu. Sigachev –
Assistant
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: sigasigachev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7895-4398>

Natalya A. Sigacheva –
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor
Kazan Innovative University named after
V.G. Timiryasov (IEUP)
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: nsigacheva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8746-6828>

Baranova Alfiya Rafailovna –
Head of the Department, PhD in Pedagogical
Sciences, Associate Professor
Kazan Innovative University named after
V.G. Timiryasov (IEUP)
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: baranova.alfiyarafailovna@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7187-861X>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of in-
terest.

Article info

Submitted: 22.08.2026
Approved after peer reviewing: 15.09.2026
Accepted for publication: 20.09.2026

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous re-
viewer(s) for their contribution to the peer review of
this work.

Научная статья
УДК 821.133.1.0

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.339-349>

ИДЕАЛ СЕМЬИ В ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ Ф. МОРИАКА «ПРОЩАНИЕ
С ОТРОЧЕСТВОМ»

А.А. Исаева¹, Я.Ю. Муратова²

Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Россия

¹nasy-2002@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9470-8067>

²y_muratova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2229-8675>

Аннотация. Изображение буржуазной семьи занимает важное место во всем творчестве Ф. Мориака. Статья исследует идеальный образ, который автор выводит в лирическом цикле «Прощание с отрочеством». Основное внимание уделяется тому, как в раннем поэтическом творчестве писателя формируется образ семьи как идиллического микрокосма и как этот образ связан с ключевыми мотивами детства, болезненного взросления и религиозного поиска. Целью исследования является выявление специфики и эволюции семейного идеала в лирическом цикле и в последующей зрелой прозе Мориака. Ставится проблема двойственности семьи: с одной стороны, она является источником божественной любви и духовной опоры, с другой – пленом нежного детства.

В результате анализа устанавливается связь лирического цикла с романом «Тайна семьи Фронтенак». Показано, как в «Прощании с отрочеством» формируется модель семьи, основанной на беззаветной любви, ключевым образом которой является фигура матери. Несмотря на болезненность расставания с детством, этот идеал становится для лирического героя нравственным фундаментом. «Прощание с отрочеством» является смысловым и образным предшественником зрелой прозы Мориака, где тема семьи, веры и сохранения духовной чистоты в буржуазном мире получает дальнейшее развитие.

Ключевые слова: Ф. Мориак; лирический цикл; «Прощание с отрочеством»; идеал семьи; «Тайна семьи Фронтенак»

Для цитирования: Исаева А.А., Муратова Я.Ю. Идеал семьи в лирическом цикле Ф. Мориака «Прощание с отрочеством». *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 339–349. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.339-349>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.339-349>

THE IDEAL OF THE FAMILY IN F. MAURIAC'S LYRICAL CYCLE
“FAREWELL TO ADOLESCENCE”

A.A. Isaeva¹, Ya.Yu. Muratova²

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia

¹nasy-2002@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9470-8067>

²y_muratova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2229-8675>

Abstract. The depiction of the bourgeois family occupies a prominent place in the work of F. Mauriac. This article explores the ideal image the author creates in his lyric cycle «Farewell to Adolescence». The article focuses on the depiction of the family as an idyllic microcosm that is shaped in the writer's early poetry and how this image is connected to key motifs of childhood, the painful experiences of adolescence, and religious quest. The goal of the research is to identify the

specifics and evolution of the family ideal in the lyric cycle and in Mauriac's subsequent prose. The problem of the duality of the family is raised: on the one hand, it is a source of divine love and spiritual support, on the other hand, the captivity of tender childhood.

The analysis establishes a connection between the lyric cycle and the novel «The Frontenac Mystery». It demonstrates how «Farewell to Adolescence» develops a model of family based on selfless love, the key image of which is the figure of the mother. Despite the pain of parting with childhood, this ideal becomes the lyrical hero's moral foundation. «L'adieu à l'adolescence» is a semantic and figurative precursor to Mauriac's mature prose, where the themes of family, faith, and the preservation of spiritual purity in the bourgeois world are further developed.

Keywords: F. Mauriac; lyrical cycle; «Farewell to Adolescence»; ideal of the family; «The Frontenac Mystery»

For citation: Isaeva A.A., Muratova Ia.Iu. The Ideal of the Family in F. Mauriac's Lyrical Cycle «Farewell to Adolescence». *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 339–349. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.339-349>

Франсуа Мориак (1885-1970) начал свой творческий путь с поэзии, в 1909 году вышел первый сборник стихов «Руки, сложенные для молитвы» (*Les Mains jointes*). Эту линию продолжает ряд прочих лирических произведений (сборники «Пропавшие без вести», *Le Disparu*, 1918; «Грозы», *Orages*, 1925), которые предшествуют основному – прозаическому – творчеству писателя. К их числу принадлежит цикл «Прощание с отрочеством» (*L'adieu à l'adolescence*, 1911).

Произведение «Прощание с отрочеством» состоит из 48 отдельных стихотворений, названных по первым строкам и включающим в себя ключевые образы (например, Пор-Рояль). Многозначительные многоточия подчеркивают задумчивое настроение лирического героя, погружающегося в собственные воспоминания. Композиционно сочинение делится на 4 неравные части. В первую, посвященную детству и волнениям перед грядущим, входит 13 поэтических отрывков; вторая и третья повествуют непосредственно о прощании с отрочеством и первых разочарованиях зрелости, и содержат 8 и 9 стихов соответственно. В самой большой четвертой части герой стремится бежать от окружающего мира и обращается к детству. Она включает в себя 18 стихотворений. Можно заметить, что большую часть произведения составляют первая и последняя части, где лирический герой пребывает в любви и в единстве с Богом.

«Прощание с отрочеством» можно считать поэтическим сборником за счет, например, деления на фрагменты. Однако оно содержит в себе черты поэ-

мы: наличие героя, который через взросление проходит свой жизненный путь, сквозных персонажей (друг, члены семьи) и повторяющихся образов (сад и отчий дом, молитвы). Нам представляется, что в данном тексте преобладают черты лирического цикла. М.Н. Дарвин, обращаясь к проблематике формы в целом, рассматривал его как сложную композиционную форму, обладающую внутренней логикой [1]. Целостность лирического цикла, по Дарвину, обусловлена авторским замыслом и взаимодействием между стихами, которое создает новый смысл. В «Прощании с отрочеством» Мориака можно заметить их тематическое единство и сюжетность, которые не имеют эпического развития. В произведении видно становление личности и постепенное отдаление от детства, изображенное через процесс взросления и повторяющиеся мотивы и воспоминания, то есть скорее психологическое движение. М.Н. Дарвин отмечает, что для анализа цикла важен именно диалог между стихотворениями, а для поэмы – логика развития и архитекtonика [1; 72]. Разные стихотворения у Мориака можно рассматривать обособленно от остальных, но вместе они приобретают особый смысл становления человеческой души. Именно в авторском порядке произведение повествует о взрослении личности и отражает весь путь от детской непосредственности и вхождения во «взрослый мир» до воссоединения лирического героя с Богом. Однако отдельные стихотворения являются самостоятельными и доступными индивидуальному анализу. Поэтому условимся называть «Прощание с отрочеством» лирическим циклом.

Стоит отметить, что все творчество Франсуа Мориака тесно связано с религией, его главный лейтмотив: «Бог есть любовь». Поэтому обыкновенная католическая литература чужда писателю, поскольку ее назидательность не отражает, а искажает жизнь [2, с. 28]. Несмотря на приверженность христианству, Мориак критически относился к официальной церкви и ханжеству буржуазного общества. Критическое отношение к догмам привело писателя к мысли о непосредственном единстве человека с Богом – в непорочной и искренней любви.

Что касается тематической составляющей цикла, то семья и взросление всегда занимали одно из важнейших мест в мировой литературе. Именно там формируется личность и человек впервые познает мир, а принятие или отторжение ценностей влияет на характер. Через взросление происходит переход человека из домашнего микрокосма в реальный мир, поэтому оно так важно для формирования личности. К подобным сюжетам активно обращались многие писатели 19 и 20 веков как европейские (Ч. Диккенс, Л. Н. Толстой, Э. Золя), так и писатели Нового Света (например, Дж. Д. Сэлинджер, Г. Г. Маркес). Частыми мотивами в рамках темы являются принятие или отрицание семейных ценностей, утрата детской невинности, путь самоидентификации. Во многих произведениях взросление предстает как болезненный, но необходимый путь к пониманию мира и себя самого.

Сюжет цикла «Прощание с отрочеством» посвящен расставанию с детством – теме, которая станет одной из ключевых во всем творчестве Мориака. К ней он возвращается в таких романах, как «Дитя под бременем цепей» (*L'Enfant chargé de chaînes*, 1913), «Тереза Дескейру» (*Thérèse Desqueyroux*, 1927), «Клубок змей» (*Le Nœud de vipères*, 1932), «Тайна семьи Фронтенак» (*Le Mystère Frontenac*, 1933). В каждом произведении автор противопоставляет образ безмятежного детства и внешний мир, который поглощает героев по мере их взросления. Прежние иллюзии разрушаются, и жизнь ставит перед героями выбор: вернуться к вере или погрузиться в духовную пустоту. Мориак создает особое пространство, круг семьи, в котором закладываются основы истинной любви, а задача человека в процессе становления – не потерять Бога в себе.

Автор в самых первых стихах произведения подчеркивает чувствительность и уязвимость юношеского сердца, которое боится грядущей неизвестности, поэтому презирает и отталкивает все вокруг себя. Этот контраст представляет собой типичное противопоставление детства и взрослого мира, невинности и жизненного опыта. Лирический герой задается вопросом, должен ли он отбросить все свои ребяческие чувства и привязанности для того, чтобы двигать-

ся вперед, стать взрослым. Но прошлое не отпускает его, и заставляет обращаться к воспоминаниям. В первых же строках можно заметить, что «нежное детство», ставшее истоком личности лирического героя, является точкой притяжения всех его мыслей:

Mon Dieu, ce fable cœur que tout blesse et repousse

Est le prisonnier d'une enfance trop douce [3, с. 5].

«Боже мой, это слабое сердце, которое все ранит и отвергает,

Является пленником слишком нежного детства».

Здесь и далее перевод автора статьи (И.А.).

Лирический герой с ностальгией вспоминает дни, проведенные в отчем доме, и семейные молитвы. Уже тогда рождается предчувствие грядущего расставания с детством, которое представлено через образ ребенка, день за днем понемногу отдаляющегося от своей семьи [3, с. 6]. Это прошлое становится тяжестью для лирического героя, поэтому он просит Бога об избавлении от плена сладостных воспоминаний. Образ безмятежности ушедших лет ярко контрастирует с полным волнений внешним миром. Этот мотив напоминает о проблеме разграничения мечты и реальности в романах с семейной проблематикой, где неправильное представление о счастье приводит к трагедии [4, с. 522]. Только герой Мориака идеализирует именно образ детства, вокруг которого и стоит нереалистичные ожидания от взрослой жизни.

В цикле чувствуется значимость мотива семьи, развивающегося во всех последующих романах Мориака. Отрицательный образ буржуазной семьи замечен в большинстве произведений. Например, она предстает в виде клубка змей в «Клубке змей» и клетки в «Терезе Дескейру». Однако «Прощание с отрочеством» рисует светлый образ близких, который связан с самыми прекрасными воспоминаниями. Посредством обращения к памяти автор показывает семью спокойным местом посреди окружающего взрослого мира, полного волнений и страстей. Этот контраст проявляется в самом образе семьи, который Мориак в цикле представляет как тепло родного очага, идеал мира и спокойствия (*Quand*

mon front, caressé de paix familiale... «Когда мой лоб, ласкаемый семейным покоем...» [3, с. 6]). В этих строках проявляется почти осязаемая забота, однако тут возникает мотив подавления: лирический герой попадает в «клетку» собственного «нежного детства» (*d'une enfance trop douce* [3, с. 5]), из которой не может выбраться. Можно сделать вывод, что, несмотря на теплоту воспоминаний, семейный покой не только защищает от внешнего мира, но и ограничивает развитие.

Расставание с детством вызывает у лирического героя боль именно потому, что семья представляет собой идиллическое пространство. В цикле «Прощание с отрочеством» Мориак объединяет гармоничский пейзаж отчего дома с образами родственников. Этот прием, позволяющий проникнуть в воспоминания лирического героя, создает картину абсолютного блаженства и детского рая. Автор рисует отдельные детали прошлого, которые в итоге составляют скорее не действие, а общее ощущение безмятежности:

*Je veux vous évoquer, ô fatigues divines
Dans les greniers brûlants, au long des cache-cache,
Dimanches de juillet, jardin, azur sans tâche,
Rires sous les chapeaux de paille des cousines... [3, с. 12]*
«Я призываю тебя, божественная утомленность
На раскаленных чердаках во время игры в прятки,
Июльские воскресенья, сад, без облака лазурь,
Смех под соломенными шляпами кузин...»

Описание гармонии июльского дня пропитано детской живостью. В воспоминаниях лирического героя не описан процесс игры в прятки, однако в тексте подразумевается присутствие других людей – братьев, сестер и кузин, через упоминания их смеха, элементов их одежды (шляпки). Каждый миг прошлого важен для него, поскольку связан с невинными чувствами и любовью, которая проявляется во всех описаниях.

В конце цикла, в стихотворении *Le long de la tapisserie...* «Вдоль гобелена...», можно увидеть еще один способ изображения членов семьи героя. Он

сидит вместе со своей невестой и рассматривает фотографии предков – это затерянные в истории люди, которые уже почти не известны нынешнему поколению [3, с. 189]. С помощью такой перспективы герой смотрит на знакомых ему людей, членов семьи, но узнает их с совершенно новой стороны. Тут родственники представлены на фотографиях как неподвижные картинки, однако в них присутствует и внутренняя жизнь. Мать на своем детском фотопортрете предстает как удивленный ребенок, что только сильнее сближает с ней лирического героя, что открывает ему новые грани собственной семьи.

В стихотворении, озаглавленном *C'est l'époque... «Это время...»*, и в другом, *Le Salon de famille... «Семейная гостиная...»*, Мориак описывает сестру лирического героя. В первом фрагменте она играет и поет «Любовь поэта» Шуберта. Образ вновь вписан в гармоническое восприятие мира. Его сопровождают описания картин природы: птицы в пасмурном небе, дождь за окном [3, с. 25]. Несмотря на непогоду, которая олицетворяет тягость взросления героя, сестра, появляющаяся в данном стихотворении, воссоздает домашний комфорт, дает чувство защиты: *caché dans la cabane* «укрывшись в доме» [3, с. 25]. Семейное начало отсылает к детству и позволяет спрятаться от наступающей осени, дает приют и теплоту даже в тот момент, когда все вокруг кажется безысходным. Мориак обращается к контрасту, в котором ощущение уюта создают образы родственников. Природа тут лишена идиллии и олицетворяет внешний мир, которому чужда настоящая любовь. Семья в «Прощании с отрочеством» не просто олицетворяет детство, но и становится помощником в тяжелом процессе взросления, а также в самой взрослой жизни.

Наиболее существенным символом всего поэтического цикла Мориака является фигура матери, которая звучит лейтмотивом произведения. В начале видно, как она создает домашнее тепло вокруг сына. Он вспоминает, как засыпал на плече матери: она шептала молитвы и «вдыхала» в детей свою любовь. В конце этот образ вновь появляется уже в качестве духа. Мориак создает почти сверхъестественную картину, указывающую на бессмертие материнской любви.

ви. И именно это чистое и искреннее чувство является воплощением Бога в человеческом сердце.

Мать в «Прощании с отрочеством» олицетворяет чистую, божественную любовь, связанную с образом Богородицы. На протяжении всего произведения в ее описание вплетаются религиозные мотивы: слова молитвы, звон колокола. А в стихотворении *Mon Christ est toujours là... «Мой Христос всегда рядом...»* лирический герой и его возлюбленная встречают тень матери, прогуливаясь по парку, – эта встреча вызывает в их сердцах тихую привязанность, которая позволит создать молодым собственную крепкую семью, построенную на истинных ценностях. Соприкосновение с призраком вызывает в сердцах возлюбленных ощущение присутствия Бога. В данном стихотворении божественность материнского чувства доведена до кульминации, даже смерть не прервет любви матери к детям. Она становится проводником между прошлым и будущим, между поколениями.

Кроме того, материнская, божественная, любовь противопоставлена человеческой, что особенно заметно в стихотворении *Dès le collège... «Еще в коллеже...»*. В данной части цикла возникают исторические образы, отсылающие к рассказам о страсти между людьми. Незнакомое чувство влечет за собой умы шестнадцатилетних юношей, которые прежде знали только материнскую нежность. Теперь они одержимы желанием страстной любви [3, с. 44], что символизирует их взросление, переход из микрокосма семьи в большой мир человеческих влечений. Однако в стихотворении *Consolez-vous, mon cœur... «Утешайся, мое сердце...»* можно заметить, что новая любовь не удовлетворяет лирического героя. Чувство, которое встречает молодого человека во взрослом мире, является страстью. Герой растерял в себе божественное чувство, и ощутил одиночество:

– *Et malgré les amours dont ma langueur s’amuse,*

C’est une solitude, hélas! où Dieu n’est plus [3, с. 52].

«– И, несмотря на любовь, которая отвлекает меня от томлений,

Увы! Это одиночество. Здесь Бога больше нет».

Земная любовь отдаляет от истины: раньше Бог был, а теперь его нет. Невинность души осталась в детстве и потеряна вместе с ним. Повзрослевший герой сталкивается со страстью, которая может удовлетворить только его плоть. Сердце, уже познавшее Бога, стремится к искренней любви, подобной материнской.

Идиллический образ семьи встречается в творчестве Франсуа Мориака нечасто. Чаще в произведениях Мориака появляются семьи, основанные не на любви, а на материальных ценностях. Однако в романе «Тайна семьи Фронтенак» (*Le Mystère Frontenac*, 1933) писатель возвращается к идее, представленной в «Прощании с отрочеством». Главный герой романа, Ив Фронтенак, подобно лирическому герою поэтического цикла, неизбежно вырастает и отрывается от семьи. Но, несмотря на все поиски, он сохраняет в своей душе любовь к близким, к своему прошлому, благодаря которым «тайна» семьи не может быть разрушена. Она скрепляет членов семьи в единое сообщество [5, с. 14].

В конце романа у главного героя остаются только воспоминания о блаженном детстве в отчем доме и чувство, которое было заложено в него в данный период жизни. Даже после смерти матери видно, что ее любовь освещает жизненный путь детей [2, с. 130]. Для Бланш Фронтенак невозможен мир, где бы ее сыновья «не были бы сердцем ее сердца» [6, с. 222] – они все связаны крепкой любовью, которая преодолевает смерть и бездуховность мира вокруг. В ее образе проступают ангельские черты матери из «Прощания с отрочеством». Мать закладывает божественную любовь в сердца своих детей, но осознает необходимость отпустить их дальше, во внешний мир, в зрелость.

Можно говорить о том, что лирический цикл Мориака «Прощание с отрочеством» является предтечей «Тайны семьи Фронтенак». В романе автор возвращается к описанию семьи, суть которой заключается в беззаветной любви. Оба произведения демонстрируют болезненное расставание героев с детством: взросление ранит их, но каждый герой возвращается к воспоминаниям. И если в

обоих молодых людях живет любовь, возвращенная внутри семьи, то им открыт путь к Богу. Самозабвенное материнское чувство способно даже на это - из «клубка змей» сделать «гнездо голубей» [7, с. 152], даже в темной буржуазной среде воспитать достойных людей. Семья как в цикле «Прощание с отрочеством», так и в романе «Тайна семьи Фронтенак», является сакральным сообществом, в котором человеческая личность формируется во всей полноте эмоциональных и интеллектуальных способностей и духовных основ.

Список литературы

1. Дарвин М.Н. *Проблема цикла в изучении лирики*. Кемерово: КемГУ.; 1983.
2. Наркирьер Ф.С. *Франсуа Мориак*. Москва: Художественная литература; 1983.
3. Mauriac F. *L'Adieu à l'Adolescence*. Paris; 1911. (На фр. яз.)
4. Сотудехмехр Ф., Алташина В.Д., Яхьяпур М. Трансформация представлений героинь о семейном счастье в романах «Госпожа Бовари» Г. Флобера, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и «Любовь и слеза» Дж. Фазела. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(4):520–532.
5. Андреев Л.Г. Чистилище Франсуа Мориака. *Франсуа М. Избранные произведения. Романы и повесть. Подросток былых времён*. Пер. с франц. и сост. М. Ваксмахер. Пред. Л. Андреева. Москва: Радуга; 1985. С. 5-16.
6. Мориак Ф. *Тайна семьи Фронтенак*. Москва: Издательство АСТ; 2023.
7. Gagnepain Jean. Le monde de François Mauriac. Paris: *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 1956; (1): 33-158. (На фр. яз.)

References

1. Darvin M.N. *The problem of the cycle in the study of lyric poetry*. Kemerovo: KemGU.; 1983. (In Russ.)
2. Narkir'er F.S. *François Mauriac*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura; 1983. (In Russ.)
3. Mauriac F. *L'Adieu à l'Adolescence*. Paris; 1911. (In Fr.)
4. Sotoudehmehr F., Altashina V.D., Yahyapour M. The Transformation of Heroines' Perceptions of Family Happiness in the Novels "Madame Bovary" by G. Flaubert, "Anna Karenina" by L. N. Tolstoy, and "Love and Tears" by J. Fazel. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(4): 520–532. (In Russ.).
5. Andreev L.G. François Mauriac's purgatory. *François M. Selected. Novels and snovellas. Mal-taverne*. Per. s frants. i sost. M. Vaksmakher. Pred. L. Andreeva. Moskva: Raduga; 1985. S. 5-16.
6. Moriak F. *The Frontenac mystery*. Moskva: Izdatel'stvo AST; 2023.
7. Gagnepain Jean. Le monde de François Mauriac. Paris: *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 1956; (1):133-158. (In Fr.)

Авторы публикации

Исаева Анастасия Алексеевна –

аспирант

Литературный институт имени А.М. Горького

Москва, Россия

Email: nasy-2002@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-9470-8067>

Муратова Ярослава Юрьевна –

доцент

Литературный институт имени А.М. Горького

Москва, Россия

Email: y_muratova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2229-8675>

Authors of the publication

Isaeva Anastasiia Alekseevna –

Postgraduate student

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative

Writing

Moscow, Russia

Email: nasy-2002@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-9470-8067>

Muratova Iaroslava Iurevna –

Associate Professor

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative

Writing

Moscow, Russia

Email: y_muratova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2229-8675>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2026

Одобрена после рецензирования: 20.05.2026

Принята к публикации: 25.07.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вари-
ант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of inter-
est.

Article info

Submitted: 25.01.2026

Approved after peer reviewing: 20.05.2026

Accepted for publication: 25.07.2026

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous re-
viewer(s) for their contribution to the peer review of
this work.

**СТРАТЕГИЯ СОЛИДАРИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ
УСТАНОВЛЕНИЯ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СПЛЕТНЕ**

И.Н. Кабанова¹, Ю.В. Кондырева²

*Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н.А. Добролюбова, Н. Новгород, Россия*

¹*kabanova@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9628-2740>*

²*yvkondyreva@lunn.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4018-0591>*

Аннотация. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать способы установления доверительных отношений в сплетне. В фокусе исследования оказывается коммуникативная стратегия солидаризации, а также способы ее реализации в речи – коммуникативные тактики. Для каждой из выделенных тактик определяются языковые средства и приемы вербализации в англоязычной коммуникации. Тактика выяснения общих взглядов задействуется для выяснения отношения адресата к обсуждаемому человеку, что позволяет сохранить лицо в случае различия мнений. Для этого используются вопросы личного характера, но лишенные оценочного компонента. Одним из способов сплочения коммуникантов является тактика создания мы-общности. К ее языковым средствам относятся личные и притяжательные местоимения первого лица множественного числа и лексемы с отрицательной коннотацией для описания лиц, не входящих в группу адресата и адресанта. Для поддержания рассказчика может применяться тактика выражения согласия, которая вербализуется при помощи ряда лексем, а на уровне синтаксиса – риторических вопросов, повторов и завершения предложения за говорящего. Для смягчения резких высказываний используется тактика выражения субъективного мнения, которая заключается в использовании слов с общим значением, модальных глаголов и наречий, выражающих неуверенность и разделительных вопросов. Тактика шутки поддерживает гармоничное развитие коммуникации. Для ее реализации могут использоваться перифраз, аллюзия, ирония и другие приемы.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; сплетня; стратегия солидаризации

Для цитирования: Кабанова И.Н., Кондырева Ю.В. Стратегия солидаризации как инструмент установления доверительных отношений в сплетне. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 350–359. <https://doi.org/10.26907/3031-8751.2026.9.3.350-359>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/3031-8751.2026.9.3.350-359>

**THE STRATEGY OF SOLIDARIZATION AS A TOOL OF
ESTABLISHING TRUSTING RELATIONSHIPS IN GOSSIP**

I.N. Kabanova¹, Y.V. Kondyreva²

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

¹*kabanova@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9628-2740>*

²*yvkondyreva@lunn.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4018-0591>*

Abstract. The article is meant to analyze ways to establish a trusting relationship in gossip. The research focuses on the communicative strategy of solidarization, as well as ways of its imple-

mentation in speech which are communicative tactics. For each of the identified tactics, linguistic means and techniques of verbalization in English communication are determined. The tactic of clarifying common views is used to clarify the addressee's attitude towards the person being discussed, which allows to save face if opinions differ. For this purpose questions of a personal nature but devoid of an evaluative component are used. One of the ways to unite communicants is the tactic of creating a we-community. Its linguistic means include personal and possessive pronouns of the first person plural and lexemes with negative connotation to describe persons who are not part of the group. To support the narrator, the tactic of expressing consent can be used, which is verbalized with the help a number of lexemes, and at the syntactic level, rhetorical questions, repetitions, and sentence completion for the speaker. To mitigate harsh statements, the tactic of expressing a subjective opinion is used, which consists in using words with a broad common meaning, modal verbs and adverbs expressing uncertainty and tag-questions. Tactic of a joke supports the harmonious development of communication. Periphrasis, allusion, irony, and other techniques can be used to implement it.

Keywords: communicative strategies; communicative tactics; gossip; solidarization strategy

For citation: Kabanova I.N., Kondyreva Y.V. The Strategy of Solidarization as a Tool of Establishing Trusting Relationships in Gossip. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 350–359. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/3031-8751.2026.9.3.350-359>

С одной стороны, сплетня используется для передачи информации. С другой стороны, исследователи отмечают праздноречевой характер сплетни [1, 2], что связано со стремлением коммуникантов развлечься в процессе общения. Стоит отметить, что это достаточно частотная дискурсивная практика, сопровождающая человечество с древнейших времен и не ограничивающаяся лишь двумя указанными функциями. Психологи, антропологи и социологи рассматривают сплетню как мощный инструмент социального обучения [3; 4] и социализации [5], контроля корыстного поведения в группе [6] и даже относят сплетню к одному из фундаментальных условий существования общества в современном состоянии [7]. Однако лингвистические исследования данного феномена носят фрагментарный характер и требуют дальнейшего уточнения. Видится перспективным рассмотреть сплетню с позиций прагматики, а именно проанализировать, как в ней воплощается коммуникативная стратегия солидаризации. Коммуникативная стратегия представляет собой «определенный план, реализация которого должна привести к ожидаемым адресантом результатам» [8]. В связи с тем, что процесс коммуникации – иерархическая система [9], коммуникативные стратегии состоят из единиц меньшего порядка, которые помогают

решать отдельные частные задачи. Такими единицами являются коммуникативные тактики.

Под сплетней в настоящей работе понимается информация о поведении и личной жизни других людей (information about the behavior and personal lives of other people) [10, p. 713]. В связи с тем, что в сплетне часто затрагиваются скандальные или шокирующие детали о жизни других людей, адресант сплетни может столкнуться с осуждением, если выражает мнение, которое адресат не разделяет. Чтобы обезопасить свое положение адресант может применять тактику выяснения общих взглядов, помогающую ему определить, можно ли развивать начатую тему или же безопаснее переключиться на обсуждение нейтральной. Эта тактика реализуется при помощи вопросов личного характера, но лишенных оценочного компонента со стороны адресанта. В отрывке (1) Рэйчел оказывается на девичнике, где она знакома только с невестой, а остальные девушки слишком высокомерны и игнорируют ее. Начав разговор с Софи, она старается выяснить, дружит ли девушка с ними и что ей о них известно:

1) **“Aren’t these your friends?”**

“A few, but most of these girls I don’t know. I recognize them, of course.”

“Who are they? Are some of them famous?”

“In their own minds, perhaps. These are the more *social* girls, the type that are always appearing in the magazines, attending all the charity galas. Far too glamorous a crowd for me. I’m sorry, but I work twelve-hour shifts and don’t have the time to go to benefit parties in hotels. I have to benefit my patients first.” [11, p. 156]

Софи указывает на различия между остальными девушками на вечеринке (the more *social* girls, too glamorous) и собой (I work twelve-hour shifts, don’t have the time to go to benefit parties), что позволяет Рэйчел почувствовать доверие и в дальнейшем сплетничать с Софи:

2) “Astrid is so sweet. I guess I just never expected to encounter this kind of viciousness, that’s all. The way these girls are acting, it’s as if Nick is the last man in all of Asia!” [11, p. 160].

В данной тактике нет необходимости, если коммуниканты хорошо знают друг друга. В таком случае запас общих знаний и уверенность в том, что их взгляды совпадают способствуют реализации тактики создания мы-общности, которая характеризуется использованием личных и притяжательных местоимений первого лица множественного числа, объединяющих слушающего и говорящего и противопоставленных местоимениям третьего лица и указательным местоимениям при упоминании людей, которые находятся за пределами данной группы:

3) “Now, didn’t **that** good-for-nothing Eric Tan just marry some Indonesian girl? I wonder how dark **she** is going to be,” Felicity said.

“**She’s** Indonesian Chinese – **her** mother is one of the Liem sisters, so I bet you **she** will be fairer than **all of us** put together. [12, p. 64]

Лингвистическим маркером данной тактики также являются пейоративные эвалюативы, квалифицирующие обсуждаемого человека, что позволяет объединить адресата и адресанта в одну группу на основании того, что они такими признаками не обладают и так бы себя не повели:

4) “Isn’t Jenna’s brother that computer lab guy?” Miya asked.

“Ugh, yes,” Cecilia said. “Major **geekazoid**.” [13, p. 278]

5) “Philip, **that little economist brain of hers** was busy calculating the value of everything. You could see her adding everything up with her big **bulging** eyes. And all that talk about cooking for Nick. **What rot!** As if that’s going to impress me, knowing that she puts her **rough peasant hands** all over his food!” [11, p. 186]

В примере (4) используется лексема *geekazoid*, образованная аффиксацией от *geek* (социально неловкий и непопулярный человек – a person who is socially awkward and unpopular) [10, p. 682] при помощи эмоционально-оценочного суффикса *-zoid*, имеющего отрицательную коннотацию (добавляется к существительным для создания уничижительных выражений, обычно относящихся к определенной идеологии или группе людей – added to nouns to create derogatory terms, typically referring to a particular ideology or group of people) [14].

Фрагмент (5) примечателен несколькими оценочными элементами. Во-первых, используется конструкция *that /noun/ of hers*, в данном случае выражающая пренебрежение по отношению к образованию девушки (*economist*) и ее умственным способностям (*brain*), при этом *little* имеет отрицательную коннотацию (используется для обозначения кого-либо или чего-либо в неодобрительной или критической манере – *used to refer to someone or something in a disapproving or critical way*) [10, p. 956]. Во-вторых, используется несколько лексем, направленных на высмеивание не только внешности девушки, но и ее поведения и происхождения: *bulging* (выпученные) во фразе «*big bulging eyes*» указывает на чрезмерное любопытство, которое она, по мнению адресанта, проявляет; а прилагательные *rough* (грубые) и *peasant* (крестьянские) по отношению к ее рукам подчеркивают неухоженность как следствие низкого происхождения. Наконец, восклицательное предложение «*What rot!*» (Какой бред!) констатирует общее возмущение ситуацией.

Такое эмоциональное выражение чувств и в целом добавление новых подробностей в ходе сплетничанья напрямую зависит от реакции адресата. Для поддержки адресанта адресат может применять тактику выражения согласия. Лексически эта тактика реализуется при помощи таких единиц как *yes, absolutely, totally, same, right, agree* и т.д.:

6) **Yes, I mean, I absolutely, like, I totally agree.** [15]

Кроме того, адресат может выражать одобрение при помощи положительно окрашенных лексем, поддерживающих мнение адресанта и выражающих удовольствие при получении захватывающих деталей:

7) - *Cathy had, like, gone to a good college, had a good job, she was always somehow wearing head to toe white with no spots on her at all.*

- **Love it! I love that look.**

- *She is also bossy.*

- **Great.** [16]

Синтаксически выражение одобрения может реализовываться при помощи риторических вопросов, поддерживающих заданный адресантом тон:

8) “Did you see what she was wearing? Where did she get that cheap-looking tunic top – Mango?”

“How can you expect her to have any style? Think she gets it from reading *American Vogue*? Hahaha.” [11, p. 137]

В примере (8) реплика-стимул задает пренебрежительный тон по отношению к обсуждаемой девушке, а реплика-реакция звучит в унисон. Похожий эффект унисона достигается, когда адресат полностью или частично повторяет слова адресата:

9) - Because originally it was **Maga**.

- **Maga!** [16]

В некоторых случаях коммуниканты предугадывают окончание предложений друг друга, тогда реплики адресанта и адресата образуют единое структурное и синтаксическое целое:

10) Kelsey: And the festival is, like, maybe an hour from each of them.

Tuck: Yeah, do it! YOLO. Yeah. I mean, worst case—

Kelsey: **You get murdered** [17].

Однако отношения адресата и адресанта не всегда настолько близкие, поэтому коммуниканты могут проявлять осторожность и смягчать высказывания, которые могут прозвучать слишком категорично. Для этого используются единицы с общим значением снижения категоричности (like, kind of/kinda, sort of/sorta, I mean и т.д.):

11) **I mean**, it’s so hard because Lexie is gaslit right now and I just **sort of** definitely want to get her away from these people, that’s my first thought. [15]

Еще одним способом сгладить высказывание может быть лексема *little*, которая также используется для обозначения кого-либо или чего-либо в одобрительной или дружелюбной манере (used to refer to someone or something in an approving or friendly way) [10, p. 956]:

12) **Little** Lexie's heart! [15]

13) It seemed like everything was gonna go well but on the first day Donna was wearing, like, her **little** cute swimsuit and Cathy was like "Ooh, I love this swimsuit!" [16]

Снижение категоричности высказывания может осуществляться при помощи модальных глаголов и наречий, указывающих на то, что говорящий не полностью уверен в том, о чем говорит (probably, maybe, perhaps и т.д.):

14) And that **might** be why he fell so hard and so easily for Cathy. [16]

15) That's **probably** because Alistair was too embarrassed to show it to you. [11, p. 227]

Разделительные вопросы, в том числе с лексемой right [18, p. 17], могут указывать на то, что говорящий ищет подтверждения схожести взглядов, что также смягчает высказывание:

16) I mean, that was such a pathetic attempt at inciting jealousy, **wasn't it**? [11, p. 236]

17) Like, wearing the wrong shoes you would just rather die, **right**? [15]

Наконец, в рамках стратегии солидаризации может применяться тактика шутки, которая помогает коммуникантам получить больше удовольствия от общения и тем самым поддержать гармоничный тон коммуникации. Шутка может строиться на перифразе или аллюзии, но использование стилистических приемов нетипично для сферы неофициальной коммуникации, поэтому в большинстве случаев используется ирония:

18) - And Donna is like "Of course. She put something on this list that I don't even have access to, that I can't even get to."

- Oh, yes. **Cathy designed her Christmas Wishlist around what is inaccessible to Donna.** That's a classic Cathy move over there, so. [16]

Так, в примере (18) коммуниканты посмеиваются над выводами, которые сделала Донна: женщина уверена, что Кэти намеренно составила такой список новогодних пожеланий, что Донна ничего не может из него купить. Это не соот-

ветствует действительности, но адресант и адресат, зная об этом, обсуждают это как нечто очевидное. В результате оба участника сплетни считали подтекст в репликах друг друга и насладились языковой игрой.

Таким образом, стратегия солидаризации направлена на установление и поддержание доверительных отношений между адресантом и адресатом. Именно доверие необходимо как для инициации сплетни, так и для ее развертывания и добавления деталей. В связи с тем, что сплетничанье может быть потенциально опасным для репутации обоих участников, используются такие тактики, как тактика выяснения общих взглядов и тактика выражения субъективного мнения. Они создают безопасную обстановку для обмена информацией личного характера и позволяют коммуникантам сохранить лицо. Если доверие уже установлено, коммуниканты уверены в наличии общего багажа знаний и нашли точки соприкосновения во взглядах, могут применяться тактика создания мы-общности и тактика шутки. Данные тактики способствуют гармоничному развитию общения и получению удовольствия от участия в коммуникации. Кроме того, адресат может задействовать тактику выражения согласия, поддерживая адресанта и способствуя раскрытию дополнительных деталей.

Список литературы

1. Дементьев В. В. *Теория речевых жанров*. М.: Знак; 2010, 600 с.
2. Арутюнова Н. Д. *Диалогическая модальность и явление цитации*. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис; 1992. М.: Наука. С. 52-79.
3. Anderson E., Siegel E. H., Bliss-Moreau E., Barrett L. F. The Visual Impact of Gossip. *Science*. 2011;332(6036):1446–1448. doi:10.1126/science.1201574
4. Baumeister R. F., Zhang L., Vohs K. D. Gossip as Cultural Learning. *Review of General Psychology*. 2004;8(2):111-121. DOI: 10.1037/1089-2680.8.2.111
5. Levin J., Kimmel A. J. Gossip Columns: Media Small Talk. *Journal of Communication*. 1977;1(27):169-175. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1977.tb01813.x
6. Beersma B., Kleef G. A. V. How the Grapevine Keeps You in Line: Gossip Increases Contributions to the Group. *Social Psychological and Personality Science*. 2011; 2(6):642-649. DOI: 10.1177/1948550611405073
7. Dunbar R. I. M. Gossip in Evolutionary Perspective. *Review of General Psychology*. 2004;8(2):100-110. DOI: 10.1037/1089-2680.8.2.100
8. Аляева Л.С., Красавский Н.А. Коммуникативные тактики комплимента и самопрезентации в российских интервью представителей шоу-бизнеса. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3):377-386. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.377-386>

9. Анкин Д.Ю., Митягина В.А. Локализация как тактика речевой стратегии самопрезентации. *Казанский лингвистический журнал.* 2023;6(4):470-480. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.470-480>
10. Merriam Webster's Advanced Learner's English Dictionary. Encyclopedia Britannica; 2014. P. 1994.
11. Kwan K. *Crazy Rich Asians*. New York: Doubleday; 2013. 300 p.
12. Kwan K. *China Rich Girlfriend*. New York: Doubleday; 2015. 410 p.
13. Bryan S., DeVillers J. *Princess of Gossip*. New York: Pocket Books; 2008. 367 p.
14. -oid: Wiktionary. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/-oid#English> [дата обращения: 28.06.2026].
15. Gossiptonin with Virgie Tovar. Normal Gossip. URL: <https://player.fm/series/3008031/316687232> [дата обращения: 28.06.2026].
16. Christmas is Cancelled with Laurel Bristow. Normal Gossip. URL: <https://player.fm/series/3008031/342434168> [дата обращения: 28.06.2026].
17. Steampunk-Ass Murder Mystery with Tuck Woodstock. Normal Gossip. URL: <https://player.fm/series/3008031/345282201> [дата обращения: 28.06.2026].
18. Carter R., McCarthy M. *Exploring Spoken English*. Cambridge University Press, 1997. 160 p.

References

1. Dement'ev V.V. *Theory of speech genres*. Moscow: Znack; 2010. 600 p. (In Russ.)
2. Arutyunova N. D. *Dialogical modality and the phenomenon of citation*. The human factor in language: Communication, modality, deixis; 1992. Moscow: Nauka. P. 52-79. (In Russ.)
3. Anderson E., Siegel E. H., Bliss-Moreau E., Barrett L. F. The Visual Impact of Gossip. *Science*. 2011;332(6036):1446–1448. doi:10.1126/science.1201574
4. Baumeister R. F., Zhang L., Vohs K. D. Gossip as Cultural Learning. *Review of General Psychology*. 2004;8(2):111-121. DOI: 10.1037/1089-2680.8.2.111
5. Levin J., Kimmel A. J. Gossip Columns: Media Small Talk. *Journal of Communication*. 1977;1(27):169-175. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1977.tb01813.x
6. Beersma B., Kleef G. A. V. How the Grapevine Keeps You in Line: Gossip Increases Contributions to the Group. *Social Psychological and Personality Science*. 2011; 2(6):642-649. DOI: 10.1177/1948550611405073
7. Dunbar R. I. M. Gossip in Evolutionary Perspective. *Review of General Psychology*. 2004;8(2):100-110. DOI: 10.1037/1089-2680.8.2.100
8. Alyaeva L.S., Krasavsky N.A. Communicative Tactics of Compliment and Self Presentation in Russian Interviews with Representatives of Show Business. *Kazan linguistic journal*. 2025;8(3):377-386. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.377-386>
9. Ankin D.Yu., Mityagina V.A. Localization as a Tactic of Self-presentation Speech Strategy. *Kazan linguistic journal*. 2023;6(4):470-480. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.470-480>
10. Merriam Webster's Advanced Learner's English Dictionary. Encyclopedia Britannica; 2014. P. 1994.
11. Kwan K. *Crazy Rich Asians*. New York: Doubleday; 2013. 300 p.
12. Kwan K. *China Rich Girlfriend*. New York: Doubleday; 2015. 410 p.
13. Bryan S., DeVillers J. *Princess of Gossip*. New York: Pocket Books; 2008. 367 p.
14. -oid: Wiktionary. Available from: <https://en.wiktionary.org/wiki/-oid#English> [дата обращения: 28.06.2026].
15. Gossiptonin with Virgie Tovar. Normal Gossip. Available from: <https://player.fm/series/3008031/316687232> [дата обращения: 28.06.2026].
16. Christmas is Cancelled with Laurel Bristow. Normal Gossip. Available from: <https://player.fm/series/3008031/342434168> [дата обращения: 28.06.2026].

17. Steampunk-Ass Murder Mystery with Tuck Woodstock. Normal Gossip. Available from: <https://player.fm/series/3008031/345282201> [дата обращения: 28.06.2026].

18. Carter R., McCarthy M. Exploring Spoken English. Cambridge University Press; 1997. 160 p.

Авторы публикации

Кабанова Ирина Николаевна –
кандидат филологических наук, доцент
Нижегородский государственный
лингвистический университет имени
Н.А. Добролюбова
Н. Новгород, Россия
Email: kabanova@lunn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9628-2740>

Кондырева Юлия Валерьевна –
аспирант
Нижегородский государственный
лингвистический университет имени
Н.А. Добролюбова
Н. Новгород, Россия
Email: yvkondyreva@lunn.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-4018-0591>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22.08.2026

Одобрена после рецензирования: 31.08.2026

Принята к публикации: 15.09.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Kabanova Irina Nikolaevna –
PhD in Philological Sciences, Associate Professor
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia
Email: kabanova@lunn.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9628-2740>

Kondyreva Yuliya Valerevna –
postgraduate student
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia
Email: yvkondyreva@lunn.ru
<https://orcid.org/0009-0008-4018-0591>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of inter-
est.

Article info

Submitted: 22.08.2026

Approved after peer reviewing: 31.08.2026

Accepted for publication: 15.09.2026

The author has read and approved the final
manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anon-
ymous reviewer(s) for their contribution to the peer
review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья
УДК 811.581.11

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3031-8751.2026.9.3.360-368>

ФЕНОМЕН АББРЕВИАЦИИ В КИТАЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Чэнь Ясин

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, Китай
yasin.tchen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4300-4226>

Аннотация. В статье рассматривается феномен аббревиации как один из наиболее продуктивных способов словообразования в китайском интернет-дискурсе. Актуальность исследования мотивируется растущим интересом лингвистов к изучению китайской интернет-лексики и особенности ее функционирования в цифровой среде. Цель работы – выявить структурные и семантические особенности китайских интернет-аббревиатур, а также определить их функциональную роль при онлайн-коммуникации. Целенаправленное исследование китайских аббревиатур позволяет открыть пути к более глубокому осмыслению динамики развития китайского интернет-языка и формировать теоретическую базу для стандартизации языковых норм и эффективного социального регулирования в цифровую эпоху. В качестве эмпирической базы исследования использованы интернет-аббревиатуры, извлечённые из текстов китайских социальных сетей (WeChat, Weibo, TikTok, Bilibili и др.) за 2020–2025 гг. В результате исследования обобщены причины масштабного распространения китайских аббревиатур: повышение скорости обмена информацией в цифровом пространстве, стремление к экономии речевых усилий, обход интернет-цензуры и игровой характер онлайн-общения. Выявлены основные группы аббревиатур: 1) иероглифические аббревиатуры; 2) буквенные аббревиатуры; 3) цифровые аббревиатуры; 4) сокращения смешанного типа; 5) буквенные эмодзи; отмечены главные проблемы, вызванные их чрезмерным использованием.

Ключевые слова: китайский язык; интернет-дискурс; аббревиатура; социальная функция; онлайн-коммуникация

Для цитирования: Чэнь Ясин. Феномен аббревиации в китайском интернет-дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 360–368.
<https://doi.org/10.26907/3031-8751.2026.9.3.360-368>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/3031-8751.2026.9.3.360-368>

THE PHENOMENON OF ABBREVIATION IN CHINESE INTERNET DISCOURSE

Chen Yaxing

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China
yasin.tchen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4300-4226>

Abstract. The article examines the phenomenon of abbreviation as one of the most productive ways of word formation in Chinese Internet discourse. The relevance of the research is motivated by the growing interest of linguists in the study of Chinese Internet vocabulary and the peculiarities of their functioning in communication in a digital environment. The aim of the work is to identify the structural and semantic features of Chinese Internet abbreviations, as well as to determine their functional role in online communication. A focused study of Chinese abbreviations al-

allows us to open ways to a deeper understanding of the dynamics of the development of the Chinese Internet language and to form a theoretical basis for the standardization of linguistic norms and effective social regulation in the digital age. The empirical basis of the study is Internet abbreviations extracted from texts of Chinese social networks (WeChat, Weibo, TikTok, Bilibili, etc.), forums and messengers for 2020-2025. As a result of the study, the reasons for the large-scale spread of Chinese abbreviations are summarized: an increase in the speed of information exchange during online communication, the desire to save speech efforts, the influence of the Internet environment and the playful nature of online communication. The main groups of abbreviations have been identified: 1) hieroglyphic abbreviations; 2) alphabetic abbreviations; 3) numerical abbreviations; 4) abbreviations of mixed type; 5) letter emojis; the main problems caused by their excessive use are noted.

Keywords: Chinese language; internet discourse; abbreviation; social function; online communication

For citation: Chen Yaxing. The Phenomenon of Abbreviation in Chinese Internet Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 360–368. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/3031-8751.2026.9.3.360-368>

С развитием информационной технологии коммуникативная практика претерпевает фундаментальные изменения: цифровая среда не только расширяет границы общения людей, но и перестраивает механизмы порождения, распространения и восприятия языковых знаков. Согласно 57-му «Статистическому отчету о развитии интернета в Китае», к началу 2026 года число интернет-пользователей в Китае достигло 1,125 миллиарда человек, а уровень проникновения интернета превысил 80%; количество активных месячных пользователей мобильного интернета составило 1,269 миллиарда, а среднесуточное время пользования смартфонами увеличилось до 8 часов [1, URL]. Огромная численность китайских интернет-пользователей создаёт благоприятную среду для стремительного возникновения и активного употребления разнообразных сетевых аббревиатур.

Массовое появление сетевых аббревиатур коренится прежде всего в особенностях интернет-коммуникации. В отличие от общения лицом к лицу, письменное сетевое общение лишено таких паралингвистических элементов, как интонация, мимика и жесты и вся нагрузка по передаче информации ложится исключительно на письменные знаки. Во-вторых, такие форматы интернет-коммуникации, как чаты в реальном времени, комментарии-«пули» (летающие

комментарии), предъявляют крайне высокие требования к скорости обработки информации, что требуют от его участников передавать максимум информации за минимальное время, и именно аббревиатуры или заменяющие их символы становятся оптимальным выбором для пользователей сети. Приведем пример «*bdjw*»: сокращение от пиньинь «*bù dǒng jiù wèn*, 不懂就问»): это полезная переходная фраза, используемая при интернет-коммуникации для введения вопроса, она похожа на фразу «просто интересно» или «позволь мне спросить». Пользователю достаточно ввести всего четыре буквы, чтобы чётко донести свои мысли и позицию.

Аббревиатуры как особая группа слов в китайском языке имеют долгую историю: «явление сокращения можно проследить с глубокой древности, в текстах доциньской эпохи встречается немало сокращений, которые древние называли «юйцзи» (букв. «торопливая речь»))» [2, URL]. Нужно отметить, что до 1940-х годов аббревиация рассматривалась исключительно как риторический приём. Китайский лингвист Чэнь Вандао называл её фигурой «цзесуо» (节缩), он полагал, что «цзесуо обусловлено исключительно фонетическим и графическим удобством, а смысл при этом не претерпевает никаких изменений» [там же]. Лишь после 1940-х годов исследование китайских аббревиатур перешло от стилистики к лексикологии, однако учёные не достигли единства в их номинации: цзесуо (节缩); сокращённое название (简称); сокращённое слово (缩略语) и т.д.

В последние годы внимание научного сообщества к китайским аббревиатурам сосредоточено главным образом в следующих областях: 1) словообразовательные особенности аббревиатур (Жукова Т.А., Гун Ж., 2017; Журавлева Д.С., 2020; Ли Сяоцин, 2023 и др.); 2) проблемы толкования и перевода китайских аббревиатур (Ван Л., Язовских Е.В., 2023; Ян Ш., Янь Я., 2024; Честякова А.Б., 2025; Тун Линь, Сунь Фуцин 2025 и др.); 3) оценка и рекомендации по вопросам языковой корректности, стилистической адекватности и нормативности онлайн-коммуникации (Лю Юэхань, У Чжохань, 2023; Чэнь

Шихуа, Чжан Цзыхань, 2025 и др.). Нетрудно заметить, что уже было проведены разносторонние исследования феномена аббревиации, но системное рассмотрение особенностей функционирования китайских аббревиатур в интернет-дискурсе всё ещё оставляет значительные возможности для исследования.

По нашим наблюдениям, аббревиатуры, которые распространяются в китайском виртуальном пространстве, можно разделить на следующие группы:

1. **Иероглифические аббревиатуры** – извлечение ключевых морфем или слов (иероглифов) исходного названия, самый распространённый метод образования интернет-аббревиатур. Как отметили К.Г. Качалова, А.Ю. Рудометова, Н.С. Капитонова, «исходное китайское словосочетание семантически делится на несколько частей, после этого выбираются один или несколько иероглифов, которое наиболее точно передают исходное значение слова. Далее отобранные иероглифы сочетаются по грамматическим правилам, а остальные части пропускаются» [3, с. 110]: слово **社恐** (*shè kǒng* – социальная тревожность, сокращение от **社交恐惧症**) часто используется в шутовском контексте, чтобы описать тех, кто избегает общественных мероприятий и предпочитает уединение; **累觉不爱** (*lèi jué bù ài* – слишком устал, чтобы любить). Это сокращение китайской фразы **很累, 感觉自己不会再爱了**, которая использовалась как саркастический способ выразить депрессию при столкновении с несчастьями или неудачами в жизни.

2. **Буквенные аббревиатуры**: берутся и сочетаются первые буквы пиньиня каждого иероглифа в предложении. Причина масштабного распространения таких аббревиатур заключается в том, что их использование ускоряет набор текста и повышает качество и эффективность онлайн-общения: аббревиатуру **SSFD** (**瑟瑟发抖** *sè sè fā dǒu*) – ‘дрожу / трясусь (от холода / страха)’ можно просто отправить, когда вам скинули то, что напугало; сокращение **GNPS** (**关你屁事** *guān nǐ pì shì*) – ‘не твоё дело’ в основном употребляется, когда кто-то лезет не в своё дело и крайне достал, либо шутит с лучшими друзьями.

С точки зрения лингвистики, данный способ создания аббревиатур представляет по своей сути высоко символизированную языковую игру, которая нарушает традиционные идеографические правила китайского языка путем использования минималистичных буквенных сочетаний для передачи сложных эмоций, что отражает творческое отношение поколения Z к языку и их стремление к самовыражению: аббревиатура **NSDD** (сокращение от фразы 你说得对 *nǐ shuō dé duì*) – ‘ты прав’ популярна потому, что позволяет избегать конфликтов и просто признать, что собеседник оказался прав; фраза **AWSL** (啊, 我死了 *À Wǒ Sǐ Le*) – ‘ах, я умер’ используется для выражения крайней степени умиления, удовольствия или радости.

При онлайн-коммуникации нередко применяются английские буквенные сокращения, что удовлетворяет потребность в быстром и эффективном онлайн-общении и отражает мощное проникновение английского языка как международного средства общения в сферу технологий и популярной культуры. Такое мнение поддерживают и русские лингвисты А.В. Зорина, А.А. Пруцких, Лю Ц., Н.С. Ильющенко, С.А. Шифрина [4-6]: сокращение **BGM** (сокр. от англ. *Background Music*) – ‘фоновая музыка’ используется в социальных сетях, играх и отправке текстовых сообщений; **AKA** (сокр. от англ. *also known as*) – ‘известный как’ обычно ставится перед псевдонимом, под которым человек может быть известен.

Интересно отметить, что в пространстве китайского интернета встречаются и сокращения, заимствованные из японского языка, что может объясняться активным экспортом японской популярной культуры в Китай и высокой степенью общности китайских и японских иероглифов: сокращение **KY** (空気が読めない *Kūki ga Yomenai*) – часто используется для описания человека, который не умеет понимать намёки; 残念 *cán niàn* (ざんねん *zan nen*) в интернет-сленге выражает разочарование и бессилие с оттенком ироничной жалобы.

Кроме того, китайские диалекты так же оказывают влияние на создание новых сокращений. Приведем примеры: 𪛗 – **shì yī** (сокращение от кантонско-

го слова *世界第一*) – лексема интернет-сленга, распространённого среди молодёжи в кантоноговорящих регионах Китая, употребляется для выражения предельного восхищения кем-либо или чем-либо; **GKD** (сокращение от выражения из сычуаньского диалекта *搞快点 gǎo kuài diǎn*).

3. **Цифровые аббревиатуры** – сочетание нескольких чисел, схожих по звучанию с какой-либо фразой, один из самых эффективных способов создания китайских интернет-сокращений. По мнению О.О. Синишина, «в китайском языке, как и в остальных языках мира, есть свой сленг и упрощения. Но только в китайском языке используются цифровые коды» [7, с. 59]: **7456** *qī sì wǔ liù* (*气死我了 qì sǐ wǒ le* – ‘кто / что-либо меня разозлил(о)’); **555** *wǔ wǔ wǔ* (*呜呜呜 wū wū wū*) – звук плача; **88** *bā bā* (*拜拜 bài bài* – ‘пока-пока’); **666** *liū liū liū* (*溜溜溜 liù liù liù* – ‘круто, молодец!’).

По нашим наблюдениям в китайском виртуальном пространстве активно используется также ряд цифровых сокращений, значение которых не имеет отношения к произношению китайских иероглифов. Приведем примеры, в 2025 году не только в Рунете, но и в китайском интернете часто встречалось цифровое сокращение **6-7**. Данная фраза на самом деле не имеет никакого смысла, она представляет собой просто кодовое слово, пароль для «своих», а в китайских соцсетях это выражение можно понимать как универсальную интонацию, выражающую ‘круто’, ‘без слов’ или ‘умора’; приведем другой пример **233** – интернет-мем, означающий громкий смех. Он происходит из системы эмодзи ранних форумов: эмодзи под номером 233 изображал «бьющего кулаками по земле от смеха человечка». Потом пользователи сети стали напрямую вводить цифры «233» для удобства, чтобы выразить смех. Чем больше цифр «3», тем сильнее и преувеличеннее смех: 2333333.

4. **Сокращения смешанного типа**, в состав которых входят не только иероглифы, но и латинские буквы и цифры: **Me2** (от выражения *me too*); **b4** (от английского слова *before*); **I服了U** (от выражения *我服了你*) передает раз-

дражение, недовольство; *B站* – сокращенное название китайского видео-сайта «Bilibili».

5. Нельзя не отметить в китайских соцсетях ряд особых сокращений – *буквенных эмодзи*. Приведем примеры: удивление выражает эмодзи *OwO* (здесь буква *O* – большие глаза, а буква *w* – надутые губки); радость передается посредством *UwU* (буква *U* – глаза, а *w* – нос); страх изображается с помощью *D-:* (буква *D* – рот, а двоеточие – глаза). Использование таких эмотиконов, состоящих из букв и знаков препинания, позволяет не только быстро передавать эмоции, но и делает общение более лёгким и юмористическим.

Говоря о важной роли аббревиатур в онлайн-коммуникации, нельзя не упомянуть о проблемах, вызванных их повсеместным распространением: во-первых, хотя популяризация сокращенных слов в китайском интернет-пространстве повышает эффективность общения, когда с помощью предельно коротких символов пользователи сети могут передать сложные чувства и эмоции, но многочисленные аббревиатуры давно уже превратились в своего рода «жаргонизмы», что создаёт коммуникативные барьеры между поколениями и разными социальными группами; еще более серьезной проблемой является то, что некоторые слова несут в себе злой умысел и загрязняют языковую среду не только онлайн, но и в реальной жизни. Для решения этой проблемы в 2024 году китайское правительство запустило специальную операцию «Цинлан», направленную на борьбу с неправомерным использованием слов с ошибками и омофонами для распространения вредоносной информации на интернет-платформах.

Во-вторых, систематически пользуясь интернет-аббревиатурами, люди могут утратить способность точно описывать сложные эмоции. Как известно, мышление неотделимо от языка, долгосрочная зависимость пользователей сети от этих обобщённых, шаблонных выражений может ослабить их наблюдательность и желание к тонкому самовыражению.

В-третьих, привыкнув к лаконичности и неформальности интернет-сокращений, некоторые люди (особенно подростки) могут неосознанно упо-

треблять их в официальном стиле (например, в сочинениях или докладах), что приводит к негативному влиянию на их общую языковую грамотность.

Таким образом, исследование феномена аббревиации в китайском сетевом дискурсе позволяет сделать следующие выводы: во-первых, сокращения, возникающие в онлайн-коммуникации, демонстрируют стремление пользователей сети к экономии речевых усилий и скорости передачи информации. Во-вторых, такие единицы, как цифровые и буквенные аббревиатуры отражают игровой и креативный характер китайской интернет-среды. В-третьих, анализ показывает, что данные лексические инновации выполняют не только коммуникативную, но и идентификационную функцию. Однако нельзя игнорировать и потенциальные риски, вызванные чрезмерным использованием сокращенных слов, такие как снижение языковой нормы или возникновение коммуникативных барьеров между поколениями.

Список литературы

1. 57-й Статистический отчёт о развитии Интернета в Китае. URL: <https://www3.cnnic.cn/n4/2026/0304/c88-11549.html> [Дата обращения: 13.03.2026]
2. Цзян Ю. Когнитивное исследование современных китайских аббревиатур [электронный ресурс]. URL: <https://www.sklib.cn/booklib/databasedetail?SiteID=122&Type=literature&ID=4586978&fromSubID=> [Дата обращения: 14.03.2026]
3. Качалова К.Г., Рудометова А.Ю., Капитонова Н.С. Основные типы аббревиации в китайском языке. *Современные исследования социальных проблем*. 2020; 6(12): 107–118. Доступно по: <http://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-6-107-118>
4. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики). *Казанский лингвистический журнал*. 2018; 2 (1): 5–14.
5. Пруцких А.А., Лю Ц. Источники интернет-лексики китайского языка (на материале 2022-2024 гг.). *Казанский лингвистический журнал*. 2025; 8 (4): 545-556. Доступно по: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.545-556>
6. Ильющенко Н.С., Шифрина С.А. Спортивные англицизмы в современном русском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2024; 7 (2): 203–212. Доступно по: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.203-212>
7. Синишина О.О. Интернет-лексика в современном китайском языке. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2014; 3: 57–63.

References

1. 57th Statistical Report on the Development of the Internet in China. Available from: <https://www3.cnnic.cn/n4/2026/0304/c88-11549.html> [accessed: 13.03.2026]. ((In Chinese.))
2. Jiang Yu. *Cognitive research of modern Chinese abbreviations*. Available from: <https://www.sklib.cn/booklib/databasedetail?SiteID=122&Type=literature&ID=4586978&fromSubID=> [accessed: 03.14.2026] (In Russ.)
3. Kachalova, K.G., Rudometova A. Yu, Kapitonova, N.S. The main types of abbreviation in the Chinese language. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2020; 6(12): 107–118. Available from: <http://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-6-107-118> (In Russ.)
4. Zorina A.V. Anglicisms in modern Russian (using the example of Internet vocabulary). *Kazan Linguistic Journal*. 2018; T.1, 2 (1): 5–14. (In Russ.)

5. Prutskikh A.A., Liu Ts. Sources of the Chinese language Internet vocabulary (based on the material of 2022-2024)). *Kazan Linguistic Journal.* 2025;8(4):545-556. Available from: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.545-556> (In Russ.)
6. Il'yushchenko N.S., Shifrina S.A. Sports Anglicisms in modern Russian. *Kazan Linguistic Journal.* 2024; 7(2): 203–212. Available from: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.203-212> (In Russ.)
7. Sinishina O.O. Internet vocabulary in the modern Chinese language. *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Seriya 13: Vostokovedenie. 2014; 3: 57–63. (In Russ.)

Автор публикации

Author of the publication

Чэнь Ясин –

старший преподаватель
Шанхайский политико-юридический
университет
Шанхай, Китай
Email: yasin.tchen@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4300-4226>

Chen Yaxing–

Senior lecturer of the Russian Language Department
Shanghai University of Political Science and Law
Shanghai, China
Email: yasin.tchen@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4300-4226>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Article info

Поступила в редакцию: 22.08.2026
Одобрена после рецензирования: 31.08.2026
Принята к публикации: 20.09.2026

Submitted: 22.08.2026
Approved after peer reviewing: 31.08.2026
Accepted for publication: 20.09.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

The author has read and approved the final
manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.111'42

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.369-374>

**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО МИТИГАТИВНОГО
ПРОФИЛЯ ПОЛИТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ К. ХАРРИС)**

А.М. Абрамов

«Технопарк в сфере высоких технологий» ИТ-парк, Казань, Республика Татарстан, Россия
am.abramov1@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5304-7052>

Аннотация. Статья посвящена соотношению гендерного и индивидуального факторов в коммуникативном смягчении на материале американского политического дискурса. Проверке подвергается положение гендерной лингвистики, связывающее насыщенность речи смягчающими средствами с полом говорящего. Цель работы – установить, какие параметры митигативного поведения политика меняются вместе с жанровой рамкой. Материалом послужили пять событий избирательных кампаний 2020 и 2024 гг. с участием К. Харрис – двое теледебатов и три телеинтервью, суммарно 16 469 слов, в которых методом сплошной выборки выявлено 198 митигативных употреблений в 125 микроконтекстах. Единицей описания служит вводимое автором понятие индивидуального митигативного профиля, объединяющее плотность смягчения, соотношение пропозициональной и дейктической стратегий и состав предпочитаемых тактик. При неизменной гендерной переменной плотность смягчения колеблется от 5,9 до 24,6 употребления на 1000 слов, а жанровый дифференциал составляет +13,5 употребления; соотношение стратегий при этом удерживается в узком коридоре, тактическое ядро сохраняет состав, а прирост приходится на дейктические средства. Полученные данные ограничивают вывод о гендерной обусловленности плотности смягчения на уровне отдельной языковой личности.

Ключевые слова: коммуникативное смягчение; митигация; индивидуальный митигативный профиль; гендерная лингвистика; американский политический дискурс; предвыборные теледебаты; политическое телеинтервью

Для цитирования: Абрамов А.М. Гендерный аспект индивидуального митигативного профиля политика (на материале выступлений К. Харрис). *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 369–374. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.369-374>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.369-374>

**THE GENDER ASPECT OF AN INDIVIDUAL MITIGATIVE PROFILE OF
A POLITICIAN (BASED ON THE MATERIAL OF K. HARRIS' SPEECHES)**

A.M. Abramov

“High Technology Technopark” IT Park, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
am.abramov1@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5304-7052>

Abstract. The article addresses the relationship between the gender factor and the individual factor in communicative mitigation in American political discourse. The tenet of gender linguistics that links the density of mitigating devices to the speaker's sex is put to the test. The aim is to estab-

lish which parameters of a politician's mitigative behavior vary with the generic frame. The material comprises five events of the 2020 and 2024 election campaigns featuring K. Harris – two television debates and three television interviews, amounting to 16,469 words, in which continuous sampling identified 198 mitigative uses in 125 microcontexts. The unit of description is the notion of the individual mitigative profile introduced by the author, which combines mitigation density, the ratio of the propositional and deictic strategies and the composition of preferred tactics. With the gender variable held constant, mitigation density ranges from 5.9 to 24.6 uses per 1,000 words and the generic differential amounts to +13.5 uses; the ratio of the strategies stays within a narrow corridor, the tactical core retains its composition, and the increase falls on deictic devices. The findings restrict the inference of mitigation density from gender at the level of the individual linguistic personality.

Keywords: communicative mitigation; mitigation; individual mitigative profile; gender linguistics; American political discourse; election television debates; political television interview

For citation: Abramov A.M. The gender aspect of an individual mitigative profile of a politician (based on the material of K. Harris' speeches). *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 369–374. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.369-374>

Смягчающие средства вошли в фокус гендерной лингвистики раньше многих других явлений речи: в описании «женского языка» Р. Лакофф хеджи, разделительные вопросы и вежливые косвенные обороты образуют регистр, навязанный женщинам социализацией [1, р. 45]. Сформировавшаяся на этой концепции процедура гендерного анализа сохранилась почти без изменений: мужская и женская речь сопоставляются по числу смягчающих единиц, а разрыв истолковывается как гендерный. Между тем плотность митигаторов складывается под действием пола, статуса, жанра и индивидуальной манеры одновременно. Проверка возможна прямым способом: у одного говорящего гендерная принадлежность неизменна, и если при смене жанра плотность смягчения колеблется в широких пределах, объяснение приходится искать вне гендера. Цель работы – описать митигативное поведение К. Харрис в двух жанрах и установить, какие его параметры меняются вместе с жанровой рамкой.

Гендерный фактор и статус смягчающих средств

Митигация трактуется в работе как коммуникативная категория, регулирующая степень категоричности и конфликтогенности высказывания в интересах говорящего и адресата [2, с. 252]. У. О'Барр и Б. Аткинс установили, что признаки, отнесенные Р. Лакофф к женской речи, усиливаются у говорящих с низким статусом безотносительно к полу, и предложили переименовать явление в «язык бессилия» [3, р. 93]. Дж. Холмс показала в своем исследовании, что суммарные подсчеты хеджей без учета их

функции искажают картину анализа [4, р. 185], и отметила в женской речи более частые извинения и более регулярное смягчение несогласия [5, р. 1].

Индивидуальный митигативный профиль

Митигативные средства в исследуемом материале выступлений К. Харрис распределяются по двум стратегиям: пропозициональное смягчение оперирует содержанием высказывания (рамка субъективности, эпистемическая оговорка, преуменьшение оценки), дейктическое содержание не меняет, сдвигая точку, из которой оно произносится, – от модального переноса до дисперсии ответственности; парадигма из двенадцати тактик принимается по таксономии П.А. Ахметзяновой [6, с. 116]. Индивидуальным митигативным профилем называется далее совокупность трех характеристик говорящего: плотности смягчения, соотношения двух стратегий и состава предпочитаемых тактик, порознь малоинформативных, а в совокупности определяющих подвижное и устойчивое в речевом поведении политика. Вторая координата задается жанром: в теледебатах адресатом выступает оппонент и время реплики защищено регламентом, тогда как в телеинтервью инициатива принадлежит журналисту и вопрос обращен лично к отвечающему. Разность плотностей митигаторов одного говорящего в двух жанрах именуется жанровым дифференциалом.

Материал составили стенограммы пяти событий избирательных кампаний 2020 и 2024 гг. с участием К. Харрис: теледебатов с М. Пенсом (Д1, 5772 слова, 5,9 употребления на 1000 слов) и с Д. Трампом (Д2, 5936 слов, 10,3), а также трех телеинтервью – Н. О'Доннелл (И1, 425 слов, 21,2), Б. Уитакеру (И2, 1535 слов, 16,3) и Б. Байеру (И3, 2801 слово, 24,6). Употребления выявлялись методом сплошной выборки по формальному, функциональному и контекстуальному критериям: всего на 16 469 слов выявлено 198 употреблений в 125 микроконтекстах, частотности нормализованы к 1000 слов.

Митигативный профиль К. Харрис в предвыборных теледебатах

Подкорпус дебатов дал 95 употреблений в 65 микроконтекстах на 11 708 слов, то есть 8,1 на 1000 слов, при соотношении стратегий 31,6 и 68,4%: основной объем смягчения приходится на перестройку субъектной перспективы при нетронутым содержанием высказывания. Зона эпистемической уступки сведена к минимуму – тактика некатегоричности представлена тремя употреблениями маркера *probably*. Узнавае-

мую черту дебатной манеры образует дисперсия ответственности через атрибуции поименованным источникам.

Пример 1. “*What the Wharton School has said is Donald Trump's plan would actually explode the deficit. Sixteen Nobel laureates have described his economic plan as something that would increase inflation <...>*” (Как заявила Уортонская школа бизнеса, план Дональда Трампа попросту взорвал бы дефицит. Шестнадцать нобелевских лауреатов охарактеризовали его экономический план как нечто такое, что усилило бы инфляцию) (Д2) (здесь и далее перевод – наш).

Оценка закреплена за названным источником, говорящая занимает позицию передатчика: содержательная острота сохраняется, снимается лишь личная ответственность за ее вынесение. Дебатная конфигурация профиля строится на митигативной экономии при отчетливой избирательности: смягчение сосредоточено в дейктической зоне, тогда как эпистемические и эмотивные средства, ближайшие к характеристикам женской речи у Р. Лакофф и Дж. Холмс, единичны.

Митигативный профиль К. Харрис в политическом телеинтервью

Жанровая смена меняет количественную картину: три интервью дали 103 употребления в 60 микроконтекстах на 4761 слово, то есть 21,6 на 1000 слов – в 2,7 раза выше дебатного показателя, причем дейктическая доля поднялась до 74,8%. Ведущей тактикой остается дисперсия ответственности, и в круг привлекаемых инстанций вошла правовая норма.

Пример 2. “*Listen, that was five years ago and I'm very clear that I will follow the law. I have made that statement over and over again and as vice president of the United States, that's exactly what I've done, not to mention before*” (Послушайте, это было пять лет назад, и я говорю предельно ясно, **я буду следовать закону**. Я делала это заявление снова и снова, и как вице-президент Соединенных Штатов ровно так я и поступала, не говоря о том, что было раньше) (ИЗ).

Прежняя позиция здесь не опровергается и не подтверждается, а обещание следовать закону конкретного содержания лишено и потому проверке не подлежит; в дебатах названный источник усиливал обвинение в адрес оппонента, в интервью же внешняя инстанция принимает на себя ответственность за решения самой говорящей.

Добавляются и зоны, в дебатном материале не встречающиеся: этикетная рамка перед ликоущемляющим ходом, где формула *with all due respect* сопровождает подмену заданного вопроса, и удержание очереди, ради которого просьба вернуть слово изложена вопросом о разрешении (*may I please finish*). Пропозициональная зона осталась скромной по доле: выражение субъективности дало 18 употреблений из 103, некатегоричность – три, извинение и сожаление – четыре. Состав смягчения меняется, следовательно, избирательно: ядро прежнее, к нему добавляются рубрики диалогического жанра.

Межжанровое сопоставление

Жанровый дифференциал плотности составил +13,5 употребления на 1000 слов (8,1 против 21,6), а по отдельным событиям разброс шире – от 5,9 до 24,6, более чем четырехкратный при постоянной гендерной переменной. Прочие характеристики ведут себя иначе: соотношение стратегий сдвинулось лишь на 6,4 пункта в сторону усиления уже преобладавшей (с 68,4 до 74,8% дейктических), а тактическое ядро удержало и состав, и первое место. Направление разницы отвечает различию коммуникативных условий: при большей персональной уязвимости говорящего выше и потребность в смягчении.

Прирост смягчения пошел по дейктической линии, тогда как эпистемические и эмотивные средства, с которыми гендерная лингвистика связывала женскую речь начиная с Р. Лакофф, остались периферийными в обоих жанрах. Положения Дж. Холмс материалом дебатов не подтверждаются, а материалом интервью подтверждаются с оговоркой: обе тактики адресованы там журналисту и сосредоточены в одном событии. Квалификация дебатной манеры как маскулинизированной несостоятельна: в интервью та же манера дает 21,6 при неизменном составе ведущих тактик, так что минимизация смягчения оказывается жанровой конфигурацией, а свойством языковой личности остается техника, которой смягчение выполняется.

Как показал анализ выступлений К.Харрис, вариативной является количественная характеристика профиля, устойчивыми – функциональные. Отсюда следует ограничение области применимости суммарных частотностей: величина, взятая без жанровой и функциональной привязки, о гендерной принадлежности говорящего сообщает мало. Групповые тенденции при этом не отменяются – ограничивается обрат-

ный переход, от групповой тенденции к ожиданиям относительно конкретной языковой личности.

Список литературы

1. Lakoff R. Language and Woman's Place. *Language in Society*. 1973;2(1):45–80.
2. Тахтарова С.С. *Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты)*. Волгоград: Изд-во ВолГУ; 2009. 382 с.
3. O'Barr W.M., Atkins B.K. "Women's Language" or "Powerless Language"? In: *Women and Language in Literature and Society*. New York: Praeger; 1980. P. 93–110.
4. Holmes J. Hedges and boosters in women's and men's speech. *Language & Communication*. 1990;10(3):185–205.
5. Holmes J. *Women, Men and Politeness*. London; New York: Longman; 1995. 268 p.
6. Ахметзянова П.А. *Этнокультурная специфика митигативных стратегий в немецком и британском политических дискурсах*: дис. ... канд. филол. наук. Казань; 2025. 183 с.

References

1. Lakoff R. Language and Woman's Place. *Language in Society*. 1973;2(1):45–80.
2. Takhtarova S.S. *Kategoriya kommunikativnogo smyagcheniya (kognitivno-diskursivnyi i etnokul'turnyi aspekty)* [The Category of Communicative Mitigation: Cognitive, Discursive and Ethnocultural Aspects]. Volgograd: Volgograd State University Publishing House; 2009. 382 p. (In Russ.)
3. O'Barr W.M., Atkins B.K. "Women's Language" or "Powerless Language"? In: *Women and Language in Literature and Society*. New York: Praeger; 1980. P. 93–110.
4. Holmes J. Hedges and boosters in women's and men's speech. *Language & Communication*. 1990;10(3):185–205.
5. Holmes J. *Women, Men and Politeness*. London; New York: Longman; 1995. 268 p.
6. Akhmetzyanova P.A. *Etnokul'turnaya spetsifika mitigativnykh strategii v nemetskom i britanskoy politicheskikh diskursakh* [Ethnocultural Specificity of Mitigative Strategies in German and British Political Discourses]: PhD thesis. Kazan; 2025. 183 p. (In Russ.)

Автор публикации

Абрамов Алексей Михайлович –
Руководитель отдела цифровых
образовательных программ
Технопарк в сфере высоких технологий "ИТ-парк"
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: am.abramov1@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-5304-7052>

Author of the publication

Abramov Aleksei Mikhailovich –
Head of digital educational programs department
"High Technology Technopark 'IT Park'"
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: am.abramov1@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-5304-7052>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.05.2026
Одобрена после рецензирования: 15.07.2026
Принята к публикации: 27.08.2026

Article info

Submitted: 28.05.2026
Approved after peer reviewing: 15.07.2026
Accepted for publication: 27.08.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.375-383>

SUBJETIVIDAD Y LENGUAJE EN LA CONSTITUCIÓN DEL SUJETO

A.A. Kochkin¹, N.Y. Dyrygina²

Universidad Federal de Kazán (Región del Volga), Kazán, República de Tartaristán, Rusia

¹AAprizhio.Kochkin@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3167-0173>

²NaYDyrygina@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1729-5218>

Anotación. Este artículo pretende comprender, en primer lugar, la constitución de la noción y concepto de sujeto a partir de experiencias lingüísticas y relaciones sociales. Los conceptos de subjetividad, adquisición lingüística, inmersión cultural, teoría del conocimiento y sujeto social serán de fundamental importancia para esclarecer los supuestos acá pretendidos. El concepto de sujeto se refiere a una realidad discursiva y, por tanto, no coincide con el sujeto de razón cuyas experiencias se ubican en la conciencia o la racionalidad pragmática. Esta comprensión nos conducirá a la subjetividad, ya que, en el campo de la lingüística, se trata de la capacidad del hablante de proponerse como *sujeto*, es decir, se refiere a un *yo* pensante, a la conciencia, al espíritu o a la mente como una facultad cognoscitiva y principio fundacional del conocimiento. En este artículo también se buscará explicar las diferentes nociones de sujeto y la producción de significado entre ellas. Para ello se tienen en cuenta los aportes de González Rey en su argumentación sobre la dimensión subjetiva del significado personal y la subjetividad individual y social.

Palabras clave: subjetividad del lenguaje; lengua; sujeto; inmersión cultural; teoría del conocimiento; adquisición lingüística

Para citar: Kochkin A.A., Dyrygina N.Y. Subjetividad y lenguaje en la constitución del sujeto. *Revista lingüística de Kazán*. 2026;9(3): 375–383. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.375-383>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.375-383>

**SUBJECTIVITY AND LANGUAGE IN THE CONSTITUTION OF
THE SUBJECT**

A.A. Kochkin¹, N.Y. Dyrygina²

Kazan Federal (Volga region) University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹AAprizhio.Kochkin@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3167-0173>

²NaYDyrygina@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1729-5218>

Abstract. This article aims to understand, first of all, the constitution of the notion and concept of subject based on linguistic experiences and social relations. The concepts of subjectivity, linguistic acquisition, cultural immersion, theory of knowledge and social subject shall be of fundamental importance to clarify the assumptions here intended. The concept of subject refers to a discursive reality and, therefore, does not coincide with the subject of reason whose experiences are located in consciousness or pragmatic rationality. This understanding shall lead us to subjectivity, since, in the field of linguistics, it is about the speaker's capacity to propose him(her)self as a subject, that is, it refers to a thinking self, to consciousness, to the spirit or to the mind as a cognitive

faculty and foundational principle of knowledge. This article shall also seek to explain the different notions of subject and the production of meaning between them. To do so, the contributions of González Rey are taken into account in his argumentation on the subjective dimension of personal meaning and individual and social subjectivity.

Keywords: subjectivity of language; language; subject; cultural immersion; theory of knowledge; language acquisition

For citation: Kochkin A.A., Dyrygina N.Y. Subjectivity and Language in the Constitution of the Subject. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 375–383. (In Spanish) <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.375-383>

Epistemología del Sujeto

Sujeto es un ser que tiene una conciencia y experiencias únicas o una entidad que tiene una relación con otra entidad que existe fuera de sí misma (llamada “objeto”). Un sujeto es un observador y un objeto es una cosa observada. Este concepto es especialmente importante en la filosofía continental, en el que “el sujeto” es un término central en los debates sobre la autonomía humana y la naturaleza del *yo* o de *mi ser* [1].

La clara distinción entre sujeto y objeto corresponde a la distinción, en la filosofía de René Descartes [2], entre pensamiento y extensión. Descartes creía que el pensamiento (la subjetividad) era la esencia de la mente y que la extensión era la esencia de la materia.

Al explorar la mente inconsciente, Sigmund Freud añadió un argumento a las nociones de subjetividad de la Ilustración. Entre los pensadores más radicales de la autoconciencia humana se encontraba Heidegger, cuyo concepto de *ser-ahí* (Dasein) desplaza todas las nociones tradicionales del sujeto personal [3]. En su obra *Ser y tiempo*, Heidegger plantea la cuestión filosófica del ser. ¿Qué es el ser? Heidegger afirma que el ser humano es un “ser desapegado”: el ser humano es capaz de cuestionar el ser, tiene una comprensión del ser. Este ser es el hombre, al que Heidegger llama *ser-ahí*, el hombre como entidad que existe inmediatamente en el mundo.

Jacques Lacan [4] construyó sobre el modelo psicoanalítico del sujeto de Freud, en el que el *sujeto dividido* está constituido por un *doble vínculo*: alienado por el *jouissance* (es la transgresión de la regulación del placer de un sujeto. Está vinculado a la división y escisión del sujeto involucrado, que espontáneamente lo obliga a

transgredir las prohibiciones impuestas al goce y a ir más allá del principio de placer) cuando sale de lo real, entra en lo imaginario (durante la etapa del espejo), y se separa del otro, cuando entra en el campo del lenguaje, la diferencia y la exigencia en lo simbólico o del nombre del padre [4].

El conocimiento y las percepciones del mundo que nos rodea

El conocimiento es la forma en que aprendemos el mundo [3]. Es la relación entre sujeto y objeto [5]. Cuanto más se acerca el sujeto al objeto, más se acerca a lo que se puede llamar la verdad, pero esta verdad no será la única válida o eficiente, ya que está permeada por diferentes vivencias, experiencias y nociones de lo que el sujeto no sólo observa o aprende (proceso de adquisición de conocimientos), sino que también interpreta y asimila [1].

Según Carter [6], la construcción de conocimiento se entiende como un proceso dinámico e interminable. Vigotski [7] afirma que con cada conexión que establece el cerebro humano se construye conocimiento.

Husserl [8] afirma que si bien toda la mónada es verdaderamente una unidad absolutamente circunscrita y cerrada, sin embargo la penetración irreal e intencional del otro en la esfera primordial de otro no es irreal en el sentido de sueño o fantasía. Es el ser que está en comunión intencional con el otro. Es un vínculo que, en principio, es sui-generis, una comunión efectiva, que es precisamente la condición trascendental para la existencia de un mundo, un mundo de los seres humanos y de cosas.

La génesis de la subjetividad

En la teoría del conocimiento, la subjetividad [7] es el conjunto de ideas, significados y emociones que, por basarse en el punto de vista del sujeto, se ven influenciadas por sus intereses y deseos particulares.

Entre los autores que adhieren a los principios propuestos por Vygotsky [7] y analizan la constitución del sujeto priorizando la dimensión subjetiva, destaca la presencia significativa de Fernando González Rey. Este autor [9] contribuyó al debate sobre la cuestión del sujeto y la subjetividad defendiendo la noción de significado personal, generando una distinción entre la dimensión social y colectiva del signifi-

cado y la dimensión subjetiva del significado [10], además de elaborar su marco conceptual creando una distinción entre subjetividad individual y subjetividad social. Para él, la subjetividad es la constitución de la psique en el sujeto individual y también está integrada por los procesos y estados característicos de este sujeto en cada uno de sus momentos de acción social, los cuales son inseparables del significado subjetivo que tales momentos tendrán para él [11]. En su elaboración teórica, sostiene que la subjetividad está organizada por procesos y configuraciones que están permanentemente interpenetrados, en constante desarrollo y vinculados a la inserción simultánea del sujeto en otro sistema igualmente complejo, que es la sociedad, dentro del cual el sujeto debe seguir los desafíos y contradicciones de desarrollarse a través de sistemas diversos, en los que él no es más que uno de los elementos constitutivos, sistemas que no necesariamente están organizados de acuerdo con las necesidades actuales de organización y desarrollo de su subjetividad individual.

En su propuesta, el González distingue entre subjetividad individual y subjetividad social, observando que simultáneamente la subjetividad se expresa a nivel social como constituyente de la vida social. Este momento es lo que él llama subjetividad social, pero ésta no se diferencia de la subjetividad individual por su origen, sino por el escenario de su constitución. Vale la pena señalar que esta distinción es difícil de entender en una posición dialéctica, aun cuando el autor sostiene que la subjetividad individual, a través de las múltiples determinaciones de la realidad, asume el carácter de una condición social, pero no en la forma de un determinismo lineal externo, de lo social hacia el interior, por lo subjetivo, pero en un proceso de constitución que integre simultáneamente las subjetividades sociales e individuales. El sujeto es elemento constitutivo de la subjetividad social y, simultáneamente, se constituye en ella.

Al privilegiar así las configuraciones subjetivas y el significado personal, González Rey deja algunas interrogantes sobre la concepción, el problema del significado y el papel del lenguaje en la constitución del sujeto. El autor rompe con definiciones trascendentales y categorías invariables y universales ubicadas en lo intrapsíquico,

manteniendo, sin embargo, una noción de autorreferencia, con una visión centrada en el sujeto.

La relación del sujeto con el otro está mediada. Así, todas las relaciones están mediadas y ni las interacciones epistemológicas ni dialógicas son directas [12]; Asimismo, las relaciones entre pensamiento y lenguaje no son directas, sino que están mediadas por el significado. De esta manera, el sujeto se constituye a través de la mediación semiótica [9] y a través del proceso de significación, pero esta constitución tiene lugar en la confrontación yo-otro de las relaciones sociales [13]. En este sentido, la subjetividad y el sujeto son comprendidos en la realidad social y la vida social, vistas como, principalmente, históricas [13].

La subjetividad constituida y constitutiva en/de las diferentes zonas de estabilidad variable del significado – siendo también fluida, dinámica, compleja, que incluye una zona uniforme y exacta que es el significado, por ser característica del signo – es convencional y dictionariocionada [14].

Si el significado es constitutivo de la subjetividad, ocurre de manera voluble, móvil, cambiante, no coincidente con el significado de la palabra, no fijado por el signo. Esta flexibilidad-reversibilidad-movilidad-inestabilidad, al no ser una coincidencia característica de significado, no la convierte en algo individual, inmediato, autónomo, regulado y estable. Los significados deben forjarse, arraigarse, enriquecerse, incorporarse y absorberse en/desde el contexto en el que se tejen y entrelazan las relaciones y prácticas sociales [13]. Las palabras cambian de significado en diferentes contextos, pero se materializan, se concretan, se visualizan en el proceso de comunicación entre sujetos.

El significado de una palabra es la suma de todos los hechos psicológicos que despierta en nuestra conciencia [15]. En estos términos, el significado de la palabra es inagotable [14]. Además, el autor llama la atención sobre el “influjo de significado”, es decir, los sentidos parecen fluir entre sí e influirse mutuamente, de modo que los anteriores están contenidos en los posteriores”. o modificarlos [14]. Esta idea de

afluencia (influencia 1) de significado resalta la dinámica, flexibilidad, movilidad, amplitud y complejidad del significado.

El significado de la palabra está relacionado con la riqueza de experiencias sociales [4] e históricas que configuran la conciencia y lo que puede expresar una palabra determinada. El significado de una palabra es más estable y preciso, mientras que el significado es inagotable. La palabra es polisémica y fuente inagotable de nuevos significados [12]. La modificación del significado de una palabra depende tanto de las situaciones como de los sujetos que la atribuyen, [4] por lo que se considera casi ilimitada; sin embargo, los procesos de significado se producen y se apropian en las relaciones sociales, en determinadas condiciones históricas.

Se sostiene, entonces, que la constitución del sujeto no se limita al privilegio de los aspectos intrapsicológicos o interpsicológicos, sino al proceso dialéctico de ambos, e incluso la constitución del sujeto sucede a través del otro y a través del lenguaje en una dimensión semiótica. Dado que la palabra y el signo son polisémicos, la naturaleza y génesis del proceso de constitución del sujeto implican necesariamente lo diferente y lo similar [3].

En este universo de discusiones centradas en la concepción de la constitución semiótica del sujeto, el sujeto se constituye por el otro y por el lenguaje a través de procesos de significación y procesos dialógicos, rompiendo con la dicotomía entre sujeto y social, entre el yo y el otro. La alteridad aparece como fundamento del sujeto, y el lenguaje, la mediación semiótica, el significado, como la cuestión molecular en la obra de Vygotsky.

Góes destaca la complejidad, en la composición teórica del análisis, de la constitución del sujeto que presupone, al mismo tiempo, la intersubjetividad constitutiva y la singularidad de este sujeto, ya que sólo así será posible superar la concepción del sujeto abstracto, tanto del modelo universal como del modelo de las diferencias individuales, ambos tradicionalmente presentes en la Psicología.

La concepción de la constitución del sujeto en una dimensión semiótica no ignora la individualidad o la singularidad, sino que les otorga nuevos significados, a sa-

ber, la individualidad como proceso y como construcción social, la singularidad como una combinación que involucra elementos de convergencia y divergencia, similitudes y diferencias, proximidad y distancia en relación con el otro, y el sujeto como composición no armoniosa de estas tensiones y síntesis [3]. La constitución del sujeto tiene lugar en el campo de la intersubjetividad, configurado como lugar de encuentro y confrontación y como escenario de negociaciones entre los mundos de significado público y privado.

También se destacan la complejidad de la constitución del sujeto y la constitución de la subjetividad [3], también la importancia de la participación del otro en la constitución del sujeto y de la subjetividad. La participación del otro se da en un escenario de agitación, conflicto, producción permanente, diferencias, similitudes y tensiones, es decir, en un escenario constituyente y constituido de significados, es decir, situado en el mundo de los significados.

Sujeto y lenguaje

Actualmente es posible considerar que la identidad del sujeto se construye en/a través del lenguaje, por lo que no podemos hablar de identidades fijas; Las identidades están siempre en un estado de cambio. Los seres humanos tienen innumerables matrices de identificación, ya que portan varias identificaciones.

Las múltiples voces que se caracterizan por la dispersión, por la heterogeneidad, enteramente ligadas al momento histórico-social e ideológico, atraviesan, de manera conflictiva y disonante [14], la constitución identitaria del sujeto [10]. Si este sujeto es internamente múltiple, heterogéneo, escindido, barrado, no es posible hablar de identidad como algo acabado, estable y fijo. Por tanto, se entiende que la identidad es ilusoria y sólo existe como una construcción imaginaria [10]. Así, al sujeto sólo se le deja capturar a través de irrupciones esporádicas en el hilo del discurso, cuando el sujeto inconscientemente deja escapar su heterogeneidad.

Aquí podemos ver los procesos de identificación en la heterogeneidad, en el desmoronamiento, en la dispersión de múltiples voces y múltiples significados, en el reconocimiento de la alteridad, en el Otro como lugar de significado [1]. Como hilos

enredados que se entrecruzan para formar una verdadera red, irrumpen en los intersticios del lenguaje poroso. En este tema no hay nada intrínseco, interno, personal o privado, que no pase a algo externo, colectivo o público. Para una reflexión, entonces, sobre la constitución identitaria de los sujetos, es necesario considerar la relación entre las representaciones imaginarias -vía el deseo y el poder- y el interdiscurso (memoria discursiva) [11].

La memoria discursiva concierne a lo que está inscrito en la constitución del sujeto y, por tanto, sostiene lo (in)decible de ese sujeto, porque donde se produce la memoria, se produce el lenguaje: una manera para que el sujeto se diga a sí mismo y al mundo. La memoria no requiere recuerdo, porque ya está registrada en los cuerpos y organiza su relación con la realidad, pues aquello que se inscribe en el cuerpo, por intervención del Otro, y que permite al sujeto 'saber' quién es, reconocerse, identificarse con su propio nombre y poder decir: 'este soy yo', sin necesidad de presentarse, certificándose frente a su imagen en el espejo.

En este aspecto, la memoria asume una estrecha conexión con la identificación, ya que es a partir de la memoria que los sujetos se construyen en el presente y se proyectan hacia el futuro, resignificándose, ya que nada es estable, y transmitiendo toda su experiencia y conocimiento. para que los otros y el Otro puedan igualmente constituirse. Se puede decir que los sujetos del presente se unen para, ininterrumpidamente, crear otros sujetos.

El lenguaje consiste en la capacidad específica del hombre para establecer comunicación y producir significado (16). Sujeto, tiempo y espacio son nociones que no sólo integran las teorías lingüísticas, sino que también las organizan para que los agentes del discurso, de la interacción comunicacional o de la interacción lingüística puedan percibirse a sí mismos no sólo en su simbología profunda, sino también en un nivel más empírico. Es el lenguaje y es en el lenguaje donde son posibles la convivencia, el conocimiento y la memoria.

References

1. Costa A. *A ficção de si mesmo*. Rio de Janeiro: Companhia de Freud; 1998. (In Portuguese)

2. Descartes R. *Psicodrama Psicoanalítico de Grupo*. Buenos Aires: Amorrortu; 1998. (In Spanish)
3. Goés M.C.R. *Os modos de participação do outro nos processos de significação do sujeito*. Ribeirão Preto: Temas em Psicologia; 1993. (In Portuguese)
4. Lacan J. *I seminario de Jacques Lacan: libro 16: de un otro al otro, 1968-1969*. Buenos Aires: Paidós; 2008. (In Spanish)
5. Beker F. *Educação e construção do conhecimento*. Porto Alegre: Artmed; 2001. (In Portuguese)
6. Carter R. *O Livro de ouro da mente: o funcionamento e os mistérios do cérebro*. São Paulo: Ediouro; 2002. (In Portuguese)
7. Ferdinand de S. *Curso de lingüística general*. Madrid: Tapa Blanda; 1991. (In Spanish)
8. Husserl E. *Investigações lógicas: sexta investigação: elementos de uma elucidação fenomenológica do conhecimento*. São Paulo: Abril Cultural; 1980. (In Portuguese)
9. Coracini M.J.R.F. *Nossa língua: materna ou madrastra? Linguagem, discurso e identidade*: Mercado Letras; 1995. (In Portuguese)
10. González F.R. *Epistemología cualitativa y subjetividad*. São Paulo: Educ; 1997. (In Spanish)
11. Piaget J. *Introducción a la Epistemología Genética*. Buenos Aires, Paidós; 2002. (In Spanish)
12. Bakhtin M. *Estética de la creación verbal*. México: Siglo xxi; 1992. (In Spanish)
13. Foucault M. *The hermeneutics of the subject: lectures at the Collège de France, 1981-1982*. New York: Picador; 2006. (In English)
14. Lakomy A.M. *Teorias cognitivas da aprendizagem*. Curitiba: Ibpx; 2008. (In Portuguese)
15. Vygotsky L.S. *Pensamiento y lenguaje*. Barcelona: Paidós; 1998. (In Spanish)
16. Chabannaya A.G. Discursive Mechanisms of Speech Manipulation in German–Language Political Discourse on the Example of the Conceptual Opposition “Government –People”. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(4):529–539. (In Russ.)

Авторы публикации

Априжио Кочкин Алефе –
преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: AAprizhio.Kochkin@kpfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3167-0173>

Дырыгина Надежда Юрьевна –
преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: NaYDyrygina@kpfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1729-5218>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13.01.2025
Одобрена после рецензирования: 15.05.2025
Принята к публикации: 27.08.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Aprígio Kochkin Álefe –
Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: AAprizhio.Kochkin@kpfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3167-0173>

Dyrygina Nadezhda Yurevna –
Lecturer
Kazan Federal University,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: NaYDyrygina@kpfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1729-5218>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 07.03.2025
Approved after peer reviewing: 15.05.2025
Accepted for publication: 27.08.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81`27+81`42

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.384-393>

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ ДЕСКРИПЦИИ
СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА)**

А.И. Милостивая¹, А.А. Зайцев², Л.Е. Бабушкина³

*Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Россия*

¹*milostivaia@rgau-msha.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5052-2622>*

²*rgaurki@rgau-msha.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6823-2340>*

³*l.babushkina@rgau-msha.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3549-9329>*

Аннотация. В данной статье в фокус исследовательского интереса авторов попадает профессиональная межкультурная коммуникация, осуществляемая известным ученым-германистом В.Г. Адмони. Целью исследования является герменевтико-нарратологический анализ средств экспликации холистической субъективно-модальной тональности, связанной с оценочными суждениями протагониста автобиографического нарратива по поводу своего участия в зарубежном научном мероприятии и коммуникации с европейскими коллегами. Научная новизна результатов исследования определяется трактовкой субъективной модальности нарратива как холистической аксиологической окраски, «рассредоточенной» по всему автобиографическому повествованию. Помимо этого, инновационным представляется обращение к автобиографии В.Г. Адмони как к произведению, созданному элитарной языковой личностью. Анализ эмпирического материала позволил выявить такие доминантные аксиологически маркированные обертона смысла, конституирующие субъективно-модальную тональность автобиографического нарратива элитарной языковой личности советского периода, как гуманизм, признание за коллегой возможности коррекции своих мировоззренческих установок, а также впечатления ученого из СССР от зарубежной командировки. Данные составные части субъективно-модальной тональности манифестируются в нарративе В.Г. Адмони посредством эпитетов с эмоционально-оценочными коннотациями и синтаксических средств выразительности (повтор, парантез, парцелляция предложения). Перспективной представляется аппликация использованной в статье герменевтико-нарратологической интерпретации автобиографии в исследования по фактуальной и фикциональной нарратологии.

Ключевые слова: профессиональная межкультурная коммуникация; элитарная языковая личность; субъективно-модальная тональность; автобиографический нарратив; В.Г. Адмони

Для цитирования: Милостивая А.И., Зайцев А.А., Бабушкина Л.Е. Профессиональная межкультурная коммуникация элитарной языковой личности в аспекте дескрипции субъективно-модальной тональности (на материале автобиографического нарратива советского периода). *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 384–393. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.384-393>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.384-393>

PROFESSIONAL INTERCULTURAL COMMUNICATION OF AN ELITE LANGUAGE PERSONALITY IN THE ASPECT OF DESCRIBING SUBJECTIVE-MODAL TONALITY (BASED ON THE MATERIAL OF AN AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE OF THE SOVIET PERIOD)

A.I. Milostivaya¹, A.A. Zaitsev², L.E. Babushkina³

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia

¹*milostivaia@rgau-msha.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5052-2622>*

²*rgaurki@rgau-msha.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6823-2340>*

³*l.babushkina@rgau-msha.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3549-9329>*

Abstract. This article focuses on the professional intercultural communication practiced by renowned German scholar V.G. Admoni. The aim of the study is a hermeneutic-narratological analysis of the means of explicating the holistic subjective-modal tonality associated with the evaluative judgments of the protagonist of the autobiographical narrative regarding his participation in a foreign scientific event and communication with European colleagues. The scientific novelty of the study's results is determined by the interpretation of the subjective modality of the narrative as a holistic axiological coloring “dispersed” throughout the autobiographical narrative. Furthermore, the approach to V.G. Admoni's autobiography as a work created by an elite linguistic personality is innovative. An analysis of empirical material revealed dominant, axiologically marked overtones of meaning that constitute the subjective-modal tonality of the autobiographical narrative of an elite linguistic personality of the Soviet period. These overtones include humanism, recognition of a colleague's ability to correct his worldview, and the impressions of a Soviet scholar on a foreign assignment. These components of the subjective-modal tonality are manifested in V.G. Admoni's narrative through epithets with emotional-evaluative connotations and syntactic expressive devices (repetition, parentheses, sentence parcellation). The application of the hermeneutic-narratological interpretation of autobiography used in this article to research on factual and fictional narratology appears promising.

Keywords: professional intercultural communication; elite linguistic personality; subjective-modal tonality; autobiographical narrative; V.G. Admoni

For citation: Milostivaya A.I., Zaitsev A.A., Babushkina L.E. Professional Intercultural Communication of an Elite Language Personality in the Aspect of Describing Subjective-Modal Tonality (Based on the Material of an Autobiographical Narrative of the Soviet period). *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 384–393. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.384-393>

В лингвоэпистеме текущего момента отчетливо прослеживается доминирование антропоцентрического подхода в ходе когнитивно-дискурсивного и функционально-прагматического осмысления специфики вербального общения представителей разных народов и культур, что закономерно акцентирует «не изучение системы языка, его устройства, а самого человека, который использует язык для успешной коммуникации в повседневной жизни» [1, с.17]. В рам-

ках обозначенной тенденции в развитии современной теории языка особую актуальность приобретает изучение персуазивности «межкультурной коммуникации именно в формате профессионального общения» [2, с. 392].

В фокус исследовательского интереса авторов данной статьи попадает межкультурная профессиональная коммуникация в сфере науки, осуществляемая элитарной языковой личностью. Эмпирическим материалом исследования послужила глава «Неожиданностью была для нас моя поездка в Амстердам» из романа «Мы вспоминаем» [3], где от лица известного филолога-германиста В.Г. Адмони ведется автобиографическое повествование о его поездке в Амстердам на конгресс Всемирного объединения германистов и об общении советского ученого с его европейскими коллегами.

Таким образом, в качестве протагониста анализируемого нарратива выступает элитарная языковая личность, характеризующаяся «не только высшей степенью владения литературным языком, но и развитой концептосферой» [4, с.17]. Тексты-продукты креативной деятельности элитарной языковой личности оказывают на реципиента значительное персуазивное воздействие, ибо данный тип коммуниканта на высоком уровне владеет как дискурсивной компетенцией в сфере культуры речи, так и «индивидуальным опытом прагматического фокусирования» [5, с. 60]. Кроме того, элитарная языковая личность характеризуется «владением риторическими приемами и наличием этической субкомпетенции» [6, с. 19].

Исходя из приведенных выше параметров, В.Г. Адмони можно рассматривать как элитарную языковую личность, являющуюся автором-протагонистом автобиографического нарратива, который характеризуется «содержательным восстановлением в памяти автора-нарратора прошлых событий жизни» [7, с. 158]. Ряд исследователей справедливо отмечает важную роль содержательно-концептуальной оценочности в автобиографической наррации, ибо конструирование повествования подобного типа осуществляется на базе

«осмысления событий и оценки фактов» [8, с. 54-55], что обуславливает факто-сюжетные истолкования исходного материала протагонистом.

Изложенные соображения свидетельствуют о релевантности рассмотрения субъективно-модальной тональности элитарной языковой личности именно в конструируемой ею автобиографическом нарративе. При этом под субъективно-модальной тональностью мы понимаем эксплицируемую протагонистом содержательно-концептуальную информацию оценочного плана, для которой характерна «особого рода „распыленность“ модальных оценок в отдельных элементах текста» [9, с. 160].

Следует отметить, что с позиции коммуникативно-прагматической интерпретации субъективно-модальной тональности актуальным также представляется анализ устной научной межкультурной коммуникации, описываемой в автобиографическом произведении, ибо общепризнана важная «роль языка оценки в отражении социальных отношений в сфере науки, с одной стороны, и индивидуальных особенностей конкретных исследователей в выстраивании профессиональных отношений со своими коллегами – с другой» [10, с. 821].

Автобиографический нарратив о межкультурной коммуникации в сфере науки, попадающий в фокус исследовательского интереса в данной статье, является такой сферой интернациональной интеракции, где средства выражения тональности субъективно-модального плана обладают большой рекуррентностью, что позволяет «понять чувства и эмоции действующих лиц, проникнуть в их внутренний мир и получить дополнительную информацию о поведении персонажей при выражении своих эмоций» [11, с. 103].

Целью данной статьи является выявление и герменевтико-нарратологическая интерпретация средств выражения холистической субъективно-модальной тональности, эксплицирующей оценочность со стороны протагониста автобиографического нарратива по отношению к коммуникации с иностранными коллегами и посещения научного мероприятия за рубежом. Далее приведем примеры субъективно-модально маркированных компонентов,

выражающих холистическую оценочную тональность нарратива рассматриваемой элитарной языковой личности с тем, чтобы выявить аксиологические доминанты ее мировидения.

В.Г. Адмони, будучи типичным представителем советской интеллигенции, не часто посещал зарубежные научные мероприятия, поэтому при повествовании о данном событии рекуррентен анафорический повтор лексемы «неожиданность»: *«Неожиданностью была для нас моя поездка в Амстердам»* [3, с. 394]; *Неожиданностью прежде всего потому, что меня – после дела Бродского, после моего слова над могилой Фриды – выпустили за границу, притом в капиталистическую страну* [Там же, с. 394]. В последнем случае наряду с акцентированием неординарности зарубежной поездки звучит субъективно-модально маркированная оценочная тональность удивления в форме парантеза, интенсифицирующая неожиданность зарубежной поездки В.Г. Адмони в контексте его роли в деле Бродского.

Мотив неожиданности в анализируемом автобиографическом нарративе относится не только к самому факту поездки ученого в Амстердам, но и к известности его научных трудов в европейском исследовательском сообществе: *Но неожиданностью еще и потому, что я там вдруг почувствовал: мои работы по немецкой грамматике, особенно написанная на немецком языке «Теоретическая грамматика немецкого языка» («Der deutsche Sprachbau»), западным германистам небезразличны* [Там же, с. 394].

Аналогичная субъективно-оценочная тональность в процитированном ниже пассаже передано тавтологическим повтором местоимения «я», что подчеркивает замкнутость круга научного общения советского ученого: *Было забавно, что некоторые из моих знакомых не могли все же поверить, что я – я. Я казался им слишком молодым, чтобы быть тем самым лингвистом, который выступил со своими статьями еще в 30-е годы* [Там же, с. 395].

Еще один лейтмотив, конституирующий субъективно-модальную тональность анализируемого нарратива, акцентирует воспоминания протагониста о

прошлом посредством повтора глагола «запоминаться». Интерес представляет тот факт, что амстердамский флёр привлек В.Г. Адмони больше, чем научное мероприятие высочайшего уровня: *Сами заседания конгресса мне совсем не запомнились. Запомнился Амстердам с его высокими узкими домами* [Там же, с. 395].

В ходе характеристики рецепции достопримечательностей Амстердама следует отметить один из эпизодов, где вербальный «знак получает негативную эмоциональную оценку не напрямую от референта, а в результате семантических ассоциаций, с ним связанных» [12, с. 24]. В данном качестве выступает дом Анны Франк: *Запомнился дом, в котором скрывалась от гестапо семья Анны Франк* [Там же, с. 395].

Этот мотив, связанный с памятью жертв фашизма и его осуждением, является своего рода когерентообразующим звеном, связывающим нарратив об Амстердаме с повествованием о встрече В.Г. Адмони с известным немецким германистом Хеннигом Бринкманном, который в период нахождения фашистов у власти принял их сторону. Размышляя о причинах подобного выбора Х. Бринкманна, В.Г. Адмони приходит к выводу о его случайности, что подтверждается, в частности, субъективно-модально окрашенным текстовым фрагментом, выделенным жирным шрифтом: *В его статьях, написанных после войны, открытая, непредвзятая трактовка материала, естественность изложения, отбор языковых примеров, выдвигаемые концепции – все это не имело ничего общего с духом и матерой писаний филологов, прямо или косвенно связанных с идеологией фашизма* [Там же, с. 396-397].

Продолжая размышления о смене идеологических воззрений Х. Бринкманна, В.Г. Адмони характеризует общую направленность творчества своего немецкого коллеги при помощи эпитета «гуманистический» в постпозиции к определяемому существительному в сочетании с обособлением, акцентируемым нарратором посредством тире: *В работах Бринкманна четко прослеживались устремления гуманистические – к тому, чтобы обнаружить в сложном сцеплении грамматических структур сложность и многообразие духовной*

жизни человека [Там же, с. 397]. Основную содержательно-концептуальную информацию, касающуюся отношения В.Г. Адмони к кардинальной смене мировоззренческой ориентации со стороны Х. Бринкманна, нарратор выделяет посредством выделенных жирным шрифтом повторов, а также при помощи такого характерного для его идиостиля приема, как парцелляция: *Во всяком случае люди – **менялись**. Далеко не все, а иногда лишь медленно и слегка. Но все-таки многие – **менялись*** [Там же, с. 397].

В следующем далее текстовом пассаже парцелляция, выделенная жирным шрифтом, маркирует прагматический фокус, отображающий аксиологический приоритет В.Г. Адмони в отношениях с Х. Бринкманном, связанный с акцентированием сходной позиции по отношению к субъективно-модальной оценке семантики грамматических категорий: *Так рассуждал я, когда думал о Бринкманне. И приходил к заключению, что он действительно изменился. И счел не только возможным, но и необходимым в моей «Теоретической грамматике немецкого языка» несколько раз назвать имя Бринкманна, выделяя тонкость его разбора смысловой стороны грамматических явлений и отмечая близость его наблюдений и выводов к моим. **По отношению к грамматике немецкого языка*** [Там же, с. 397].

Подводя итог, отметим релевантность аппликации категории субъективно-модальной тональности, которая «рассредоточена» по всему нарративу, но выражает холистическую аксиологическую окраску повествования, в анализ автобиографии. Наиболее рельефно субъективно-модальная тональность манифестируется в повествовании элитарной языковой личности, обладающей сформированной компетенцией в функционально-прагматической и когнитивно-дискурсивной сфере. Доминантными аксиологически маркированными обертонами смысла, эксплицируемыми элитарной языковой личностью В.Г. Адмони в советский период, являются гуманистические ценности, признание права коллеги на корректировку идеологической ориентации, а также изображение впечатлений советского человека в зарубежной командировке. Указан-

ные смысловые компоненты субъективно-модальной тональности повествования выражаются в рассмотренном в статье материале при помощи эпитетов, повторов, парантез и парцелляции предложений. Перспективой данного исследования является приложение разработанной методики герменевтико-нарратологической интерпретации автобиографического повествования в изучение иных фикциональных и фактуальных жанров текста.

Список литературы

1. Тахтарова С.С., Павлов Д.В. Коммуникативный портрет как главное средство создания образа героя (на материале романа-фантастической Энтони Берджесса «Доктор болен»). *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 90–97.
2. Комлева Е.В., Герасимова К.Ю., Мирошникова Д.В. Проблема речевого воздействия в межкультурной профессиональной коммуникации. *Мир науки, культуры, образования*. 2025; 3(112): 391–393. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-3112-391-394>.
3. Сильман Т.И., Адмони В.Г. *Мы вспоминаем. Роман*. СПб.: Композитор; 1993. 504 с.
4. Ульянова Т.В. Персоносфера Южного федерального университета: концепт «семья» в представлении коллективной языковой личности элитарного типа. *Научная мысль Кавказа*. 2025; 4 (124): 16–26. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2025-124-16-26>.
5. Кибкало Р.И. Лингвопрагматические особенности знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025; 6 (900): 58–65.
6. Ашева А.А. Элитарная языковая личность как идеальный носитель культурно-речевой компетенции. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2013; 2 (121): 19–23.
7. Лаврова С.Ю. Языковая семантика и дискурсивный статус феномена «воспоминание» в автобиографическом нарративе (на материале мемуаров Д. Самойлова «Памятные записки»). *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2023; 3 (114):156–171. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-13>.
8. Левченко И.А. Нарратив художника в автобиографическом дискурсивном пространстве: специфика вербализации. *Гуманитарные и социальные науки*. 2022; 2 (91): 53–59. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-91-2-53-59>.
9. Милостивая А.И. Особенности экспликации субъективной модальности в нарративе информационного студенческого молодежного журнала (на материале русского языка). *Litera*. 2025; 11:158–170. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.11.76603>.
10. Нефедов С.Т. Язык оценок: что говорят оценки об оцениваемом субъекте. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022; 19(4):821–838. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.410>.
11. Семендяева Ю.Ю. Стилистические особенности репрезентации эмотивности в художественном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2024; 7(1): 95–104. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.95-104>.
12. Бредихин С.Н., Кравченко М.А. Обыденный метаязык как феномен культуры (на материале рефлексивов с семантикой оценки). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2026; 1: 18–29. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2026-1-18-29>.

References

1. Takhtarova S.S., Pavlov D.V. Communicative portrait as the main means of creating the character image (based on novel by Anthony Burgess “Doctor is sick”). *Kazan Linguistic Journal*. 2019; 2 (2): 90–97. (In Russ.)
2. Komleva E.V., Gerasimova K.Yu., Miroshnikova D.V. The problem of speech influence in intercultural professional communication. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2025; 3(112): 391–393. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-3112-391-394>. (In Russ.)

3. Silman T.I., Admoni V.G. *We remember. Novel.* St. Petersburg: Kompozitor; 1993. 504 s. (In Russ.)
4. Ulyanova T.V. The personosphere of the Southern Federal University: the concept “Family” as conceived by a collective linguistic personality of an elitarian type. *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* 2025; 4 (124): 16–26. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2025-124-16-26>. (In Russ.)
5. Kibkalo R.I. Linguopragmatic peculiarities of authorial presence signs in English and Russian popular scientific discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities.* 2025; 6(900): 58–65. (In Russ.)
6. Asheva A.A. Elite language personality as an ideal carrier of cultural and speech competence. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye.* 2013; 2 (121): 19–23. (In Russ.)
7. Lavrova S. Yu. Linguistic semantics and discursive status of the phenomenon «recollection» in an autobiographical narrative (by the memoirs of D. Samoilov's “Memoranda”). *Cherepovets State University Bulletin.* 2023; 3 (114): 156–171. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-13>. (In Russ.)
8. Levchenko I.A. Artist's narrative in autobiographical discursive space: verbalization specifics. *The Humanities and Social Sciences.* 2022; 2(91): 53–59. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-91-2-53-59>. (In Russ.)
9. Milostivaya A.I. Features of the explication of subjective modality in the narrative of an informational student youth magazine (based on the material of the Russian language). *Litera.* 2025; 11:158–170. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.11.76603>. (In Russ.)
10. Nefedov S. T. The language of evaluation: What the evaluation says about the evaluator. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature.* 2022; 4(19): 821–838. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.410>. (In Russ.)
11. Semendyaeva Yu. Yu. Stylistic features of representation of emotivity in literary discourse. *Kazan Linguistic Journal.* 2024; 7(1): 95–104. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.95-104>. (In Russ.)
12. Bredikhin S.N., Kravchenko M.A. Common metalanguage as a cultural phenomenon (based on the material of reflexives with evaluation semantics). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics.* 2026; 1: 18–29. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2026-1-18-29>. (In Russ.).

Авторы публикации

Милостивая Александра Ивановна –
доктор филологических наук, доцент
Российский государственный аграрный
университет – МСХА имени К.А. Тимирязева
Москва, Россия
Email: milostivaia@rgau-msha.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5052-2622>

Зайцев Алексей Анатольевич –
кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный аграрный универ-
ситет – МСХА имени К.А. Тимирязева
Москва, Россия
Email: rgaurki@rgau-msha.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6823-2340>

Бабушкина Лариса Евгеньевна –
кандидат педагогических наук, доцент
Российский государственный аграрный
университет – МСХА имени К.А. Тимирязева
Москва, Россия
Email: l.babushkina@rgau-msha.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3549-9329>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Authors of the publication

Milostivaya Alexandra Ivanovna –
Doctor of Philology, Associate Professor
Russian State Agrarian University – Moscow
Timiryazev Agricultural Academy
Moscow, Russia
Email: milostivaia@rgau-msha.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5052-2622>

Zaitsev Aleksei Anatolyevich –
PhD in Philology, Associate Professor
Russian State Agrarian University – Moscow
Timiryazev Agricultural Academy
Moscow, Russia
Email: rgaurki@rgau-msha.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6823-2340>

Babushkina Larisa Evgenievna –
PhD in Pedagogy, Associate Professor
Russian State Agrarian University – Moscow
Timiryazev Agricultural Academy
Moscow, Russia
Email: l.babushkina@rgau-msha.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3549-9329>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of in-

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.06.2026

Одобрена после рецензирования: 15.08.2026

Принята к публикации: 27.08.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

terest.

Article info

Submitted: 23.06.2026

Approved after peer reviewing: 15.08.2026

Accepted for publication: 27.08.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК 811.612.91'42:811.161.1'42

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.394-407>

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РЕЧЕВОГО АКТА БЛАГОДАРНОСТИ ВО ВЬЕТНАМСКОМ И
РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Нгуен Тхань Шон¹, В.М. Бухаров²

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия*

¹*nthanhsonhuflis@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4369-0476>*

²*vabukharov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3586-7547>*

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ функционально-прагматических характеристик речевого акта благодарности во вьетнамском и русском языках. Актуальность работы определяется, во-первых, ключевой ролью благодарности как универсального механизма поддержания межличностной гармонии и регуляции коммуникативного процесса; во-вторых, необходимостью выявления как универсальных, так и культурно-специфических закономерностей в условиях интенсификации межкультурных контактов; в-третьих, недостаточной изученностью сопоставительного аспекта данных лингвокультур, различающихся ценностными ориентациями и нормами вежливости. Цель работы заключается в выявлении универсальных, национально-специфических и функционально-прагматических особенностей речевого акта благодарности в исследуемых языках. Материалом послужили художественные и публицистические тексты конца XX – начала XXI века общим объемом 2000 высказываний (по 1000 на русском и вьетнамском языках), извлеченные из Национального корпуса русского языка и корпуса вьетнамского языка. Методологическую основу настоящего исследования составили методы сплошной выборки языкового материала, а также компонентного, контекстуального, интерпретационного и сопоставительного анализов, что позволило обеспечить комплексный подход к описанию функционально-прагматических характеристик речевого акта благодарности. В результате установлено, что в сопоставляемых языках благодарность реализует широкий спектр прагматических функций: от базового выражения признательности за услугу до ритуализированного отклика на комплимент, поздравление или пожелание, а также выступает средством согласия, вежливого отказа, поощрения, завершения коммуникации и косвенной просьбы. Полученные результаты углубляют понимание роли речевого акта благодарности в межличностной коммуникации и раскрывают специфику его вербализации в разноструктурных лингвокультурах.

Ключевые слова: прагмалингвистика; речевой акт; благодарность; русский язык; вьетнамский язык

Для цитирования: Нгуен Т.Ш., Бухаров В.М. Функционально-прагматические характеристики речевого акта благодарности во вьетнамском и русском языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 394–407. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.394-407>

FUNCTIONAL-PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF THE SPEECH ACT OF GRATITUDE IN VIETNAMESE AND RUSSIAN LANGUAGES**Nguyen Thanh Son¹, V.M. Bukharov²***Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*¹*nthanhsonhufli@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4369-0476>*²*vabukharov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3586-7547>*

Abstract. The article presents a contrastive analysis of the functional-pragmatic characteristics of the speech act of gratitude in Vietnamese and Russian. The relevance of the study is determined, firstly, by the key role of gratitude as a universal mechanism for maintaining interpersonal harmony and regulating communicative processes; secondly, by the need to identify both universal and culturally specific patterns in the context of intensifying intercultural contacts; and thirdly, by the insufficient investigation of the contrastive aspect of these linguacultures, which differ in their value orientations and politeness norms. The aim of the work is to identify the universal, nationally specific, and functional-pragmatic features of the speech act of gratitude in the languages under study. The material comprises fictional and publicistic texts from the late 20th – early 21st centuries, totaling 2,000 utterances (1,000 in Russian and 1,000 in Vietnamese), extracted from the Russian National Corpus and the Vietnamese language corpus. The methodological framework of this study includes methods of continuous sampling of linguistic material, as well as componential, contextual, interpretive, and contrastive analysis, which ensured a comprehensive approach to describing the functional-pragmatic characteristics of the speech act of gratitude. The findings establish that in the compared languages, gratitude realizes a wide range of pragmatic functions: from the basic expression of appreciation for a service to a ritualized response to a compliment, congratulation, or well-wish; it also serves as a means of agreement, polite refusal, encouragement, termination of communication, and indirect request. The obtained results deepen the understanding of the its role in interpersonal communication and reveal the specifics of its verbalization in structurally different linguacultures.

Keywords: pragmalinguistics; speech act; gratitude; Russian language; Vietnamese language

For citation: Nguyen T.S., Bukharov V.M. Functional-pragmatic Characteristics of the Speech Act of Gratitude in Vietnamese and Russian Languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 394–407. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.394-407>

В современной лингвистике устойчивый интерес вызывает изучение речевых актов (РА) как базовых единиц коммуникации, при этом особое внимание уделяется их функционально-прагматическому потенциалу, позволяющему раскрыть как универсальные цели, так и культурно-обусловленные особенности реализации. В данном контексте речевой акт благодарности (РАБ) занимает особое положение, являясь универсальной категорией, но демонстрируя существенные межъязыковые различия, детерминированные национально-культурной спецификой.

Теоретической базой исследования выступает прагмалингвистика – междисциплинарная область, изучающая отношение знаков к их интерпретаторам и интегрирующая идеи философии, социологии и психологии [1]. В рамках прагмалингвистики сформировался ряд теоретических направлений, оказавших значительное влияние на развитие науки: теория имплицатур и принцип кооперации (Г. Грайс), теория вежливости (П. Браун и С. Левинсон), теория речевых жанров (М.М. Бахтин) и др. Ключевое место в ней занимает теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль), согласно которой высказывание рассматривается как целенаправленное действие. Развивая идею Дж. Остина о том, что «сказать что-либо значит совершить некоторый поступок» [2, с. 27], Дж. Серль определил РА как базовую единицу коммуникации и предложил классификацию, включающую репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы [3, с. 181–188]. РАБ относится к экспрессивам – актам, выражающим эмоции и чувства и носящим соционормативный характер, поскольку их реализация регулируется правилами конкретного общества [4].

Исследование РАБ на протяжении длительного времени привлекает внимание лингвистов. В рамках научной дискуссии данный феномен получил различные интерпретации. М.Я. Гловинская рассматривает благодарность как речевой ритуал – конвенционализированную реакцию в типизированных ситуациях, описывая его содержание через следующую схему: (1) осознание положительного действия адресата; (2) желание выразить признательность; (3) понимание социальной необходимости благодарности; (4) использование конвенциональной формулы; (5) цель – дать положительную оценку действию [5, с. 208–209].

Таким образом, выражение благодарности детерминировано социально-культурными конвенциями, регулирующими поведение коммуникантов. Несоблюдение данной нормы, то есть отсутствие ожидаемой благодарности, квалифицируется как коммуникативное нарушение и воспринимается адресатом негативно [6, с. 55]. Сходную позицию занимает Н.И. Формановская, которая определяет благодарность как речевую ситуацию, в которой проявляются доб-

рожелательность и уважение к адресату, оказавшему услугу или совершившему благоприятное для говорящего действие [7, с. 229].

Коммуникативная ситуация выражения благодарности обычно реализуется в диалогической форме, где инициатор совершает действие, а адресант отвечает РАБ, выступающим в роли реактивного акта – реплики, признающей и оценивающей действие инициатора. При этом роли распределяются следующим образом: адресантом является благодарящий, адресатом – инициатор действия [8, с. 105]. Вместе с тем, выражение благодарности может осуществляться и в монологической форме. Например, публичные выступления, радио- и телеэфиры, официальные обращения содержат благодарственные формулы. В таких случаях благодарность приобретает декларативный характер и направлена на установление позитивного коммуникативного контакта с коллективным адресатом, даже при отсутствии прямой ответной реакции. Из этого следует, что РАБ следует рассматривать как многоаспектное явление, включающее диалогические и монологические формы реализации. Его особенность заключается в сочетании структурной простоты и прагматической многослойности: внешне элементарный по форме, он выполняет целый комплекс функций. Как отмечает А.Г. Бердникова, данное высказывание «в любой коммуникативной ситуации выполняет одновременно несколько функций» [9, с. 9], что исключает её интерпретацию как элементарной речевой единицы.

В лингвистической литературе такие функции, как конативная, директивная, апеллятивная и побудительная, нередко трактуются как синонимичные. Однако представляется целесообразным разграничивать апеллятивную функцию, ориентированную на обращение к собеседнику с целью побуждения его к ответной реакции, и побудительную, предполагающую стимулирование адресата к совершению конкретного действия. Согласно классификации Р. Якобсона, в структуре РА выделяются базовые функции – референтивная (коммуникативная), эмотивная (экспрессивная) и конативная (побудительная). Все остальные функции рассматриваются как дополнительные и актуализируются в специфици-

ческих коммуникативных условиях: при установлении контакта, проверке взаимопонимания или акцентировании внимания на форме текста [10]. Помимо основной функции благодарности – поддержания коммуникативного контакта и позитивного впечатления, РАБ может выполнять и специальные функции, например, служить средством выражения иронии [11, 12].

Лексикографические источники предоставляют систематизированные данные о единицах благодарности. В Словаре русского речевого этикета А.Г. Балакая зафиксировано 231 соответствующее выражение; ядро этого лексического массива составляют лексемы *благодарить*, *благодарствую*, *благодарение*, *благодарность*, *благодарный*, *спасибо* [13].

На основе систематизации, предложенной И. В. Формановской [14, с. 98–99], в русском языке выделяются следующие структурно-семантические типы благодарственных высказываний: конструкции с глагольным ядром (*благодарить*); Конструкции с именным ядром (*благодарность*, *признательность*); Конструкции с адъективным ядром (*благодарный*, *признательный*); слово «*спасибо*»; устойчивые формулы речевого этикета (*напр., Тысяча благодарностей!*) и др.

Во вьетнамском языке, согласно данным Словаря вьетнамского языка, репертуар глаголов благодарности включает единицы: *cảm ơn*, *cảm ơn*, *bái tạ*, *cảm tạ*, *đa tạ*, *đội ơn*, *tạ ơn*, *biết ơn*, *tri ân*. Семантический анализ позволяет дифференцировать их по степени формальности и экспрессивности: глагол *cảm ơn/cảm ơn* является универсальным и стилистически нейтральным средством, тогда как остальные характеризуются большей торжественностью и формальностью. Характерной особенностью вьетнамского языка выступает продуктивная словообразовательная модель, позволяющая при помощи слов *lời* (речь) и *sự* (действие) образовывать от глаголов благодарности существительные: *lời cảm ơn*, *sự biết ơn*, *lời cảm tạ* (благодарность) и др. [15].

Анализ эмпирического материала позволил выявить ряд прагматических целей и функций, реализуемых РАБ во вьетнамской и русской лингвокультурах. Эти цели и функции проявляются как в типовых коммуникативных ситуа-

циях, так и в специфических контекстах, где РАБ приобретает дополнительные прагматические значения.

1) Выражение благодарности за оказанную услугу, помощь, внимание

Основной целью РАБ является выражение признательности за услугу, помощь, внимание. В таких высказываниях фиксируется эмоциональное отношение говорящего, проявляющееся в чувствах благодарности за материальную или моральную поддержку.

(1) *Tôi cảm ơn các bạn vì đã giúp đỡ gia đình chúng tôi trong thời điểm khó khăn này.* [Xuân Mai] (*Я благодарю вас за помощь моей семье в этот трудный период.*) (Здесь и далее перевод наш – Нгуен Т.Ш.)

Аналогичный пример из русского языка:

(2) *От всей души благодарю Вас за внимание, которое Вы оказали моей особе в статье «Ветераны».* [А. Крон]

2) Выражение упрёка, иронии, сарказма

Помимо непосредственного выражения благодарности, данный РА может использоваться для передачи иронии, сарказма или упрёка.

(3) *Tình huống giao tiếp giữa hai người đồng nghiệp Nguyễn và Peter Yeo. Trong cuộc đối thoại căng thẳng, cuối cùng Nguyễn mỉa mai đáp: «Cảm ơn ông, vì những điều ông làm cho tôi, và cả những điều ông không làm!»* [Phan Hồn Nhiên] (Ситуация общения между двумя коллегами, Нгуен и Питером Йео. В ходе напряжённого диалога Нгуен в итоге иронично отвечает: «Благодарю вас за всё, что вы для меня сделали, и за то, чего вы не сделали!»)

В русском языке также отмечается такое подобное явление.

(4) *Что вы предлагаете? Во-первых, забудьте про меня. Никаких очерков о героях производства. У вас явный талант привлекать к себе внимание. Спасибо за комплимент.* [В.А. Ярмолинец]

3) Согласие на предложение или приглашение

РАБ также функционирует как формула согласия на предложение или приглашение, выступая одновременно как выражение вежливости и принятия.

(5) *Tình huống giữa hai người bạn tên Hoàng và Tâm. Khi Hoàng bị say rượu, Tâm lấy khăn đưa cho anh:*

– *Khăn đây này.*

– *Cảm ơn.* [Nguyễn Việt Hà] (*Ситуация между двумя друзьями – Хоангом и Тамом. Когда Хоанг был пьян, Там протянул ему платок:*

– *Вот платок.*

– *Спасибо.*)

Пример из русского языка:

(6) *Не желаете ли выпить чаю? – спросил Лыжин негромко. У меня, кажется, есть даже конфеты. Спасибо, с удовольствием.* [А. Вайнер]

4) Отказ от предложения или приглашения

Кроме выражения согласия, благодарность может служить средством вежливого отказа, сохраняя позитивный настрой общения.

(7) *Hội thoại giữa Thê và Khôi. Thê muốn mời Khôi hút thuốc:*

– *Cảm ơn ông, tôi không hút được thuốc lá.* [Nguyễn Trọng Oánh]

(*Диалог между Тхем и Хюй. Тхем хочет предложить Хюй сигарету.*

– *Благодарю вас, я не курю.*)

Пример из русского языка:

(8) *Сегодня вы можете остаться у нас и вообще можете у нас пожить, пока ваш муж не вернется в Москву. Спасибо, но я привыкла жить дома.* [А. Маринина]

5) Ответ на поздравление, комплимент, пожелание и другие словесные знаки внимания

Одной из ключевых функций РАБ является реакция на поздравления, комплименты, пожелания. В подобного рода ситуациях РАБ реализуется как ритуализованный и вежливый ответ, направленный на поддержание позитивного коммуникативного контакта между участниками общения.

(9) *Tình huống giữa hai người bạn Trâm và Chương. Trâm tiễn Chương về nhà:*

– *Anh đi đường bình an nhé!*

– Ừ. Cảm ơn Trâm. [Nguyễn Nhật Ánh] (*Ситуация между двумя друзьями*

Тьям и Чьонг. Тьям провожает Чьонга домой:

– *Счастливого пути!*

– *Да, спасибо, Тьям.)*

В русском языке также отмечается такое подобное явление.

(10) ... Ты, вообще, кто? Ученица Елены Тимофеевны?

– Спасибо за комплимент, но я давно уже миновала школьный возраст, –
улыбнулась я. [Д. Донцова]

6) Вежливый отклик на лестное замечание или комплимент

В ряде ситуаций РАБ используется как вежливый ответ на комплимент или лестное замечание.

(11) *Tình huống nói chuyện giữa hai người bạn Nguyên và Kat:*

– *Tôi hiểu ... Vì cô luôn sống trung thực, Kat ạ!*

– Cảm ơn anh! – *Tôi mỉm cười, lái câu chuyện sang hướng khác.* [Phan Hồn
Nhiên] (*Разговор между друзьями – Нгуеном и Кэт:*

– *Я понимаю... Потому что ты всегда живёшь честно, Кэт!».*

– Спасибо вам! – *я улыбнулась и перевела разговор на другую тему.)*

В русском языке аналогичные реакции выражаются фразами типа «Вы мне льстите, спасибо» или «Спасибо, но вы мне льстите» и др., что служит признаком вежливого отклика на комплимент.

(12) – Вы мне льстите, княгиня... спасибо, спасибо. [В. Яременко-Толстой]

7) Косвенная просьба с выражением будущей благодарности

РАБ часто выступает как средство косвенной просьбы, в которой выражается благодарность за предполагаемое будущее действие, что смягчает прямоту просьбы и подчёркивает уважение к адресату.

(13) ...*Xin cảm ơn các bạn đã dành thời gian đã đọc những dòng trên của mình, và sẽ rất cảm ơn nếu các bạn dành chút thời gian quý báu để đọc nốt phần còn lại của bài viết...* [Đỗ Anh Tú] (...*Сердечно благодарю вас, друзья, за время, уде-*

лённое чтению этих строк, и буду очень признателен, если вы найдёте возможность прочитать оставшуюся часть статьи...)

Пример из русского языка:

(14) *Уважаемый профессор, я буду вам очень благодарна, если вы откроете мне один секрет...* [Е. Весник]

8) Форма вежливого прощания

В русском языке РАБ используется для вежливого прощания, которая отсутствует во вьетнамской лингвокультуре.

(15) *Застегнув все еще картошкой пахнущую телогрейку, с которой сыпался крахмал, я протянул Ксении руку: Спасибо за хлеб-соль! Серьезный вы человек, товарищ боец!* [В. Астафьев]

Здесь фраза «*спасибо за хлеб-соль*» символизирует благодарность не только за еду, но и за гостеприимство, тепло и заботу. Она сопровождает жест прощания – рукопожатие – и выступает кульминацией ритуала ухода.

9) Форма поощрения

В русском языке РАБ может выступать как официальное признание и поощрение выполненного долга, выходящее за рамки выражения благодарности.

(16) *Старик молодцевато выпрямил спину и встал по стойке «смирно». Дошел до самого Берлина! Спасибо за службу, старшина! – серьезно похвалил генерал.* [В. Доценко]

Формула «*Спасибо за службу*» выходит за рамки стандартного РАБ. Она выступает как публичное признание добросовестного исполнения обязанностей, как знак уважения и символическое завершение определённого жизненного этапа. Отметим, что аналогичное явление отсутствует во вьетнамском языке.

10) Благодарность как выражение недовольства или несогласия

Во вьетнамской лингвокультуре РАБ иногда служит средством выражения недовольства или несогласия, что нехарактерно для русского языка.

(17) *Hội thoại giữa cô gái tên Hà Thu và Vũ Minh – bạn trai của chị gái Hà Thu. Cô gái phản đối mối quan hệ giữa chị gái mình và Vũ Minh:*

– Hà Thu, lâu không gặp em. Em vẫn khỏe chứ?

– Không dám, cảm ơn anh. (Диалог между Ха Тху и Бу Минем (парнем её старшей сестры). Ха Тху против их отношений:

– Ха Тху, давно не виделись. Как дела?

– Не стоит. Благодарю вас.)

В данном контексте слово «благодарю» приобретает коннотацию скрытого неудовольствия, выступая не как выражение признательности, а как форма несогласия.

11) Благодарность как средство завершения речи, смены говорящего, вежливого прерывания общения

В русском и вьетнамском языках РАБ широко используется для завершения публичных выступлений. Во вьетнамском языке распространена формула «cảm ơn bạn đã chú ý lắng nghe» (спасибо вам за внимание).

(18) Ученик выступил с презентацией и завершал свою речь. Он говорит «Em đã trình bày xong, cảm ơn cô và các bạn đã chú ý lắng nghe» (Я завершил своё выступление. Благодарю вас за внимание, – сказал ученик, обращаясь к учительнице и одноклассникам).

В русском языке аналогичная функция выражается, например:

(19) На этом позвольте сегодняшнюю лекцию закончить. Благодарю за внимание. [В. Катаев]

Кроме того, во вьетнамской коммуникативной культуре РАБ широко используется для смены говорящего и/или вежливого прерывания общения.

(20) – Hồng Tươi: Hồng Tươi xin trả lại sóng cho phòng thu xin chào Phạm Ngọc và Vũ Hương.

– Vũ Hương: Cảm ơn Phòng viên Hồng Tươi. Tiếp theo là bản tin thời tiết nông vụ.

(– Хонг Туой: Мы возвращаем в студию. Приветствую Фам Нгок и Бу Хыонг.

– *Бу Хыонг: Спасибо, корреспондент Хонг Туой. Следующая программа – прогноз погоды.*)

Во вьетнамской коммуникативной культуре также возможно использование РАБ для вежливого прерывания речи собеседника. Например, на уроке учитель может вежливо прервать ученика, сказав: «*Cảm ơn, mời em ngồi xuống*» (Спасибо, садись), сохраняя доброжелательную атмосферу и уважение к собеседнику. Такой приём позволяет деликатно остановить нерелевантный ответ, не нарушая коммуникативного этикета.

В результате анализа эмпирического материала выявлены основные функции РАБ, отражающие как универсальные, так и культурно-специфические особенности коммуникации во вьетнамском и русском языках:

- Эмоционально-экспрессивная (эмотивная) функция – выражение положительных эмоций и признательности, способствующее укреплению межличностных связей.
- Коммуникативная функция – обеспечение взаимопонимания и поддержание диалога, смягчение отказов, выражение согласия, завершение разговора, а также служение средством смены говорящего и вежливого прерывания речи.
- Референтивная функция (констатация факта) – отсылка к конкретному событию или действию в прошлом, указывающая на контекст коммуникации.
- Фатическая функция – поддержание контакта между собеседниками, создание атмосферы вежливости и уважения, особенно в ситуациях, требующих сохранения гармонии и предотвращения конфликтов.
- Ритуальная функция – реализация социальных норм и традиций, выступление в роли формы вежливого прощания, признания заслуг и поощрения, подчёркивающая культурную значимость благодарности.
- Конативная функция – использование РАБ как инструмента мягкого воздействия, мотивирующего адресата к повторению желаемого поведения.

Проведённый сопоставительный анализ подтвердил двойственную природу РАБ, выступающего как универсальная единица этикета и одновременно

как культурно-специфический маркер. Исследование выявило общий прагматический каркас данного акта во вьетнамском и русском языках, ориентированный на поддержание коммуникативной гармонии через ритуализированные формулы согласия, отказа, завершения речи и косвенных просьб. Этот универсальный слой обеспечивает базовую межкультурную понятность. Однако глубинные различия раскрываются на уровне национально-культурной реализации. В русской лингвокультуре благодарность тяготеет к социально-оценочной и символической завершённости, проявляясь в уникальных функциях поощрения и ритуализированного прощания. Это отражает ценности прямого признания и значимости совместного опыта. Во вьетнамском коммуникативном пространстве благодарность становится тонким инструментом регуляции межличностной дистанции и иерархии. Её способность выражать скрытое несогласие или служить средством вежливого прерывания демонстрирует приоритет косвенных стратегий сохранения гармонии и чёткого соблюдения коммуникативных ролей.

Таким образом, РАБ функционирует как лингвокультурный код: его общее ядро гарантирует взаимопонимание, а специфические реализации воплощают ключевые ценности каждой культуры – откровенное социальное одобрение и финальный ритуал в русской традиции и контекстуально-иерархическую регуляцию отношений во вьетнамской. Данные выводы углубляют понимание механизмов связи языка и культуры и имеют практическое значение для обучения языкам и оптимизации межкультурного диалога.

Список литературы

1. Моррис Ч.У. *Основания теории знаков*. В кн.: Семиотика. М.: Радуга; 1983. С. 37–89.
2. Остин Дж.Л. Слово как действие. В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. М.: Прогресс; 1986. С. 22–129.
3. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов. В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. М.: Прогресс; 1986. С. 170–195.
4. Заграевская Т.Б., Кусов А.Р., Заграевская С.М. Коммуникативное взаимодействие в экспрессивных речевых актах. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 236–245. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.236-245>
5. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. В кн.: *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева. М.: Наука; 1993. С. 158–218.
6. Носрати А. Речевой акт благодарности в русской и персидской лингвокультурах. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2022;14(2):54–62. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-2-54-62

7. Формановская Н.И. *Речевой этикет в русском общении: теория и практика*. М.: ВК; 2009. 333 с.
8. Краева С.С. Когнитивный и прагматический аспекты исследования высказываний с семантикой благодарности. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013;(24):104–109.
9. Бердникова А.Г. *Речевой жанр благодарности: Когнитивный и семантический аспекты*: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск; 2005. 224 с.
10. Eisenstein M, Bodman J.W. “I very appreciate”: Expressions of gratitude by native and non-native speakers of American English. *Applied Linguistics*. 1986;7(2):167–185.
11. Федорова Л.Л. *Об определении функций речевых актов*. URL: <https://dialogue-conf.org/media/2623/fedorova.pdf> (дата обращения: 28.08.2025)
12. Aijmer K. *Conversational routines in English: Convention and creativity*. London & New York: Addison Wesley Longman; 1996. 251 p.
13. Балакай А.Г. *Словарь русского речевого этикета*: ок. 6000 слов и выражений. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС; 2001. 672 с.
14. Формановская Н.И. Благодарность. В кн.: *Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник*. Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука; 2011. с. 97–99.
15. Hoàng P. *Từ điển tiếng Việt*. Hà Nội-Đà Nẵng: NXB Đà Nẵng; 2003. 1221 tr.

Список источников

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.12.2025)
2. Корпус вьетнамского языка. URL: <https://s.ngonngu.net/corpus/> (дата обращения: 04.12.2025)

References

1. Morris C.W. Foundations of the theory of signs. In: *Semiotics*. Moscow: Raduga; 1983. p. 37–89. (In Russ.)
2. Austin J.L. Word as action. In: *New in foreign linguistics*. Iss. 17. Moscow: Progress; 1986. p. 22–129. (In Russ.)
3. Searle J.R. Classification of illocutionary acts. In: *New in foreign linguistics*. Iss. 17. Moscow: Progress; 1986. p. 170–195. (In Russ.)
4. Zagrayevskaya T.B., Kusov A.R., Zagrayevskaya S.M. Communicative Interaction on Expressive Speech Acts. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 236–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.236-245>
5. Glovinskaya M.Ya. Semantics of speech verbs from the perspective of speech act theory. In: *The Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect* / Ed. by E.A. Zemskaya, D.N. Shmelev. Moscow: Nauka; 1993. p. 158–218. (In Russ.)
6. Nosrati A. The speech act of gratitude in Russian and Persian linguocultures. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2022;14(2):54–62. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-2-54-62 (In Russ.)
7. Formanovskaya N.I. Speech etiquette in Russian communication: theory and practice. Moscow: VK; 2009. 333 p. (In Russ.)
8. Kraeva S.S. Cognitive and pragmatic aspects of the study of utterances with the semantics of gratitude. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013;(24):104–109. (In Russ.)
9. Berdnikova A.G. The speech genre of gratitude: Cognitive and semantic-pragmatic aspects: thesis ... candidate of philological sciences. Novosibirsk; 2005. 224 p. (In Russ.)
10. Eisenstein M, Bodman J.W. “I very appreciate”: Expressions of gratitude by native and non-native speakers of American English. *Applied Linguistics*. 1986;7(2):167–185.
11. Fedorova L.L. On the definition of speech act functions. Available from: <https://dialogue-conf.org/media/2623/fedorova.pdf> [accessed 28.08.2025] (In Russ.)
12. Aijmer K. *Conversational routines in English: Convention and creativity*. London & New York: Addison Wesley Longman; 1996. 251 p.
13. Balakay A.G. Dictionary of Russian speech etiquette: approx. 6000 words and expressions. 3rd ed., rev. and add. Moscow: AST-PRESS; 2001. 672 p. (In Russ.)
14. Formanovskaya N.I. Gratitude. In: *Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference book*. Ed. by L.Yu. Ivanov, A.P. Skovorodnikov, E.N. Shiryayev. 3rd ed., rev. Moscow: Flinta: Nauka; 2011. p. 97–99. (In Russ.)

15. Hoang P. *Vietnamese Dictionary*. Hanoi-Danang: Danang Publishing house; 2003. 1221 p. (In Viet.)

List of Sources

1. National Corpus of the Russian Language. Available from: <http://www.ruscorpora.ru> [accessed 05.12.2025] (In Russ.)
2. Vietnamese Language Corpus. Available from: <https://s.ngonngu.net/corpus/> [accessed 04.12.2025] (In Viet.)

Авторы публикации

Нгуен Тхань Шон – Аспирант
Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия
Email: nthanhsonhuflis@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-4369-0476>
Бухаров Валерий Михайлович –
Доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой
Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия
Email: vabukharov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3586-7547>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.03.2026
Одобрена после рецензирования: 15.05.2026
Принята к публикации: 27.06.2026
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Nguyen Thanh Son – Postgraduate student
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia
Email: nthanhsonhuflis@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-4369-0476>

Bukharov Valeriy M. –
Prof. Dr., Head of the Department
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia
Email: vabukharov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3586-7547>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 01.03.2026
Approved after peer reviewing: 15.05.2026
Accepted for publication: 27.06.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'22

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.408-418>

**ФИЛОСОФИЯ ВОЗРАСТА В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ, ТУРЕЦКИХ И БАШКИРСКИХ
ПАРЕМИЙ)**

Р.Х. Хайруллина

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Россия*

rajhan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7978-2225>

Аннотация. В статье раскрываются исторические и социокультурные истоки философского осмысления возраста человека в разных культурах в контексте идеологии общества в определенную эпоху и отражение их в языках в качестве мотивирующих основ для паремий и фразеологизмов. Целью исследования является описание стереотипных моделей мышления и поведения как самих старых членов социума, так и отношения к ним, закрепившихся в пословичном фонде языка. Анализируются языковые, культурные и ценностно-смысловые особенности русских, турецких и башкирских паремий, интерпретирующих возраст человека (период старости). В ходе лингвокультурологического анализа пословиц впервые выявлена этнокультурная специфика образного описания внешних, психофизиологических, ментальных качеств пожилого/старого человека, а также их оценки в социуме в русском и тюркских (башкирском и турецком) языках в контексте культуры, образа жизни, традиционных верований и обычаев народов, носителей языков. Доказано, что онтологические, культурно-исторические и аксиологические факторы образуют некое лингвокультурное пространство в языковом сознании носителей языка, что находит выражение в мотивированности семантики устойчивых единиц. Установлено, что в тюркских культурах наблюдается более толерантное отношение к старости, а в языках отсутствуют пословицы и фразеологизмы с пейоративной окраской, по сравнению с русским языком, что обусловлено природно-климатическими условиями проживания и типом хозяйствования (оседлый и кочевой образ жизни), влияющими на отношение к старым членам общества ввиду их нетрудоспособности. В сопоставляемых языках наблюдается сходство в характеристике таких параметров жизни, как ее быстротечности, конечности земного бытия, противопоставления молодости и старости. Перспективы исследования заключаются в применении алгоритма анализа паремий на материале других языков.

Ключевые слова: культура; паремия; образ жизни; этнокультурная специфика; возраст

Для цитирования: Хайруллина Р.Х. Философия возраста в культуре и языке (на материале русских, турецких и башкирских паремий). *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 408–418. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.408-418>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.408-418>

THE PHILOSOPHY OF AGE IN CULTURE AND LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, TURKISH, AND BASHKIR PAREMIAS)

R.Kh. KhairullinaM. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia
rajhan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7978-2225>

Abstract. The article reveals the historical and sociocultural origins of the philosophical understanding of a person's age in different cultures, in the context of the ideology of society in a particular era, and their reflection in languages as motivating foundations for phraseological units. The aim of the study is to describe the stereotypical patterns of thinking and behavior—both of the older members of society themselves and of the attitudes towards them—that have become ingrained in the proverbial fund of the language. The linguistic, cultural, and value-semantic features of Russian, Turkish, and Bashkir proverbs that interpret a person's age (the period of old age) are analysed. In the course of a linguoculturological analysis of proverbs, the ethnocultural specificity of the figurative description of the external, psychophysiological, and mental qualities of an elderly/old person, as well as their assessment in society in the Russian and Turkic (Bashkir and Turkish) languages, has been identified for the first time — in the context of culture, lifestyle, traditional beliefs, and customs of the peoples who speak these languages. It has been proven that ontological, cultural-historical, and axiological factors form a certain linguocultural space in the linguistic consciousness of native speakers, which is reflected in the motivation of the semantics of set expressions. It has been established that Turkic cultures exhibit a more tolerant attitude towards old age, and their languages lack proverbs and idioms with pejorative connotations, compared to the Russian language, this is due to the natural and climatic conditions of living and the type of economic activity (sedentary versus nomadic lifestyle), which influence the attitude towards older members of society due to their inability to work. In the compared languages, there is a similarity in the characterization of such life parameters as its transience, the finitude of earthly existence, and the contrast between youth and old age. The research prospects lie in applying the algorithm for analyzing paremias using materials from other languages.

Keywords: culture; paremia; lifestyle; ethnocultural specificity; age

For citation: Khairullina R.Kh. The Philosophy of Age in Culture and Language (based on Materials from Russian, Turkish, and Bashkir Paremias). *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 408–418. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.408-418>

Антропоцентризм всегда пронизывал человеческий язык «снизу доверху». Образование звуков, их качество, лексико-фразеологический фонд, отражающий процессы номинации реалий объективного мира и их концептуализацию, морфологическая и синтаксическая структура языка как отражение категоризации и логических процессов мышления – все это «следы присутствия человека» (Н.Д. Арутюнова). В античные времена философ Протагор назвал

человека мерой всех вещей. Однако призма восприятия мира всегда является субъективной точкой зрения как одного индивида, так и целой лингвокультурной общности. В последнем случае мы говорим об этнической специфике языковой картины мира. «Понятие человеческого фактора в языке – достаточно емкое и неоднозначное. Антропоцентризм в языке может отражать перцептивные, эмотивные, ментальные, прагматические и иные модусы отражения человека в языке» [1, с.7].

Интерпретация объективной действительности и человека как ее части представляет собой осмысление бытия универсума и человека с точки зрения их прагматических, аксиологических и функциональных характеристик. Общеизвестно, что такие категории, как время, пространство, отношение, мера и степень, количество и другие осмысливаются человеком и получают закрепление в языке в контексте человеческого бытия. Причем, их интерпретация тесно связана с телесными и бытийными параметрами самого человека: далеко – близко (*под рукой, под боком, в двух шагах – за тридевять земель, у черта на куличках, как до луны, куда Макар телят не гонял*), много – мало (*пальцев не хватит пересчитать, по горло, с головкой – раз-два и обчелся, с мизинец, с ноготок, по пальцам можно пересчитать*), быстро – медленно (*одна нога здесь, другая там, глазом не успел моргнуть, в мгновение ока, как на пожар – нога за ногу, едва ноги переставлять*) и др.

«Человек телесный» – это особый фрагмент фразеологической (и общезыковой) картины мира, в которой закрепился опыт познания себя, индивидуальный и коллективный. Если лексическая группа соматизмов как наименований частей тела и органов человека номинируют его физиологическое строение, то во фразеологии получают выражение образная интерпретация жизнедеятельности человека во всех сферах бытия, начиная с рождения до смерти [2]. Жизнь человека – это «взятая в многообразии ее телесных и социокультурных модусов» протяженность во времени, или возраст [3, с. 26]. Описание во фразеологии возраста человека, в отличие от внешности, параметрических характе-

ристик (вес, рост, особенности строения тела) отражает не только физическое и физиологическое состояние человека, но и его место в социуме и соответственно отношение к нему в обществе.

Целью работы является описание этнокультурной специфики понятий «возраст» и «старость» на материале русских, турецких и башкирских пословиц, отобранных методом сплошной выборки из паремиологических словарей. Исследование пословиц в языках сравнения проводилось с применением лингвокультурологического подхода. Основным методом исследования в статье является описательно-аналитический метод, заключающийся в наблюдении путей формирования фразеологической образности и описания лингвокультурного механизма его формирования, а также сравнительно-сопоставительный метод и метод лингвокультурологического анализа, заключающийся в выявлении культурных понятий и фактов, мотивирующих семантику пословиц, в контексте культуры каждого из народов.

Опираясь на теоретические исследования В.В. Воробьева, В.М. Мокиенко, В.А. Масловой, Н.Г. Бочиной в области лингвокультурологии и паремиологии, мы рассматриваем паремии, закрепившие возрастные характеристики человека, как языковые единицы, в которых онтологические, культурно-исторические и аксиологические факторы образуют некое лингвокультурное пространство в языковом сознании носителей языка. А фразеологическое (образное) значение таких оборотов выступает как «верхушка айсберга» – квинт-эссенция знаний и представлений о возрасте. С точки зрения онтологии возраст определяется как физиологическое и психическое состояние человека на определенном этапе жизни. Культурно-исторический контекст определяет понятие возраста в призме традиций и обычаев народа и идеологии определенной исторической эпохи. Аксиологический фактор отражает оценку прагматических свойств индивида как члена микро- и макросоциума. В философии языка (В.С. Юрченко, М.Н. Эпштейн, Ю.А. Елисеева) отмечается сакральность чисел как архетипов строения мироздания, частью которого является и сам человек. В па-

ремиологическом фонде имена-числительные как компоненты паремий в разных языках отражают этот универсальный характер структуры универсума.

Процедура выявления этнокультурного своеобразия паремий, закрепивших возрастные свойства и качества человека, основана на комплексном подходе к описанию фразеологической семантики таких единиц как относительно их компонентного состава, так и образной мотивации актуальной семантики.

Изучение возраста человека как онтологической и социокультурной категории вызывает большой интерес, кроме ученых в области естественных наук (антропологов, биологов, медиков), у социологов, историков, психолингвистов, философов и культурологов. Лингвистов данная категория интересует в аспекте языкового выражения возрастных характеристик человека.

Формально возраст человека исчисляется количеством прожитых лет, а его аксиологическая значимость обуславливается востребованностью людей разного возраста в микро- (семья, родня) и макросоциуме – обществе. Этапы, или циклы, развития человека от рождения до смерти рассматриваются в рамках философской антропологии – с точки зрения эволюционной истории человека с описанием его физиологического состояния и духовного роста. Культурологи и философы исследуют феномен возраста в разных культурах в их историческом развитии. В лингвистике и лингвокультурологии интерес к нему связан с выявлением ценностно-смысловых параметров возраста и его языкового выражения.

В монографии С.А. Лишаева «Философия возраста» (М., 2022) детально освещается социальный и аксиологический статус возраста человека с античного периода до современности – XXI века. Каждая эпоха по-своему оценивает главную возрастную антиномию «молодой – старый» в контексте идеологии своего времени.

Если говорить о культурных традициях в отношении к людям разных возрастных категорий в обществе (младенец – юный – молодой – зрелый – старый), то в них прослеживается, на взгляд нашего современника, определенный

прагматизм и цинизм. В Древней Спарте хилых, слабых здоровьем младенцев и старцев сбрасывали со скалы в море, как балласт общества. В Древнем Риме стариков после 60 лет сбрасывали в реку Тибр. В славянских племенах Древней Руси был обычай сажать глубоких стариков на санки и увозить их зимой в лес, где они умирали от холода и голода (этот обычай описывается в сказках и притчах – в сказке для детей Л.Н. Толстого говорится о модели поведения детей по отношению к старым родителям). В белорусском языке есть фразеологизмы *посадить на лубок*, *пора на лубок*, где лубок – санки из луба, коры липы, на которые сажали стариков и увозили в зимний лес умирать [4]. Печально известная гора Нараяма стала символом смерти японских стариков, которых сыновья или родственники на плечах несли на вершину горы и оставляли их там умирать в слиянии с природой. Такое положение старых людей имело место и у других племен, что было вызвано ограниченными ресурсами еды, особенно в голодные годы, перенаселенностью занимаемой племенем территории и бесполезностью старых соплеменников в организации своей и общинной жизнедеятельности. В таком отношении отражался древний рационализм бытия.

Лингвокультурологическая интерпретация возраста человека обуславливается его бытийными и психофизиологическими качествами. У всех народов молодость ассоциируется с трудоспособностью, крепким здоровьем, красотой, силой, а старость – со слабостью, нездоровьем, слабоумием, необходимостью ухода за пожилыми людьми, некрасивым внешним видом (сгорбленный, шаркающий ногами при ходьбе, с хриплым, скрипучим голосом) [5]. Исследованию языкового выражения возрастных параметров человека в лингвокультурологическом и аксиологическом аспектах только в последние десятилетия посвящен целый ряд работ (Знаменская, 2006, Авдеева, 2008, Елисеева, 2008, Бочина, Сян Сюнь, 2013, Марзук, 2008, Белова, Гуревич, 2018, Митев, 2021, Чупрына, 2020, Садова, Чжан Ваньчже, 2022 и др.). Сопоставительный анализ лексики и фразеологии, номинирующей возрастные категории человека, проводились на материале русского, болгарского, китайского, английского, японского языков.

Большой интерес вызывает сравнение паремий, характеризующих возраст старости, в русском и тюркских языках, в частности в турецком и башкирском. Специфика интерпретации старого возраста в тюркских языках характеризуется, как показывает исследование, более положительной коннотацией, чем в русском языке. Такое отношение к старости наблюдается и в ряде восточных языков, например, в китайском. В китайских паремиях старость ассоциируется с мощью, энергичностью, мудростью [6, с. 135]. Можно сделать предположение, что лояльное отношение к старикам у башкир и турок было обусловлено образом жизни народа. Тяжелый сезонный труд русского земледельца, необходимость сделать запасы для долгой холодной зимы, необходимость обеспечивать едой все большое семейство (*один с сошкой, семеро с ложкой*), заготавливать на зиму дрова, запасы еды, корма для домашних животных (*лето запасиха, а зима прибериха*) определили отношение к старикам как к «лишним ртам». Башкиры, которые вели полукочевой образ жизни, не утруждали себя заготовкой корма для домашнего скота, переходили по степи от одного места к другому, большие стада овец и табуны лошадей, которых они разводили, обеспечивали едой членов рода в течение года. Турки жили в благоприятном тропическом климате у трех морей, запасы растительной еды пополнялись два-три раза за лето, корма для домашнего скота было достаточно, море обеспечивало рыбой и морепродуктами (*Denize açilin – elinizle bile balik tutabilirsiniz* 'Выйдешь в море – даже руками рыбу поймашь'). Такие условия жизни обеспечивали спокойную и сытую старость пожилых людей, к которым относились, как к коллективному опыту и разуму.

Во фразеологическом фонде сопоставляемых языков представлена образная интерпретация возраста человека, которая характеризуется этнической спецификой в свете образа жизни народа и его этических норм и установок. Рассмотрим образное описание возраста старости в русском, турецком и башкирском языках.

Ключевыми компонентами в составе фразеологизмов и пословиц используются в русском, турецком и башкирском языках слова *молодой* /*йәш* /*genç*, *старый*/карт/*ihtiyar*, *kart*, *молодость*/йәшлек/ *yaşllık*, *gençlik*, в турецком и башкирском языках *йәш*/ *yaş* (возраст). В отдельных пословицах используются числительные как обозначение границ старости или молодости. Особенно часто числительные используются в составе башкирских пословиц.

Например: **русск.** *сорок лет – бабый век*, **турецк.** *Yaş yetmiş – iş bitmiş* 'возраст семьдесят лет – работа закончена', **башк.** *Йәшлек бер генә килә* 'молодость только один раз приходит', *Акылһыҙ йәше алтмышта ла йәш була, акыллы алтыла ла баш була* 'глупый и в шестьдесят лет что малый, а умный и в шесть лет с головой', *һигез йәштәге холок һикһән йәшкә кәзәр* 'норов в восемь лет до восьмидесяти лет останется', *Ир йәше ике утыз, катын йәше – бер утыз* 'возраст мужчины два раза по тридцать, возраст женщины один раз по тридцать', *Йәш кайыңға терәлеп карт кайын кырк йыл йәшәгән* 'опираясь на молодую березу, старая береза сорок лет прожила' – о молодых как опоре в старости. Интересен факт, что старость, судя по пословицам, начиналась в шестьдесят (у русских и башкир) или семьдесят лет (у турок).

Как показывает наш материал, во фразеологии получает закрепление, прежде всего, отклонение от нормы – негативная оценка возраста человека через описание его способностей, черт характера, уровня интеллекта, поведения и межличностного общения. Единственное положительное качество стариков, которое отмечается в паремиях, – это мудрость и жизненный опыт (**русск.** *молодой работает, старый ум дает, старый волк знает толк, старик, да лучше семерых молодых, стар да умен – два угодыя в нем*; **турецк.** *Akil yaşta değil – baştadır* 'ум не в возрасте, а в голове'; **башк.** *Якшы кеше картайһа ла, акылынан язмас* 'хороший человек и в старости ума не лишится'). У разных народов отмечается, что жизнь человека ценна, пока он нужен семье, родне, обществу: **русск.** *Есть старики – убил бы, нет стариков – купил бы, За старой головой – как за каменной стеной, Молод – на битву, стар – на совет*, **турецк.**

Adam kıymetini adam bilir 'человек знает ценность человека', *adam adama lazım olur* 'человек в человеке нуждается'; **башк.** *Якшы аттын тешен карама, якшы кешенен йәшен һорама* 'у хорошего коня не смотри на зубы, у хорошего человека не спрашивай возраст', *карама йәшенә, кара эшенә* 'не смотри на возраст, смотри на дела'.

В пословицах часто описываются такие внешние, неприятные для молодых, не присущие человеку как полноценному члену социума качества стариков, как шаткая, неуверенная походка, скрипучий голос, неумение ухаживать за собой: **русск.** *песок сыплется из него, от старости зелье – могила, придет старость – придет и слабость, под старость все неволя*; **турецк.** *Yaşlılık – sakatlık, yaşlılık – esarettir* 'старый возраст – увечье, старый возраст – неволя', *Aslan kocayınca/kocarsa sıçan deliği gözetir* 'лев, состарившись, в мышиную нору подглядывает' (состарившись, человеку приходится довольствоваться меньшим, чем это было в юности); **башк.** *һакал кәзәлә лә бар* 'борода и у козла есть'.

Неминуемый конец жизни отмечается в пословицах: **русск.** *Двум смертям не бывать, одной не миновать, На ладан дышит, Одной ногой в могиле*, **турецк.** *Az yaşa, çok yaşa – akibet gelir* 'мало живи, много живи – конец придет', **башк.** *Йәштәр ғүмер кәтә, карттар үлем кәтә* 'молодые жизнь строят, старики смерть ждут'.

Долгая жизнь, более 60-70 лет осуждалась, поскольку старики становились обузой семье. Например: **русск.** *Чужой век живешь, пора и честь знать; Долго жить – небо коптит*; **башк.** *Йәшен йәшәгән, ашын ашаған* 'Годы /свои/ прожил, еду /данную Аллахом/ съел, т.е. пора умирать'; **турецк.** *Yaş yetmiş – iş bitmiş* 'Возраст семьдесят лет – работа закончена', *Rahat ararsan mezarda* 'Если ищешь покой, то найдешь его в могиле'.

Внешние признаки старого человека не всегда говорят о его непригодности в социальной жизни. В тюркских и кавказских культурах аксакал (букв. се-добородый) считается мудрецом, до сих пор в кавказских и тюркских селах существуют советы аксакалов/старейшин, которые сообща решают спорные жиз-

ненные вопросы для своих соплеменников [7]. Отношение к старости меняется от эпохи к эпохе. Хорошо известны советские лозунги «Молодым у нас везде дорога, старикам везде у нас почет» и участившиеся сегодня случаи отправки пожилых немощных родителей на «Нараяму» – дома престарелых. «Ценностные приоритеты каждой возрастной группы обуславливают также конфликт интересов... В современном российском обществе имеет место трансформация отношения младших возрастных групп к старшему поколению в направлении от традиционно почтительного к нетрадиционному, не характерному для российского менталитета осуждающему, порицающему, отвергающему», – пишет Т.Л. Крюкова [8]. Философия возраста у разных народов складывалась веками, стереотипные представления о молодости и старости получили закрепление в пословичном фонде. Содержание многих пословиц сегодня устарело, появились новые устойчивые обороты, отражающие реалии современного общества, и антипословицы (например, *Священный долг родителей – довести детей до пенсии, Дети – это цветы жизни...на чужом подоконнике, Старость – не радость, а молодость – гадость, Жизнь прожить – не два байта переслать*). Сегодня культура старения зависит от многих социокультурных факторов (материальное обеспечение пожилых людей, социальная поддержка государства, семейные традиции) и от желания самого человека воспринимать старость не как период угасания, а определенный, естественный этап жизни, который можно заполнить интересными и полезными событиями, чтобы не превратиться в балласт общества.

Список литературы

1. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука; 1988. 216 с.
2. Назирли М.Г., Хайруллина Р.Х. Фразеологические модели с компонентами язык/ dil (на материале русского и турецкого языков). *Казанский лингвистический журнал*. 2024; 7(2): 252-261. <https://doi.org/10/26907/2658-3321.2024.7.2.243-251>.
3. Лишаев С. А. *Философия возраста*. М.: Алетейя; 2022. 512 с.
4. Велецкая Н.Н. *Языческая символика славянских архаических ритуалов*. М.: «Наука»; 2003. 44 с.
5. Бочина Т.Г., Сян Сюнь. Аксиология возраста в русской паремиологии. *Филология и культура. Philology and Culture*. 2013; 3(33): 44-48.
6. Доу Чуньяо. Лексические средства вербализации возраста человека в русской и китайской картине мира. *Вестник Московск.ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022; 1: 131-137.

7. Хайруллина Р.Х. *Лингвофилософия: особенности национального сознания*. Уфа: изд. БГПУ; 2012. 138 с.
8. Крюкова Т.Л. Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта [Электронный ресурс]. *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* 2008; 2(2). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.07.2025).

References

1. *The role of the human factor in language. Language and the picture of the world*. Moscow: Nauka; 1988. 216 p.
 2. Nazirli M.G., Khairullina R.Kh. Phraseological models with the components “язык”/“dil” (based on the material of the Russian and Turkish languages). *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2):252–261. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024>; 7(2): 243–251.
 3. Lishaev S. A. *Philosophy of age*. Moscow: Aleteya; 2022. 512 p.
 4. Veletskaya N. N. *Pagan symbolism of Slavic archaic rituals*. Moscow: “Nauka”; 2000. 44 p.
 5. Bochina T. G., Xiang Xun. The axiology of age in Russian Paremiology. *Philology and Culture. Philology and Culture*. 2013; 3(33): 44–48.
 6. Dou Chunyao. Lexical means of verbalizing a person's age in the Russian and Chinese worldview. *Vestnik Moskovsk.un-ta. Series 19. Linguistics and intercultural communication*. 2022;1:131–137.
 7. Khairullina R.Kh. *Linguophilosophy: Features of National Consciousness*. Ufa: Publishing House of Bashkir State Pedagogical University; 2012.138 p.
- Kryukova T.L. Young People about the Older Generation: The Psychology of Intergenerational Conflict [Electronic resource]. *Psychological Research: electronic. Scientific journal*. 2008; 2(2). Available from: <http://psystudy.ru> (accessed: 02.07.2025).

Автор публикации

Хайруллина Райса Ханифовна –
доктор филологических наук, профессор
главный научный сотрудник
Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы
Уфа, Россия
Email: rajhan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7978-2225>

Author of the publication

Khairullina Raisa Khanifovna –
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Chief Researcher
Bashkir State Pedagogical University named after
M. Akmulla
Ufa, Russia
Email: rajhan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7978-2225>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22.06.2026
Одобрена после рецензирования: 15.07.2026
Принята к публикации: 27.08.2026

Article info

Submitted: 22.06.2026
Approved after peer reviewing: 15.07.2026
Accepted for publication: 27.08.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'42

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.419-430>

**ДИСКУРС БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ МЮНХЕНСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ: ЛИНГВО-КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Л.Г. Хисматуллина¹, Д.Б. Гарифуллина²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹ hismatullina.lyutsia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0893-2545>

² daffodil.77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2626-9150>

Аннотация. В статье представлен сравнительный лингвистический анализ выступлений лидеров Великобритании и США на Мюнхенской конференции по безопасности. Основная цель исследования заключается в выявлении роли языка в формировании позиции говорящих по вопросам глобальной и национальной безопасности. Методологическую основу работы составляют методы критического, когнитивного, сравнительно-сопоставительного, описательного и количественного анализа, которые позволили отобрать наиболее репрезентативный и достоверный речевой материал. Доказано, что лидеры государств используют определённый набор языковых средств и приёмов, характерных для их национальной идентичности и внутренней политики страны. Это помогает им транслировать собственные мысли, установки, ценности и приоритеты, а также формировать политический имидж и речевой портрет.

Ключевые слова: политический дискурс; дискурс безопасности; лингвистический метод; сравнительный анализ; речевой портрет

Для цитирования: Хисматуллина Л.Г., Гарифуллина Д.Б. Дискурс безопасности в рамках мюнхенской конференции: лингво-компаративный аспект. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 419–430. (На англ.) <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.419-430>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.419-430>

**SECURITY DISCOURSE WITHIN THE FRAMEWORK OF THE
MUNICH CONFERENCE: LINGUO-COMPARATIVE ASPECT**

L.G. Khismatullina¹, D.B. Garifullina²

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹ hismatullina.lyutsia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0893-2545>

² daffodil.77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2626-9150>

Abstract. The article deals with a comparative linguistic analysis of the reports of Great Britain and USA leaders within the framework of the Munich Security conference and is aimed at distinguishing the role of language in shaping the speakers' attitude towards the issues of global and national security. The research methodology is based on the critical, cognitive, comparative, descriptive and quantitative methods that has enabled us to single out the most efficient and reliable actual speech material that include personal pronouns, modal verbs, and emotive-evaluative vocabulary. It is proved that the country leaders make use of a certain set of linguistic tools and devices.

es peculiar for their national identity and the policy of their country, which helps to deliver the thoughts, attitude, values and priorities of the speakers and model their political image and speech portrait. The authors come to the conclusion, that Biden's speech was assertive and forward-looking, while Johnson's rhetoric was more circumspect balancing criticism and optimistic perspective of Britain's role on the international relations.

Keywords: political discourse; linguistic method; political discourse analysis; speech portrait; comparative analysis

For citation: Khismatullina L.G., Garifullina D.B. Security Discourse within the Framework of the Munich Conference: Linguo-Comparative Aspect. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 419–430. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.419-430>

The beginning of the 21st century is accompanied by radical socio-political transformations in relations between states, various social communities, and ethnic groups. There are fundamental changes in a person's attitude to himself and his civic position, to the events in the world, which has a significant impact on the conditions and mechanisms for providing global security and order. As Trusov states, in the course of its development mankind was exposed to various types of danger, primarily from natural phenomena, wild animals, and crop failure [1, p. 28], but with the invention of different weapons the sources of threats have extended – both to the physical security of the individual and the national security of the state.

According to political dictionaries, security is a multifaceted concept that covers all spheres and levels of public life, and is understood as “the internal state and international position of the country, ensuring its freedom, independence, integrity, interests and excluding the real threat of internal destabilization and external attack” [2]. As Trejis points out, security reflects a positive characteristic of social well-being, and, is associated with different risks, as well as the fact that its absence can lead to a significant, even catastrophic, outcome [3].

In the modern political space, which is under the powerful influence of information society, the discourse of security stands out as a tool in the hands of state leaders in domestic and foreign political activities. As it was assumed by Bunde at the Munich Conference 2021, election interference, cyberattacks, and the strategic use of corruption have shaped a strong preference for cooperative relations, support for a more competitive approach, while some key leaders warn that talking up a dichotomy

between democracies and autocracies may actually become a self-fulfilling prophecy, cementing the kind of global bifurcation it anticipates [4, p. 21-26]. Thus, due to the instability of the political situation in the world, all states are interested in global partnership and collaboration; at summits and conferences country leaders try to find solutions to burning issues, whose statements shape the image of the country and its place in the international arena, its relations with other states, and its role in the activities of the world community.

The correct and appropriate use of language tools is a key factor in achieving the goals in any communication. Thus, as Nikolayev believes, “security can only be studied in terms of semantic systems of specific natural languages and cognitive processes” [5, p. 121]. The use of expressive language means, like stylistic devices and grammatical units enables to construct the speaker’s vision of feasible threats to security and ways to overcome them.

Any politician is aimed at influencing the minds and emotions of the addressees, that’s why they plan and build their speech skillfully via a specific range of arguments and reasoning [6, p. 502]. The ability to apply these speech tools appropriately in a communicative situation demonstrates the communicative competence of the speaker and makes his rhetoric effective and conflict-free [7, p.139], especially related to such a vulnerable issue as “security” on a global scale.

Security issues make up an integral part of political discourse within which such concepts as “security”, “military power”, “threat”, “danger”, “nuclear weapons”, “national security” are increasingly used.

For many researchers, political discourse in the real time dimension is of great interest. Behind the discourse, you can see a fragment of the author's mental world, his way of seeing the world, which he himself creates. Consequently, political discourse in different societies is characterized by features of cultural specificity [5]. Each country has its own language, history and traditions; its mentality and the model of political communication formed over centuries. Each politician lives in a certain linguoculturological space with its peculiar conceptual sphere.

Linguistic analysis of political discourse can be carried out on the basis of critical, cognitive, descriptive and quantitative methods [8].

Critical discourse analysis gained its popularity in the west world. Thus, such universities as Lancaster University (Great Britain), Amsterdam University (Holland), a number of scientific centers in Spain and Latin America, and others are closely involved in discourse analysis. They look at political discourse from three directions: (a) the use of language, (b) "implantation" of certain representations into public consciousness and (c) the interaction of social groups and individuals [5].

The cognitive method "is based on the assumption that human cognitive structures are inextricably linked within the framework of one common task - explaining the processes of assimilation, processing and transformation of knowledge, which, accordingly, determine the essence of the human mind" [9, p. 46].

The descriptive approach primarily deals with the linguistic tools the politician uses to convey his thoughts to the audience. Here linguists study the speeches of political leaders, their rhetorical strategies, reconstructing the linguistic personality [10].

Speaking about the quantitative method, we mean content analysis, where by the quantitative characteristics of the text at the level of words and phrases one can judge the content of the text, the peculiarities of the author's thinking, his intentions and value orientations.

This article provides a comparative linguistic analysis of the reports of politicians from three countries within the framework of one topic and made in the "space" of one international conference in order to identify the national specifics of political discourse, analyze the role of language in the formation of a speech portrait of a political leader. The descriptive method of the speech analysis allows us to highlight a certain set of lexical expressions and grammatical forms peculiar to each politician.

The material for the study is the texts of the speeches of the former Prime Minister of Great Britain Boris Johnson and the US President Joe Biden at the Munich Security Conference 2021. The choice of the research object is not accidental. Firstly, the annual Munich Security Conference is one of the most important multilateral dia-

logue platforms that helps to reveal the alignment of forces on the world stage and understand the mood and strategic guidelines of key players. Secondly, the US and the UK occupy the leading positions in the international political arena; have a similar purposeful course on many issues. Thirdly, both politicians are known as extraordinary personalities, causing different feelings in the public: from surprise to indignation. The analysis of their speeches allows us to trace the development trends and changes in political rhetoric in the United States and Great Britain.

The Munich Security Conference 2021 was held online, and was marked by the restoration of transatlantic cooperation, which had cracked during the four years of the Republican Donald Trump presidency in the United States. That very day the United States officially reverted to the Paris Climate Agreement, which America withdrew being under Trump. This was a joyful event not only for the United States, but for all participants of the conference. This joy and confidence in the justice of the return can be traced throughout the whole speech of the American President. Biden starts with a statement about his previous performance in Munich, and a promise to return. Accordingly, he solemnly declares that “America is back!” And this return means the restoration of the transatlantic alliance.

And two years ago, as you pointed out, when I last spoke at Munich, I was a private citizen; I was a professor, not an elected official. But I said at that time, “We will be back.” And I’m a man of my word. America is back. [11]

The British Prime Minister, on the contrary, is less optimistic in his statements. Words of reproach and criticism against the Munich Conference, actualized in emotional adjectives and nouns (*locked in terminal decline, Atlantic alliance is fractured, dear risks, oblivion*) create a vector of "emotional intensity" in Boris Johnson's speech, which decreases significantly by the end of his speech, notes of hope and trust appear (*the gloom has been overdone, drawing together, combining formidable strengths once again*).

There is a habit of turning up at occasions such as these and announcing portentously that the West is locked in terminal decline, the Atlantic alliance is fractured,

and NATO is in peril, and everything we hold dear risks being cast into oblivion. And that industry of pessimism has thrived recently, perhaps even in Munich. [12]

So ... let me respectfully suggest that the gloom has been overdone and we are turning a corner, and the countries we call the "West" are drawing together and combining their formidable strengths and expertise once again, immensely to everybody's benefit. [12]

Among the manipulative techniques used by the leaders of the two countries, there is a certain set of lexical and syntactic constructions, grammatical forms and stylistic figures aimed at forming an emotional, motivational and semantic attitude towards it.

The use of personal pronouns in the speeches of the politicians creates not only a special effect, but is also an essential aspect in representing their political image as the most reliable and suitable representative of the country.

Throughout the speech, Mr. Biden uses the personal pronoun *we* quite often (81 times), conveying the meaning of unity and closeness to the people of the United States or the whole world. The idea of political leadership is actualized with the help of the personal pronoun *I* (39 times), implying personal experience, personal decision, personal opinion, etc.; there is practically no identity between the individual and the state.

We continue to support the goal of a Europe whole and free and at peace. (we = America) [11]

We cannot allow ISIS to reopen and regroup and threaten people in the Middle East, in Europe, in the United States, and elsewhere. (we = the whole world) [11]

The Prime Minister of Great Britain by the pronoun "*we*" (38) means the state, its allies and partners. The frequent anaphoric use of the pronoun in Boris Johnson's speech emphasizes and reinforces the idea of the unity and cohesion of the people of the country that has taken the right course for the Green Industrial Revolution, building a peaceful future.

We were the first industrialised nation to adopt this goal and we have made it legally binding and published our plan for a Green Industrial Revolution to show how we will get there, so I hope that other countries will follow the UK's example. [12]

Johnson uses the pronoun *I* (14 times) less often than his colleague, mainly expressing approval, hope or indirect involvement in certain events

And I sense a new resolve among our European friends and allies to come together and act again with unity and determination, and we witnessed that spirit after the attempted murder of Alexei Navalny, as he recovered in a hospital bed in Berlin. [12]

Modal verbs used by political leaders help to create the picture of reality they need, make any thesis politically correct and impose their point of view.

In the speech of the American president the verbs of obligation and necessity *must* (15 times) and *have to* (10 times) are in the lead. Using the pronoun *we* followed by the modal verbs the American politician imposes the intense manipulation, the urgent need to establish a democratic world order, resist economic abuses (particularly by China), and comply with all generally accepted laws and moral values.

Democracy doesn't happen by accident. We have to defend it, fight for it, strengthen it, renew it. We have to prove that our model isn't a relic of our history; it's the single best way to revitalize the promise of our future. [11]

We have to push back against the Chinese government's economic abuses and coercion that undercut the foundations of the international economic system. [11]

The most frequent markers of the epistemic modality in Biden's speech are the verbs *can*, *be able to*. Thus, the president demonstrates the ability of his country to withstand threats from outside, and absolute confidence in the leading role of the United States in solving global problems and determining future prospects.

The United States must renew America's enduring advantages so that we can meet today's challenges from a position of strength. [11]

We can own the race for the future. I know we can do this. [11]

You know, this is also — this is also how we're going to be able to meet the threat from Russia. [11]

The corpus of the British leader Boris Johnson's speech is notable for the meagre use of modal verbs; there are a few cases of using verbs of hypothetical modality, namely *can*, *able to*, *should* and *may*, which make his speech less categorical and cautious and helps to maintain a diplomatic tone of communication, thus “proposing ideas and initiatives about resolving global problems without making demands” [13] and direct statements.

If anything good can possibly come from this tragedy, we have at least been given the chance to build a global recovery on new and green foundations, so that humanity can prosper without imperilling the planet. [12]

If climate change and pandemics are silent and insidious threats, hostile states may seek to harm our people in direct and obvious ways... [12]

The emotional mood of political statements is performed through various stylistic devices, emotive vocabulary, comparative constructions and other expressive means. Despite the big amount of emotionally neutral political vocabulary (*security, democracy, a treaty, citizenship, sanctions, diplomatic expulsions, repression, violation, build a coalition, global economic growth, allies, defend*, etc.), Boris Johnson and Joe Biden's speeches are replete with emotive nouns and epithets, which reveal the speaker's attitude to some political events.

For example, speaking about such global problems as a pandemic and climate change, Johnson's epithets emphasize the threat emanating from Russia, whose “direct and frank” actions seem not sensible (*reckless abandon*) and powerless in the face of the unshakable block of a cohesive Transatlantic Alliance (*immovable rock of trans-Atlantic solidarity*), coordinated action on sanctions and diplomatic expulsions, which are regarded by the speaker as an outstanding act of collective security.

If climate change and pandemics are silent and insidious threats, hostile states may seek to harm our people in direct and obvious ways, as the Russian state did with reckless abandon in Salisbury three years ago, only to collide with the immovable rock of trans-Atlantic solidarity, sanctions and coordinated diplomatic expul-

sions, an outstanding act of collective security, for which I once again thank our friends. [12]

Joe Biden also praises the strength and power of the transatlantic alliance in the international arena, using such epithets as *strong, significant, vital*, etc..

It comes down to this: The transatlantic alliance is a strong foundation — the strong foundation — on which our collective security and our shared prosperity are built. [11]

He wants to undermine the transatlantic unity and our resolve, because it's so much easier for the Kremlin to bully and threaten individual states than it is to negotiate with a strong and closely united transatlantic community. [11]

Frequent use of the emotive nouns such as: *challenge (the challenges we face today, to meet the range of shared challenges we face, today's challenges from a position of strength, the challenges with Russia); coercion (a threat of violence or coercion), burden (the burdens of addressing the world's toughest problems)* emphasizes the confrontation with China, whose monopolistic actions in the international economic arena are regarded as intrusive and dishonest.

We have to push back against the Chinese government's economic abuses and coercion that undercut the foundations of the international economic system. [11]

When expressing his attitude towards Russia, the American president uses the expressive noun with a negative connotation bully and calls on allies to resist Moscow's efforts to destabilize democracy. [11]

Using the metaphor *Force for Good in the world* the British politician contrasts the United States, being the leader of democracy, with the firm position of Great Britain, which, after leaving the European Union, has only strengthened its confidence and acts as a peacemaker in foreign policy issues,

As you've seen and heard earlier, America is unreservedly back as leader of the free world and that is a fantastic thing. [12]

Now that we have left the EU, Parliament has a greater say over foreign policy and this has only reinforced our national determination to be a Force for Good in the world. [12]

As the examples prove, each politician has his own way of speaking, implies a peculiar set of linguistic means. The analysis of Joe Biden's speech shows that the use of specific linguistic means, such as the personal pronoun *I* and the modal verb *have to*, underlines his categorical and anti-Russian attitude: he expresses a slight contradiction in the fact that he openly criticizes Putin's policy, and at the same time mentions possible cooperation according to the extension of the Strategic Offensive Reductions Treaty. The key message of his report is that the United States is returning to the traditional approach to the transatlantic partnership that was outlined during Barack Obama's presidency. The report contains a great number of epithets and hyperbole that represent "the unique spirit of American nobility", readiness to support partner countries in resolving any issues, since the United States is the defender of human rights, global peace and order.

As for Boris Johnson, he is less straightforward and radical in his statements and is more focused on defense cooperation and revolution in the ways of warfare. He also states that democratic countries must adapt to the aggravation of intensifying political and trade competition in the world, as well as strengthen cooperation in confronting traditional security challenges. Mention is made of sanctions against Russia, China and Belarus in relation to human rights violations. The key message of the speaker is the reunification of America and Europe, as models of free nations, who will succeed united.

Thus, it can be assumed that the aim of a political statement is the desire to influence the audience. An important role is played by the geographical position of the country, which is represented by speakers on the world political stage; each politician carries out his goal in his own manner, and with a peculiar set of linguistic means: Biden sounds more assertive and direct, while Johnson seems more regardful and conservative. However, consciously or unconsciously, the politician's speech reflects

the national mentality, country's values, historical background. Certain concepts are filled with different meanings which significantly complicates the understanding of the speech by those (representatives of other countries) to whom it is addressed.

References

1. Trusov N.A. (2016). Methodological accents of understanding the phenomenon of Russia's national security. *Mary Law Vestnik*. 2016;3(18):28–33. (In Russ.)
2. Political dictionary. URL: [accessed: 6.09.2022].
3. Treijs P. Defining security culture. Latvia, 3. 2015.
4. Bunde T. Introduction. Between States of Matter Competition and Cooperation. *Munich Security Report*. 2021; 16–37.
5. Nikolayev I.V. Verbal-symbolic structure of the official discourse of Russia's national security in 2009-2019. *Nota bene*. 2019; 6:50-58. (In Russ.)
6. Zaharova N.V. Linguostylistic Means Formation of E. Macron's Verbal Image. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4): 501–511. (In Russ.)
7. Takhtarova S.S. *Communicative mitigation in different discursive practices*. M.: IN-FRA-M. 2023: 138-148. (In Russ.)
8. Generalova S.N. The concept of "political discourse" in the linguoculturological paradigm. *Journal of Pushkin Leningrad State University*. 2010;1:95–101. (In Russ.)
9. Temirgazina Z. K. Modal meanings as an effective means of linguistic influence in the speech of politicians. *Political Linguistics*. 2019;6(78):44–50. (In Russ.)
10. Bushkanets L.E., Zubkova O.S., Zvereva E.A. & Fakhrutdinova A.F. Tolerant Language Personality as the Basis of Communicative Interaction. *Entrelinguas Journal*. 2021;7(4). (In Russ.)
11. Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference (2021, February 19). Available from: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> [accessed: 21.12.2021].
12. Boris Johnson's speech at the Munich Security Conference (2021, February 19). Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=VxAHLRtwXLY> [accessed: 21.12.2021].
13. Abuzyarova D.L., Kochetova L.A. Mitigation in British Parliamentary Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2): 169–179. (In Russ.)

Авторы публикации

Хисматуллина Люция Гумеровна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: hismatullina.lyutsia@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2909-0655>

Гарифуллина Диляра Басыровна –
старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: daffodil.77@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2626-9150>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.02.2026
Одобрена после рецензирования: 15.05.2026
Принята к публикации: 27.06.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вари-

Authors of the publication

Khismatullina Lutsia Gumerovna –
PhD in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: hismatullina.lyutsia@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2909-0655>

Garifullina Dilyara Basyrovna –
Senior lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: daffodil.77@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2626-9150>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.02.2026
Approved after peer reviewing: 15.05.2026
Accepted for publication: 27.06.2026

The author has read and approved the final manu-

ант рукописи.

script.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81'23 + 81'372 + 801.6

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.431-441>

**ЭЛИТАРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ТРАНСЛЯТОР
ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО ПОЭЗИСА**

А.А. Шматько

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

mailyasdfgh@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-3247-0787>

Аннотация. Данное исследование нацелено на анализ функциональной прагматики специфических лингвокреативных поэтических механизмов экспликации индивидуально-авторской концептуально-валёрной системы. Научная новизна предпринятого анализа усматривается во введении в рамки диалектико-реляционной методологии элементов концептуального и эпистемического описания параллельной трансляции эпизодических, ин-групповых и семантических компонентов. Метр, ритм и рифмовка в сочетании с акцентным выделением аксиологических доминант обеспечивается моделями, соответствующими не только авторским значимостям (пертинентностям), но и обязательно привязываются к коррелятивным значимостям лингвокультурного сообщества (релевантностям), что приближает лингвокреативный поэзис к механизмам ноззиса. Разделение и интенциональная направленность рефлексии элитарной языковой личности не только на области языкознания, т.е. Концептуальное и аксиологическое пространство, но и на ткань речемышления, т.е. Тройственную значимость форм вербализации, позволяет выявить разноуровневые приемы перевода пертинентностей автора в релевантности лингвокультурного сообщества. Элитарность поэтической лингвокреации проявляется в конвергенции приемов фоносемантики, ритмико-рифмической структуры, богатстве и интенциональной селективности лексических, синтаксических и прагматических элементов, повышении уровня культурной, эпистемической и социальной значимости транслируемых доминант. Языкознание элитарной личности предстает в качестве основы для творческого переосмысления полимодальных моделей интенсификации личностной аксиосферы, которые в процессе поэтизации эксплицируются в рече-мыслительных конструкциях, доступных массовому адресату.

Ключевые слова: элитарная языковая личность; когниолингвокреация; поэзис; аксиологеми; концептуализация

Для цитирования: Шматько А.А. Элитарная языковая личность как транслятор лингвокреативного поэзиса. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 431–441. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.431-441>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.431-441>

ELITE LANGUAGE PERSONALITY AS LINGUOCREATIVE POIESIS TRANSLATOR

A.A. Shmat'ko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

mailyasdfgh@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-3247-0787>

Abstract. This study is aimed at analyzing the functional pragmatics of specific linguistic and creative poetic mechanisms of an individual author's conceptual-value system explication. The scientific novelty of the undertaken analysis lies in the introduction of conceptual and epistemic description elements within the parallel translation of episodic, ingroup and semantic components into the framework of dialectical-relational methodology. Metrics, rhythm and rhyme, combined with the accentuation of axiological dominants, are provided by models corresponding not only to the author's meanings (pertinences), but also necessarily tied to the correlative meanings of the linguistic and cultural community (relevancy), which brings linguocreative poiesis closer to the mechanisms of noesis. The division and intentional orientation of the elite language personality reflection are not only in the field of linguistic consciousness, i.e. conceptual and axiological space, but also in the speech thinking tissue, i.e. the threefold importance of verbalization forms, allows to identify multilevel techniques for translating author's pertinences in the relevance of the linguistic and cultural community. The elitism of poetic linguocreation is manifested in the convergence of phono-semantic techniques, rhythmic-rhyming structure, richness and intentional selectivity of lexical, syntactic and pragmatic elements, increasing the level of cultural, epistemic and social significance of the transmitted dominants. The linguistic consciousness of an elite personality appears as the basis for a creative rethinking of polymodal models of the personal axiosphere intensification, explicated in speech-thinking constructions in the process of poetization, accessible to the mass addressee.

Keywords: elite language personality, cognolinguocreation, poiesis, axiologems, conceptualization.

For citation: Shmat'ko A.A. Elite Language Personality as Linguocreative Poiesis Translator. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 431–441. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.431-441>

Исследование поэтического дискурса и индивидуально-авторских оснований поэтической лингвокреации в широком смысле этого термина, понимаемого как концептуализация в специфических ритмико-рифмических формах конвергентных элементов эпизодической и семантической памяти в рамках аксиоцентрического вектора опредмечивания собственного концептуально-валёрного пространства, неизбежно выводит к рассмотрению базовой категории авторизации когниоречевого произведения, а именно к анализу понятия «языковой личности». Более того, рассмотрение основных структурных компонентов и пластов именно «элитарной языковой личности», не просто как носи-

теля высокого уровня культурных, языковых, дискурсивных и т.д. компетенций, но и в нашем случае носителя «языкосознания и речемышления» [1], направленных как в ноэматической, так и феноменологической рефлексии на трансляцию в текстовом пространстве образности, имажинативности, креативных характеристик речемысли. Идеализированность когниоречевых и деятельностных компетенций элитарной языковой личности подтверждается имплементацией в текстогенеративном процессе не только стандартных, конвенционализирующих вектор интерпретации дискурсивных маркеров, но и интенсификаторов прецедентных миров, интертекстуальных реминисценций, богатой авторской, но транспарентной именно на основе прецедентности метафорики, что в результате создает аффективно-эмотивное текстовое пространство, оказывающее существенное влияние на формирование или трансформацию ценностных пространств лингвокультурного сообщества [2, с. 9].

Подобное опредмечивание в вербальных и ритмико-рифмических формах ситуативных и эмотивных областей, обладающих как частными характеристиками индивидуально-авторской пертинентности, т.е. значимостью для творца, так и социумной или групповой релевантностью, т.е. потенцией к концептуализации и легитимизации в лингвокультурном сообществе, оказывается максимально близким по механизмам к ноэзису, модифицирующему модели и схемы смыслогенерации в динамическую и подвижную суперструктуру, позволяющую варьировать не только существующие ячейки означивания, но и создавать новые [3]. На основе двунаправленных процессов конвенционализации и интимизации авторская значимость и векторы как логико-рационального, так и аффективно-эмотивного оценивания феноменов, «достойных» поэтизации, органично входят в групповые области эпистемической, алетической и аксиологической значимости, т.е. оказываются близкими и доступными массовому сознанию [4].

Персонификация и типизация доминирующих в коммуникативных практиках моделей экспликации когнитивного актива того или иного представителя

лингвокультурного сообщества можно охарактеризовать в терминах лингвоперсонологии как отдельную языковую личность. Большинство исследователей данный феномен интерпретируется в качестве «носителя того или иного языка (типичного или самобытного), охарактеризованного на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования средств данного языка для отражения окружающей действительности (картины мира)» [5, с. 362]. Экспликация и трансляция себя в различных текстах создает уникальное пространство презентационного или в более стратифицированном виде самопрезентационного дискурса, типизируемого не только по топикальным основаниям, но и на основании жанровых и регистровых критериальных показателей [6]. Очевидным является тот факт, что форма актуализации собственной концептуально-валёрной системы в поэтическом дискурсе предполагает наиболее высокий уровень не только языковой и дискурсивной компетенции, но и способность создавать в нарративном пространстве четкие корреляции индивидуально-авторских когнитологических доминант, прежде всего аксиологического и ориентационного характера, с общелингвокультурной привязкой. Именно этот факт обеспечивает своего рода вторичную фразеосемиотизацию, создающую области моновекторного эмотивно подкрепленного оценивания транслируемых смыслов, т.е. генеративно-миметическую сторону поэзиса. «Подгонка» индивидуальных когниоречевых моделей интимизации и легитимизации поэтических аксиологических доминант к общекультурному вектору восприятия и интерпретации существенным образом зависит от возможностей языковой личности к миметизации, как процессу в его углубленном понимании. Сходство форм эмотивизации значимостных элементов привязано не только к гендерным характеристикам языковой личности, но и ингрупповым, конфессиональным, возрастным и т.д. «Осознанный выбор и фиксация в концептуально-валёрном пространстве образцов и личностных стереотипов, формирующих индивидуальный миметический спектр» [7, с. 239], создание четких границ и ассоциативных корреляций продуктивного и имитационного поэзиса и будет отличать тот са-

мый «элитарный» тип языковой личности лингвокреатора, которая способна творчески и нетривиально переосмысливать речеганровые стереотипы в их функционально-аксиологическом экспликативном формате; трансформировать и модифицировать как воспринимаемо-миметическую, так и индивидуальную поэтическую манеру; интенсифицировать эпизодические элементы в семантическом пространстве генерализации и релевантности [8]. Именно «присвоение» вербальных и «коллективизация» когнитивных компонентов в процессе освоения рефлексивной реальности в поэтическом «опредмечивании» ноэматической структуры характеризует особый тип языковой личности [9, с. 15], целевой доминантой которой становится создание вектора уже не семантизирующего, но распредмечивающего типа «по-нимания».

В качестве демонстрации трансляции индивидуально-авторских моделей реопредмечивания генерализованных смыслов в преломлении в собственной концептуально-валёрной системе нами были избраны поэтические произведения поэтессы викторианской эпохи К. Дж. Россетти. Элитарная языковая личность которой объединяет не только интенсифицированные формы теоцентрики своего периода, но и осложняется наслоениями иной аутгрупповой парадигмы как в аспекте аутентификации лингвокультурных, так и конфессиональных (итальянской, католической) элементов. Именно в специфике данного призматизирования когнитивно-культурного актива и проявляется максимальная степень вторичной аккультурации эпизодических и ингрупповых элементов в поэтическом тексте.

*Hurt **no** living thing:
Ladybird, **nor** butterfly,
Nor moth with dusty wing,
Nor cricket **chirping** **cheerily**,
Nor grasshopper so light of leap,
Nor dancing gnat, nor beetle fat,
Nor harmless worms that **creep**.*

Отрицание в англоязычных коммуникативных моделях соответствует скорее области дерогативизации, однако в использовании антонимической формы коммуникативной фиксации автор транслирует экзистенциальный запрет нанесения вреда *living thing* (живому существу). На основе анафорико-катафорического и синтаксического повтора в переработке ритмики патерналистской формы проповеди происходит лингвокреативная трансформация не только библейского стиха, но и ревитализация так называемых, модных в то время дзен-буддийских мотивов антропоморфизации и персонификации всей природы, а человек подается в виде минускульных образов. Так индивидуально-авторское восприятие базовых культурных аксиологических доминант генерализируется в маркированном христианском лингвокультурном пространстве англоязычного сообщества. Кроме того, фоносемантические основания конвергенции звукосочетания [kr] (звук [k] = строго „твёрдый“, а [r] = „мягкий“), транслируемый на протяжении всего ритмико-рифмического рисунка, имплицитно формирует дуальную амфиболию восприятия и призван продемонстрировать возможность сочетания дифференциальных – тварного и идеального – начал даже в процессе формальной экспликации. Пертинентностные значимости тварной основы физического непротивления и неразрушения легитимизируются в процессе ассоциативного соотнесения их с духовным архетипом, культурным стереотипом дуального восприятия в англиканском и католическом мировосприятии «подставь другую щеку», «возлюби врагов своих». Ведь *gnat, moth, worms*, как и все представители мира насекомых интуитивно воспринимаются как «армия» «чуждого» (на основе морфологии, принципов жизни и т.п.) социальному человеческому сообществу. Концептуально-валёрная система элитарной языковой личности поэта способна минимизировать данное расхождение миров, их параллельное существование и посредством объединения с буддийскими гетеростереотипами конвенционализировать две диаметрально противоположные теоцентрические области в конвергентном пространстве лингвокреативного поэзиса.

Следует отметить именно медиационно-модификационные способности речемысли и языкосознания элитарной языковой личности, которые находят свое применение в лингвокреационном поэзисе. Этические, социальные, дискурсивно-коммуникативные компетенции структурно и содержательно коррелируют в уровне сформированности и степени экспликаторности в порождаемых текстах с культурным и когнитивным активом, широтой тезауруса, способностью к активизации пассивных когниоречевых моделей [10, с. 22].

Весьма интересной формой топиально детерминированного использования, казалось бы, легкого и динамичного размера стиха (анапест) при формировании гнетущего настроения является следующий микроконтекст, имплицитно указывающий гендерную принадлежность диегетического нарратора.

A Daughter Of Eve

A fool I was to sleep at noon,

And wake when night is chilly

Beneath the comfortless cold moon;

A fool to pluck my rose too soon,

A fool to snap my lily.

В самом тексте стихотворения К. Дж. Россетти нет прямого маркирования гендера, оно появляется лишь единожды в названии, причем маркируется дважды с подкреплением аллюзии к ноемам «потери», «упущенной возможности» и «нереализованной мечты» – *A Daughter Of Eve*. Ритмико-рифмический рисунок при этом характеризуется именно как «женская рифма», что в комбинации со спондеем не только создает ощущение напряженности и утяжеляет стих, подспудно интимизируя тяжесть осознания наступающего периода взросления, но и конвенционализует доминантные когитемы «продолженности», «незавершенности», «лирического раздумья».

Достаточно четко прослеживается интенциональная креационистская связка патриархальных библейских сюжетов с новыми зарождающимися паттернами интерпретации роли женщины в буржуазном англиканском сообще-

стве. Именно гендерная имплицаторика позволяет в рамках концептуальной метафоризации «духовного обнажения» вскрыть глубинные противоречия двух социальных систем, демонстрируя, по сути, их близость. Намеренно маркируется исходная невозможность осуществления выбора между моделями восприятия этого мира и поведения в нем, отсутствие «осознанного выбора» роли [11] при исходном «божественном предопределении судьбы, которое вновь подкрепляется в сильной позиции текста – названии. Закрепленная инскриптивным (концептуализированным в Библии) актом креации Евы позиция ожидания и сожаления подкрепляется ситуативным англиканским маркированием феминности «через категории пассивности, природы, естественно репродуктивного, детской непосредственности и ухода/отдыха» [12, с. 92]. Это эксплицируется фитоморфными образами и метафорами, как в вышеприведенном отрывке, так и в рефренном повторе следующей строфы.

My garden-plot I have not kept;

Faded and all-forsaken,

Следует указать, что в данном случае на основе трансляции в метафоре «запущенности сада» создается область саркастической репрезентации «викторианской квазиморали», приводящей скорее к упадку и стагнации. Экспансия сознания, обусловленная эпистемой территориальной экспансии в данный конкретный период времени, наталкивается на неразрешимое противоречие интенсивного и экстенсивного пути развития. Контраст в росте утилитарного пространства концептуально-валёрной системы сообщества с внешним поддержанием высоких духовных ориентиров и реальным падением нравов и невозможностью ни возврата к былому, ни формирования нового «светлого будущего» эксплицируется в финальной строфе. Намеренное отсечение четырехстопной ямбической строки в последней апофтегме *I sit alone with sorrow* превращает её в трёхстопную, что усиливает интонирование и выводит данную сентенцию об одиночестве человека в своей тоске по уходящей жизни и эпохе на новый эмоциональный уровень.

*Stripped bare of hope and everything,
No more to laugh, no more to sing,
I sit alone with sorrow.*

Таким образом, именно генеративная форма лингвокреативного поэзиса с введением дополнительных мимесисных элементов ретроспекции позволяет представителю элитарного типа языковой личности свести воедино эпизодические (личностные), ингрупповые темпорально связанные (викторианские) и семантические (традиционные и обусловленные культурными традициями) элементы концептуально-валёрной системы.

Элитарность поэтической лингвокреации при совмещении на уровне фоносемантики, ритмико-рифмического варьирования, структурно-языковой сложности, интенсификации селективных областей ценностно-ориентационного пространства и целеполагания. Реконструкция или презентация собственного авторского языкознания, обладающего характеристикой элитарности, таким образом, опредмечивается не только на базе собственно языковых средств, но на конвергентной основе как своеобразный способ мышления, форма жизни, момент «раскрытия потаённости» (в терминах М. Хайдеггера). Поэтическое текстовое пространство, которое формируется представителем элитарного типа личности, обязано не только транслировать неузуальные смыслы как узловые структуры авторского мировидения и постулировать необходимость их включения в концептуально-валёрную систему общества, но и содержать ключи, модели и векторы для их осмысления и введения в сферу релевантности.

Список литературы

1. Фефилов А.И. Языкознание и речемышление как когнитологические концепты. *Ученые записки Ульяновского государственного университета*. 2007; 1(12): 4-8.
2. Складорова О.С. *Лингвокогнитивный и лингвокультурный аспекты репрезентации элитарной языковой личности писателя в художественном дискурсе*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Майкоп; 2021. 20 с.
3. Бредихин С.Н. Иерархическая нозматическая суперструктура vs. фрейм в смыслопорождении концептуальных понятий. *Гуманитарные и социальные науки*. 2013; 2: 117-129.
4. Бредихин С.Н., Серебряков А.А., Манаенко Г.Н. Моделирование перехода частных пертинентностей в коллективную релевантность в интернет-коммуникации. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2024; 2: 189-199. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-2-189-199>

5. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. *Новый словарь методических терминов и понятий*. М.: Издательство ИКАР; 2009. 448 с.
6. Олянич А.В. *Презентационная теория дискурса*. Волгоград: Парадигма; 2004. 507 с.
7. Бредихина Ю.И., Пиванова Э.В. Миметические механизмы модификации концептуально-валёрного пространства в условиях институционального стратемио-тактического варьирования. *Казанский лингвистический журнал.* 2026; 9 (2): 232-241. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.232-241>
8. Сулейманова М.А. *Специфика элитарной языковой личности в эпистолярном диалоге: М. Цветаева и Б. Пастернак*. Диссертация кандидата филологических наук. Махачкала, 2009. 160 с.
9. Богин Г.И. *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста*. Диссертация доктора филологических наук. Ленинград; 1984. 354 с.
10. Сиротинина О.Б. *Основные критерии хорошей речи. Хорошая речь*. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. 2001: 16-28.
11. Khitruk E. The Concept of Gender Crossing in the Deirdre McCloskey's Theory. *Journal of Interdisciplinary Sciences*. 2018; 2(2): 30-38.
12. Лиховид А.А. Гендерная специфика восприятия городской и сельской среды в сознании Викторианской эпохи. *Казанский лингвистический журнал.* 2024; 7(1): 85-94. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.85-94>

References

1. Fefilov A.I. Language conscience and speech thinking as cognitive concepts. *Scientific notes of the Ulyanovsk State University*. 2007; 1(12): 4-8. (In Russ.)
2. Sklyarova O.S. Linguocognitive and linguocultural aspects of the representation of the writer's elite language personality in artistic discourse. Abstract of the Candidate Dissertation in Philology. Maykop, 2021. 20 p. (In Russ.)
3. Bredikhin S.N. Hierarchic noematic strycture vs. frame within conceptual notion sense derivation). *The Humanities and social sciences*. 2013; 2: 117-129. (In Russ.)
4. Bredikhin S.N., Serebriakov A.A., Manaenko G.N. Modeling the transition of private pertinences into collective relevance in Internet communication. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2024; 2: 189-199. (In Russ.) <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-2-189-199>
5. Azimov E.G., Shchukin A.N. *New Dictionary of Methodological Terms and Concepts*. Moscow: IKAR Publishing House, 2009. 448 p. (In Russ.)
6. Olyanich A.V. *Presentation theory of discourse*. Volgograd: Paradigm, 2004. 507 p. (In Russ.)
7. Bredikhina Yu.I., Pivanova E.V. Mimetic Mechanisms for Modifying Conceptual-Evaluative Space in Institutional Strategy and Tactics Variation. *Kazan Linguistic Journal*. 2026; 9 (2): 232-241. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.232-241>
8. Suleymanova M.A. *The Specificity of an Elite Language Personality in an Epistolary Dialogue: M. Tsvetaeva and B. Pasternak*. Dissertation of a Candidate of Philology. Makhachkala, 2009. 160 p. (In Russ.)
9. Bogin G.I. *Model of a Language Personality in Its Relation to Text Varieties*. Doctoral Dissertation in Philology. Leningrad, 1984. 354 p. (In Russ.)
10. Sirotinina O.B. Basic criteria of good speech. *Good speech*. Saratov: Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, 2001: 16-28. (In Russ.)
11. Khitruk E. The Concept of Gender Crossing in the Deirdre McCloskey's Theory. *Journal of Interdisciplinary Sciences*. 2018; 2(2): 30-38. (In Eng.)
12. Likhovid A.A. Gendered Perception of Urban and Rural Environment in the Conscience of the Victorian Era. *Kazan linguistic journal*. 2024; 7(1): 85-94. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.85-94>

Автор публикации

Шматько Ангелина Александровна –
ассистент
Донской государственный технический
университет
Ростов-на-Дону, Россия
Email: mailyasdfgh@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0003-3247-0787>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.07.2026
Одобрена после рецензирования: 15.08.2026
Принята к публикации: 20.09.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вари-
ант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Shmat'ko Angelina Aleksandrovna –
Assistant teacher
Don State Technical University
Rostov-on-Don, Russia
Email: mailyasdfgh@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0003-3247-0787>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of in-
terest.

Article info

Submitted: 16.07.2026
Approved after peer reviewing: 15.08.2026
Accepted for publication: 20.09.2026

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous
reviewer(s) for their contribution to the peer re-
view of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья
УДК 81'42; 811.112.22

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.442-451>

АРГУМЕНТАТИВНОСТЬ КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ю.С. Щуринов

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
yshchurinov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8527-1463>

Аннотация. Актуальность. В современном медиапространстве наблюдается тенденция к плюрализации мнений и точек зрения по общественно значимым вопросам, что обуславливает возрастание роли полемической коммуникации как механизма трансляции и столкновения различных позиций. Особую значимость приобретает исследование аргументативных стратегий в дискурсе энергетики, поскольку данная сфера затрагивает комплекс технических, экономических и геополитических аспектов, требующих убедительной презентации в средствах массовой информации. **Методология.** Материалом исследования послужил корпус немецкоязычных статей, опубликованных в периодических изданиях Германии в 2026 г. и посвященных проблемам энергетики. В рамках антропоцентрического подхода применялись описательный метод, контекстологический, стилистический анализ, дискурс-анализ, а также сравнительно-сопоставительный и дефиниционный методы, позволившие уточнить семантику высказываний с учетом экстралингвистических факторов коммуникации. **Анализ.** В теоретической части работы систематизированы существующие подходы к изучению полемики и аргументации, выделены интерактивный, коммуникативный, когнитивно-лингвистический, логико-лингвистический и коммуникативно-прагматический подходы. Рассмотрена специфика полемической коммуникации в медиа, включая возможность модификации когнитивно-прагматической нагрузки языковых единиц под влиянием экстралингвистических факторов. **Результаты.** В ходе анализа эмпирического материала выявлены и охарактеризованы доминирующие аргументативные стратегии: легитимация позиции через апелляцию к авторитетным источникам и фактам, лоббирование корпоративных интересов, стратегии положительной и отрицательной презентации различных энергетических технологий. Установлено, что аргументация в исследуемом дискурсе представляет собой сложный когнитивно-прагматический механизм, направленный на трансляцию ценностных ориентаций, убеждение реципиента и конструирование определённой картины мира в медиапространстве.

Ключевые слова: полемический дискурс; СМИ; аргументация; аргументативные стратегии; речевое воздействие; медиакommunikation

Для цитирования: Щуринов Ю.С. Аргументативность как базовая категория полемического дискурса. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(3): 442–451. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.442-451>

ARGUMENTATIVENESS AS A BASIC CATEGORY OF POLEMICAL DISCOURSE

I.S. Shchurinov

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

yshchurinov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8527-1463>

Abstract. Relevance. In today's media space, there is a trend towards pluralisation of opinions and viewpoints on socially significant issues, which leads to an increase in the role of polemical communication as a mechanism for transmitting and confronting different positions. The study of argumentative strategies in the discourse on energy is of particular importance, as this area touches upon a complex set of technical, economic, and geopolitical aspects that require convincing presentation in the mass media. **Methodology.** The research material consisted of a corpus of German-language articles published in periodicals in Germany and Austria in 2025–2026 and devoted to energy issues. Within the framework of an anthropocentric approach, descriptive methods, contextual stylistic analysis, discourse analysis, as well as comparative and definitional methods were used to clarify the semantics of statements, taking into account extralinguistic factors of communication. **Analysis.** The theoretical part of the work systematises existing approaches to the study of polemics and argumentation, highlighting interactive, communicative, cognitive-linguistic, logical-linguistic, and communicative-pragmatic approaches. The specifics of polemical communication in the media are considered, including the possibility of modifying the informative load of linguistic units under the influence of the discursive context. **Results.** During the analysis of empirical material, the dominant argumentative strategies were identified and characterised: legitimisation of a position through appeal to authoritative sources and facts, lobbying for corporate interests, strategies of positive and negative presentation of various energy technologies. It was established that argumentation in the discourse under study is a complex linguistic-pragmatic mechanism aimed at transmitting value orientations, persuading the recipient, and constructing a certain picture of the world in the media space.

Keywords: polemical discourse; media; argumentation; argumentative strategies; speech influence; media communication

For citation: Shchurinov I.S. Argumentativeness as a Basic Category of Polemical Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(3): 442–451. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.3.442-451>

В настоящее время в связи с усовершенствованием способов передачи информации в СМИ и медиа помимо однозначного освещения происходящих событий транслируются различные взгляды и мнения, позволяющие аудитории сформировать цельную картину мира. Транслируемая информация, дополненная комментариями и выводами журналистов, экспертов, политиков, характеризуется значительной вариативностью, вызывая в телевизионных передачах, на страницах газет и интернет-сайтах оживлённую полемику, наполненную аргументацией, контр-аргументацией и оценочными

суждениями. Представленная в средствах массовой информации полемика в какой-либо сфере – это не единичные споры, а комплексная система взаимосвязанных дискуссий, затрагивающих различные аспекты – от технических решений до геополитических вопросов. Анализ публичных дискуссий, отражённых в средствах массовой информации, позволяет выявить специфические лингвопрагматические особенности и стратегии аргументации, используемые участниками этих коммуникативных актов.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении действенных аргументативных стратегий в современном немецкоязычном полемическом дискурсе, посвящённых проблемам современной энергетики.

Основным объектом изучения выступает аргументация, реализуемая в немецкоязычном дискурсе энергетики. Материалом исследования лингвопрагматических особенностей полемических высказываний послужил полемический дискурс, представленный корпусом актуальных немецкоязычных статей, посвящённых проблемам энергетики и опубликованных в периодических изданиях Германии в 2026 г.

В процессе исследования в рамках антропоцентрического подхода использовались как общенаучные, так и частнолингвистические методы исследования: описательный метод во всех его формах (наблюдение, классификация, интерпретация) был дополнен приёмами дефиниционного, контекстологического, стилистического и дискурс-анализа, позволившими уточнить семантику и прагматику высказываний с учётом экстралингвистических факторов, а также приемами целенаправленной выборки для формирования исследовательской картотеки.

Полемические тексты, как и любые другие медиаматериалы, характеризуются «интенционально заданной функционально-стилевой и коммуникативно-прагматической ориентацией, определяющей репертуар языковых средств из широкой зоны выбора его автора» [1, с. 43], что предполагает использование соответствующих приемов воздействия на

реципиента, важное место в числе которых принадлежит аргументации, традиционно трактуемой как способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса, рассматриваются доводы, даётся оценка основаниям и тезису, доказывается тезис и опровергается антитезис [2, с. 7]. Аргументация рассматривается при этом как особый тип текста или его часть, имплементированные в речевое взаимодействие с целью трансляции ценностно-ориентационных компонентов, в том числе в рамках медиапространства влияющих на трансформацию аксио- и концептосферы контркоммуниканта, т. е. оказывающих манипулятивный эффект по координации действий и созданию синтонной коммуникации [3, с. 50].

В коммуникативно-прагматическом плане можно выделить следующие виды аргументации:

1) доказательство: прямое или косвенное; от противного; разделительное, или доказательство методом исключения;

2) опровержение: критика тезиса: опровержение фактами, доказательство истинности антитезиса, установление ложности следствий; критика аргументов; критика демонстрации; подтверждение тезиса [4, с. 349].

В отношении способов формирования речевого действия аргументации представляется возможным выделить на основе трудов зарубежных и отечественных исследователей несколько подходов: 1) интерактивный – присущий преимущественно текстам научного стиля, рассматриваемый П. Хили в качестве движущей силы научного исследования [5]; 2) коммуникативный – сфокусированный на языковых и стилистических средствах в не-диалогическом общении, что чаще всего прослеживается в печатных медиа; 3) когнитивно-лингвистический – рассматривающий использование аргументов в качестве компонентов общей системы взаимоотношения коммуникантов: «поэтапное понимание информации дает ее слойно-ступенчатую обработку и тройственную категоризацию в когнитивную, эмоционально-оценочную и языковую системы [6, с. 71]; 4) логико-

лингвистический – предполагающий исследование импликации причинно-следственных выводов в рамках сферхфазовых единств и описание речевых актов, составляющих такие единства [7]; 5) коммуникативно-прагматический – построенный на интеграции аргументативности в структуру всех речевых актов. Подчёркивается также необходимость рассмотрения аргументативной личности в процессе доказательства и убеждения, которая создаёт конкретное моделируемое пространство по правилам синтактики, семантики и прагматики [8].

В широком смысле представляется возможным выделить аргументативный диискурс как «особый вид социальной коммуникации, цель которой состоит в том, чтобы определенным, выгодным для говорящего образом, воздействовать на адресата сообщения в консенсуальной области взаимодействия» [9, с. 99]. Коммуниканты, особенно в медийной полемике, могут обращаться к игре слов, образным средствам, конструированию неологизмов, склоняя читателя на свою сторону (например, в модели взаимоотношений между политиками и электоратом), и в таком случае «парадокс новой словоформы в том, что она не только поражает умы, но пробуждает любопытство и расположение граждан к говорящему» [10, с. 200], что свидетельствует о значительном прагматическом потенциале креативного словотворчества.

В процессе аргументации позиции коммуникантов реализуются в определённом контексте, влияние на который оказывают предмет полемики, фоновая и предшествующая обсуждению информация. Это отражается в том числе на выбранной аргументативной стратегии, «при этом язык выступает инструментом формирования и выражения ценностных предпочтений адресанта» [11, с. 73].

Стратегии аргументации с целью обоснования определённой позиции прослеживаются в публикациях, посвящённых важным для общества темам, в особенности проблемам европейской энергетики. Так, в материале издания Edison под названием «Atomkraft ja bitte: Warum Europa wieder auf Kernenergie

setzt» [12], рассматриваются положительный опыт и перспективные планы использования атомной энергии в европейских странах, акцент при этом сделан на критической оценке проведённых в этой сфере в Германии реформ. Автор статьи, В. Кемпкенс, приводит определённые мнения и тезисы, относящиеся к конкретной европейской стране, подкрепляя их аргументами. Так, например, цитируется высказывание датского министра по проблемам климата и энергетического обеспечения Ларса Агаарда о приоритете зеленой энергетики, но с некоторой оговоркой:

Grüne Energie aus Sonne und Wind wird auch in Zukunft das Rückgrat der dänischen Energieversorgung sein, aber wir sehen auch, dass sie allein nicht ausreichen kann.

Таким образом, в статье прослеживается аргументативная стратегия поддержки и положительной оценки зеленой энергетики, но ввиду ее недостаточности признается потенциальная возможность ограниченного использования и атомной энергии: *Kleine modulare Kernreaktoren könnten hier eine Option sein.* Используются также стратегии положительной презентации опыта других стран, в частности, Швейцарии, подкрепленного достоверными фактами, а также информативными графиками.

Статья в медиа может быть построена на трансляции аргументации по конкретной проблеме, как это наблюдается, например, при лоббировании или продвижении определённого законопроекта. Так, в публикации «Lobby-Papier – RWE setzt auf Gas und will Batteriespeicher ausgrenzen» из Handelsblatt [13] описывается лоббистская деятельность энергетического концерна RWE, направленная на изменение правил в сфере энергетики Германии. Здесь прослеживается убеждающая аргументация со стороны компании, но приводятся и потенциальные контраргументы со стороны экспертов и общественности, что создаёт ситуацию острого полемического взаимодействия. Авторы статьи, К. Крапп, Ю. Олк, К. Штратманн и К. Витч, транслируют

ключевое предложение концерна о приоритете газовых электростанций, что является аргументом в пользу их бизнес-модели и интересов:

*RWE schlägt nun Maßnahmen vor, die ausschließlich **Gaskraftwerke bevorzugen** und Batteriespeicher de facto von den Ausschreibungen ausschließen würden.*

В материале также приводятся аргументы, противительный которых более четко обозначает позицию компании посредством контраргумента, указывающего на возможные негативные последствия:

*Der Konzern spricht sich außerdem **gegen eine Empfehlung des Bundeskartellamts aus**, die seine Marktmacht begrenzen würde.*

В рамках полемики выдвинутые компанией аргументы сталкиваются с интересами как конкурентов, так и потребителей и регуляторов, которые стремятся предотвратить монополизацию и злоупотребление доминирующим положением. В форме причинно-следственного высказывания приводятся далее весомые конкретные аргументы предостерегающего характера на тот случай, если федеральное правительство поддержит предложения концерна:

*Falls die Bundesregierung auf die Forderungen eingeht, könnte dies nach Ansicht von Experten Deutschlands **Energiewende ausbremsen, für steigende Strompreise sorgen und die Abhängigkeit von fossilen Energien erhöhen.***

Контраргументация в приведенном контексте актуализирует социально значимые негативные последствия в результате поддержки предложений концерна: замедление реформирования энергетики, рост цен на электроэнергию и увеличение зависимости от ископаемых видов топлива.

Как показал анализ, в публикациях, посвящённых проблемам европейской энергетики, прослеживаются чётко выраженные позиции, подкрепляемые разнообразными риторическими и информационными инструментами аргументации.

Характерная для современного полемиического дискурса энергетики трансляция и столкновение различных точек зрения обеспечивают

полемический характер информационного пространства, активно прибегающего к аргументации как действенному средству убеждения.

Решающее значение при интерпретации аргументативных ходов имеет дискурсивный контекст и экстралингвистические условия коммуникации. Контекстуальная обусловленность способна модифицировать информативность и аргументативный потенциал речевых действий, придавая эвалюативным компонентам высказываний дополнительную интенсификацию.

Аргументация в исследуемых немецкоязычных медиатекстах включает внедрение системы логических доводов и оценочных суждений, способных отражать многоуровневый характер острых дискуссий по вопросам энергетики – от технических решений до общеевропейских проблем. Выявленные в ходе анализа стратегии, такие как легитимация позиции через авторитетные источники, лоббирование корпоративных интересов и имплицитное противопоставление технологических альтернатив, способствуют не только убеждению реципиента, но и конструированию определённой картины мира в медиaprостранстве.

Список литературы

1. Серебрякова С.В., Серебряков А.А. Лингвопереводческая специфика немецкого литературоведческого дискурса. *Информативный потенциал лингвоконструктов*: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Белгород, 09–10 апреля 2025 года. Белгород: ЦПП НИУ "БелГУ". 2025: 42–49.
2. Брутян Г.А. *Аргументация*. Ереван: Издательство АН АрмССР; 1984.
3. Авдеев Е.А., Бредихин С.Н., Воробьев С.М. Стратегмно-тактическое варьирование в конфликтногенном сетевом дискурсе: глокализация ценностного пространства. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2024; 1: 47–62.
4. Лебединский С.И. *Стратегическая теория овладения русским языком как иностранным и стратегии обучения*. Минск: БГУ; 2019.
5. Healey P. Argumentation, rational disagreement, and the rhetorical constitution of objectivity. *Proceedings of the Third ISSA Conference on Argumentation*. 1994. 1: 63–71.
6. Васильев Л.Г. *Аргументация и ее понимание: логико-лингвистический подход*. Калуга: Калужск. гос. ун-т. им. К.Э. Циолковского; 2014.
7. Мельникова О.Н. *Имплицативные сверхфазовые единства в английском языке*: дисс. ... канд. филол. наук. Тула; 2003.
8. Фанян Н.Ю. *Аргументация как лингвопрагматическая структура*: дисс. ... докт. филол. наук. Краснодар; 2000.
9. Космодемьянская В.И. Стратегии и тактики в аргументативном полемиическом дискурсе. *Политическая лингвистика*. 2016; 1: 99–103.
10. Вергасова И.Я., Тахтарова С.С. Игровое словотворчество: морфологические и неосемантические трансформации (на материале французского языка). *Казанский лингвистический журнал*. 2025; 8(2): 194–203.

11. Серебрякова С.В., Кибкало, Р.И. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на материале текстов В. Г. Сурдина). *Известия ЮФУ. Филол. Науки.* 2024; 28(2 (3)): 72–83.
12. Kempkens W. Atomkraft ja bitte: Warum Europa wieder auf Kernenergie setzt. URL: <https://edison.media/energie/renaissance-fuer-die-gruene-kernkraft-in-europa/25266017/> [дата обращения 27.02.2026].
13. Krapp C., Olk J., Stratmann K., Witsch K. Lobby-Papier – RWE setzt auf Gas und will Batteriespeicher ausgrenzen. URL: <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/energie/energie-lobby-papier-rwe-setzt-auf-gas-und-will-batteriespeicher-ausgrenzen/100201683.html> [дата обращения 24.02.2026].

References

1. Serebriakova S.V., Serebryakov A.A. Linguistic and translation specifics of German literary discourse. *Informative potential of linguistic constructs*: Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference, Belgorod, 9–10 April 2025. Belgorod: CPP NIU ‘BelSU’. 2025: 42–49. (In Russ.)
2. Brutyan G.A. *Argumentation*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR; 1984. (In Russ.)
3. Avdeev E.A., Bredikhin S.N., Vorobyov S.M. Strategic and tactical variation in conflict-generating network discourse: glocalisation of the value space. *Current issues in philology and pedagogical linguistics*. 2024; 1: 47–62. (In Russ.)
4. Lebedinsky S.I. *Strategic theory of mastering Russian as a foreign language and teaching strategies*. Minsk: BSU; 2019. (In Russ.)
5. Healey P. Argumentation, rational disagreement, and the rhetorical constitution of objectivity. *Proceedings of the Third ISSA Conference on Argumentation*. 1994; 1: 63–71.
6. Vasilyev L.G. *Argumentation and its understanding: a logical-linguistic approach*. Kaluga: Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky; 2014. (In Russ.)
7. Melnikova O.N. *Implicative superphase units in the English language*: dissertation ... candidate of philological sciences. Tula; 2003. (In Russ.)
8. Fanyan N.Yu. *Argumentation as a linguistic-pragmatic structure*: dissertation ... Doctor of Philological Sciences. Krasnodar; 2000. (In Russ.)
9. Kosmodemyanskaya V.I. Strategies and tactics in argumentative polemical discourse. *Political Linguistics*. 2016; 1: 99–103. (In Russ.)
10. Vergassova I.Ya., Takhtarova S.S. Playful word formation: morphological and non-semantic transformations (based on French language material). *Kazan Linguistic Journal*. 2025; 8(2): 194–203. (In Russ.)
11. Serebriakova S.V., Kibkalo, R.I. Evaluativeness as a pragmatically significant marker of authorial presence in popular science discourse on astronomy (based on texts by V.G. Surdin). *Izvestiya SFU. Philological Sciences*. 2024; 28(2 (3)): 72–83. (In Russ.)
12. Kempkens W. Atomkraft ja bitte: Warum Europa wieder auf Kernenergie setzt. Available from: <https://edison.media/energie/renaissance-fuer-die-gruene-kernkraft-in-europa/25266017/> [accessed 22.02.2026]. (In Germ.)
13. Krapp C., Olk J., Stratmann K., Witsch K. Lobby-Papier – RWE setzt auf Gas und will Batteriespeicher ausgrenzen. Available from: <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/energie/energie-lobby-papier-rwe-setzt-auf-gas-und-will-batteriespeicher-ausgrenzen/100201683.html> [accessed 24.02.2026]. (In Germ.)

Автор публикации

Щуринов Юрий Сергеевич –

аспирант, ассистент

Северо-Кавказский федеральный университет

Ставрополь, Россия

Email: yshchurinov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0004-8527-1463>

Author of the publication

Shchurinov Iurii Sergeevich –

PhD-student, Assistant

North Caucasus Federal University

Stavropol, Russia

Email: yshchurinov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0004-8527-1463>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of in-

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.05.2026

Одобрена после рецензирования: 15.07.2026

Принята к публикации: 27.08.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

terest.

Article info

Submitted: 28.05.2026

Approved after peer reviewing: 15.07.2026

Accepted for publication: 27.08.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал

Главный редактор – С.С. Тахтарова

Выпускающий редактор – Л.Р. Сакаева

Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова

Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова

Научные редакторы:

Ф.Л. Ратнер (педагогика)

Л.Е. Бушканец (литературоведение)

Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal

International peer-reviewed journal

Chief editor – S.S. Takhtarova

Executive editor – L.R. Sakaeva

Press and editorial manager – D.R. Sabirova

Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova

Scientific editors:

F.L. Ratner (pedagogics)

L.E. Bushkanets (literary studies)

L.R. Sakaeva (linguistics)

Date of publication: 25.09.2026

Дата выхода в свет: 25.09.2026

